
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градамъ русскимъ
ВИЛЬНА
1868.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА X.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1868.

Дозволено цензурою. 20-го декабря 1868 года. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“
Въ будущемъ 1869 году.

(*СЕДМОМЪ*).

Шестилѣтнее существованіе **„Вѣстника Западной Россіи“** настолько уяснило характеръ его и направленіе, что мы можемъ избавить себя отъ всякихъ на эту тему объясненій съ читающею публикой. Шестилѣтнее существованіе изданія спеціальнаго, провинціальнаго, съ трудомъ пробивавшагося сквозь сплошную массу препятствій внѣшнихъ и внутреннихъ, и неуклонившагося ни на шагъ отъ принятаго однажды направленія, служитъ наглядною порукой и прочности изданія, и его цѣлесообразности, и вниманія къ нему патріотической части русской интеллигенціи края и отечества. Усилившіяся въ теченіи послѣдняго года и достигавшія нерѣдко крайняго безобразія нападки на „Вѣстникъ“ и его дѣятелей со стороны нѣкоторыхъ газетъ несомнѣнно доказываютъ, что это изданіе сильно перечитъ ихъ теоріямъ, симпатіямъ и намѣреніямъ и бодро стоитъ на стражѣ началъ охранительныхъ, патріотичныхъ.

Такіе признаки жизненности нашего изданія и продолжающагося на него запроса побуждаютъ насъ, съ вѣрою въ помощь Божію и надеждою на нравственную и матеріальную поддержку со стороны людей истинно-русскихъ, приступить къ продолженію нашего дѣла и въ слѣдующемъ 1869-мъ году.

„Вѣстникъ Западной Россіи" будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, въ *буквалныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи источниковъ для исторіи западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ,—свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ

связи съ ея прошедшею исторіею,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи, новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, исключительно касающіяся сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи. Объявленія и проч.

„ВѢСТНИКЪ"

будетъ выходить съ января мѣсяца книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ **А. Г. Сыркина** (б. Сеньковскаго).

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ—у коммиссіонера „Вѣстника", книгопродавца **А. Ф. Базунова**, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца **А. Н. Ѳерапонтова**, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспаскаго монастыря.

ВЪ ВАРШАВѢ—у книгопродавца г. **Кожанчикова.**

ВЪ КОВНѢ—въ книжномъ магазинѣ **Косогорова** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 5 р., съ доставкою на домъ 7 руб., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволять относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: **Вѣстникъ Западной Россіи,** *въ Вильну.*

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору-издателю „Вѣстника" *Ксенофонту Антоновичу* **Говорскому,** въ Вильну.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ" за истекшіе годы дѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны, по **4** руб., для иногородныхъ по **6** руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ, для первыхъ по **5** руб., для послѣднихъ по **6** руб., **50** коп. за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и 1867 годы — для первыхъ по **6** руб. для послѣднихъ по **7** руб. Для выписывающихъ „Вѣстникъ" за истекшіе годы не менѣе 10-ти экземпляровъ, дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ: не менѣе 25—10% 50—15% и 100—20%.

Редакторъ-издатель ***К. Говорскій.***

Редакторъ-сотрудникъ ***И. Эремичъ.***

I.

№ 11.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда по дѣлу, заведенному полоцкимъ архіепископомъ Гавріиломъ Колендою объ отнятіи отъ уніатовъ заблудовской церкви и введеніи въ ней греческаго богослуженія конюшимъ Великаго Княжества Литовскаго Богуславомъ Радзвилломъ 1664 г. (*).

Лета отъ нароженя Сына Божого тисеча шетьсотъ пятого мѣсеца Октября третого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ на завтрее по светомъ михале святе Рымскомъ припалыхъ и судовне

(*) Этотъ документъ разъясняетъ нѣсколько важныхъ обстоятельствъ. Во первыхъ представлено въ судъ объявленіе, что церковь Заблудовская съ самаго своего основанія принадлежала православнымъ и что притязанія на онуюу уніятовъ рѣшительно неправильны. Во вторыхъ ревность, съ какою князь Богуславъ Радзивиллъ отстаиваетъ права церкви православной, заставляетъ до-

въ Городне порядкомъ правнымъ одправованыхъ, передъ нами Константымъ Александровичомъ судьею, Томашомъ Воловичомъ подсудкомъ, Петромъ Хребтовичомъ писаромъ, врадниками судовыми повету Гродненского, кгды съ порадку реестрового ку суженю припала справа Бозе превелебного его милости ксендза Габріеля Коленды, архиепископа Полоцкого, Витебского, епископа Мстиславскаго, администратора Березвецкого, Лещинского, Супраслского архимандрыты метрополіи Кіевское, Галицкое и всея Руси администратора зъ ясне освецонымъ ксенжатемъ его милостю Богуславомъ Радивиломъ, конюшимъ Великого князтва Литовского, старостою Бранскимъ и Пошырвинскимъ, яко опекуномъ, зъ докладомь освецоное ксенжнички ее милости панны Анны Марыянный Радивиловны воеводянки Виленской, по родычу ее милости не только маетности Заблудовая, але и всихъ добръ сукцессорки, за позвомъ и декретомъ суду головного Трибунального въ неузнаню форумъ той справы, але на скуточную доземства отосланя росправы, менечы, ижъ бы черезъ ясноосвецоного ксенжати, его милости пана конюшого, по обнятю маетности Заблудовское опекою, одняте церкви Заблудовское, на фалу Божую Успленя Панны Пренасветшое Марыей одъ светое памети въ Богу змарлого небощика его милости пана Грегорего Ходкевича каштеляна Виленского на унию

гадываться, что и онъ принадлежалъ къ этой церкви; въ противномъ случаѣ, еслибъ былъ католикомъ, онъ не рѣшился бы идти противъ уніи, покровительствуемой католицизмомъ и дѣйствовать въ противность интерессамъ латинской церкви. Наконецъ, въ этомъ документѣ упоминается о пактахъ, то есть договорахъ между православной Русью и уніятами заключенныхъ. Смыслъ этихъ договоровъ могъ бы разъяснить многія обстоятельства, относящіяся къ исторіи уніи; но, къ сожалѣнію, этихъ договоровъ между актами центральнаго архива до сихъ поръ отыскать не было возможности.

светую съ костеломъ Рымскимъ фундованую вжо въ року давно прошломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ третимъ, о впроважене якобы черезъ княжати его милости до тое церкви унияцкое дызунитовъ, ку суженю нашому припала справа, а стороны черезъ енерала приволаныи были къ особе жалобивого въ Бозе велебнаго его милости ксендза коленды наместникъ Супраслскій, велебный отецъ Антоній Парфеновичъ зъ умоцованымъ своимъ паномъ Матеемъ Скуратомъ, а одъ ясneосвецоного ксенжати его милости пана конюшого Великого Князства Литовского слуга его ксенжацкое милости панъ Станиславъ Шышка до дня нятого месеца Октября на умоцованого потребовалъ, чого и мы оному позволили. За которымъ то окладомъ, гды ажъ на дню девятомъ октебра прыволана была, отъ превелебного его милости ксендза архиепископа Полоцкого акторату справа, тотъ же его ксенжятской милости слуга зъ умоцованымъ паномъ Андреемъ Корейвою становилъ, который тотъ умоцованый отъ ясneосвецоного кнежати его милости, хотечы ее о таковомъ обвиненю усправедливить, на копию справъ наказу врадъ упрашалъ, въ которомъ и томъ, яко правномъ потребованю, назначившы день трети росправы зо всихъ справъ, абы отъ превелебного его милости ксендза архиепископа были противной стороне даны копие наказали. За которымъ наказомъ нашымъ, кгды на дню трынадцатымъ приволана была справа жалобливого его милости ксендза Коленды, пленипотентъ крывды хвале Божое доходечи за фундушомъ о церковъ Заблудовскую, за униацкую, а противнымъ сносoбомъ слуга и пленипотентъ способомъ ксенжати его милости панъ Шышка съ наномъ Корейво о невинности ксенжа его милость не отбералъ, дызунитовъ до тое церкви не впровожалъ, але тая церковъ Заблудовская одъ давного часу не униятомъ,

але людемъ реликгіи Кгрецкое, въ унией съ костеломъ святымъ Рымскимъ не будучымъ належала, яко и належитъ доводити хотелъ, священикъ Забудовскій и сындыкъ тое церкви, именемъ велебного его милости отца Антония Винницкого, митрополиты Киевского и всего огульне духовенства религии Кгрецкое въ унни не будучое, чынечы въ той справе о церковь Заблудоскую, которая зъ вековъ въ дыспозыцей метрополиты Кіевского, Руси сторожитное зоставала, приповедане зъ одмовою въ тотъ способъ писаною на письме подалъ: По которомъ подмною тое обмовы моцою артыкулу двадцать четвортого зъ розделу четвертого, абы была одложона до роковъ прышлыхъ тая справа, взглядомъ поданое обмовы афектовалъ, Мы врадъ въ той справе ихъ милостей особъ вышъ речоныхъ, за позвомъ по ясноосвецоного ксенжати его тилости пана Богуслава Радивила конюшого Великого Князства Литовского, старосты Бранского и Пошырвинскаго, зъ докладомъ ясне освецоное княжны ее милости панны Анны Марианны Янушовны Радивиловны, воеводянки Виленское, якобы позваный ксенжа его милость, обнявшы маетность Заблудовъ опекою, церковь въ томъ месте Заблудовѣ будучою Успленя Пречистое Богородицы Марые и Чудотворца великого Миколы, на унию съ костеломъ Рымскимъ фундованую, яко о томъ ширѣй въ позвы жалобы есть описано, на набоженство дызунитовъ подать мелъ; въ котерой справе. поневажъ обмова до насъ враду на письме подана есть одъ отца Іана Кудрыцкого свещепика Заблудовское церкви одъ Прокопа Русиновича сындыка, афектуючи, абы за принятемъ оное и сусцептованемъ, моцою артыкулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого, была до роковъ прышлыхъ тая справа суспендована, до которое тое обмовы и мы врадъ стосуючысе моцою артикулу по-

даново суспендуемъ. Одъ которого то нашого декрету, иже есмо яко въ слушномъ и правномъ аффектованю особъ менованыхъ суспензу учинили, отецъ Антоній Парфеновичъ наместникъ Супраского монастыру, менечы уближене справедливости светое, въ томъ цункте до суду Головного Туибунального апелевалъ, которое и мы въ терминъ належный росправы за тоею апеляцыею допустили, а потомъ заразомъ самъ добровольне одступившы тое апеляцые, на томъ декрете нашомъ престалъ, которая справа, яко се предъ нами одправовала, есть до книгъ земскихъ записана.

Изъ актовой книги за 1664 1666 г. виленскаго центральнаго архива.

2.

Окончательное определеніе гродненскаго земскаго суда, по силѣ котораго православная цервовь въ м. Заблудовѣ отдана уніатамъ съ уплатою за нѣсколько лѣтъ десятины. Въ опредѣленіи этомъ прописывается сеймовое постановленіе касательно нѣкоторыхъ уступокъ уніатовъ въ пользу православныхъ. 1666 г. (*).

Лета отъ нароженя Сына Божего тисеча шестсотъ шестьдесять шостого, месеца Октебра семого дня.

(*) Этотъ документъ составляетъ продолженіе предъидущаго. Онъ заключаетъ въ себѣ много весьма важныхъ обстоятельствъ, какъ то: постановленіе варшавскаго сейма 1635 года, которому представлена была общая просьба объ оставленіи православныхъ церквей въ управленіи ихъ духовенства. Это событіе произошло за тритцать лѣтъ до составленія настоящаго документа, въ продолженіи которыхъ православное духовенство постоянно владѣло

На рокахъ судовыхъ земскихъ по святомъ Михале святе Рымскомъ водле права припалыхъ и судовне у Городне отправовапыхъ, передъ нами Константымъ Александвовичомъ судьею, Томашомъ Воловичемъ подсудкомъ, Петромъ Хребтовичомъ писаромъ' врадниками судовыми земскими повету Городненского, кгды съ порадку реестрового ку суженю припала справа ясне вельможного въ Бозе превелебного его милости ксендза Габриеля Коленды, метрополиты Киевского, Галицкого, и всея Руси, архимандриты Супраского зъ ясне освецонымъ княжатемъ его милостю Богуславомъ Янушевичомъ Радивиломъ, конюшимъ Великого Князтва Литовсково, Бранскимъ и Пошырвипскимъ старостю, и ясне освецоною ксенжною ее милотью Анною Марьею Янушевичовною Радивиловною воеводянкою Виленскою, Богуславовою Радивиловою, конюшиною великого князтва Литовского, малжонкою освецоного княжати его милости за позвомъ въ речы нижей мененой вынесенымъ, до которое справы, за прыволанемъ черезъ енерала сторонъ до права одъ вельможного его милости ксендза метро-

---

этою церковью, слѣдственно обвиненіе Радзивилла въ 1665 году, якобы онъ ввелъ въ эту церковь неунитовъ вполнѣ неосновательно, потому что православные имѣли въ своемъ вѣденіи заблудовскую церковь болѣе 20 лѣтъ прежде вступленія Богуслава Радзивилла во владѣніе имѣніемъ Заблудово. Самая фундація церкви, какъ сказано въ предъидущемъ документѣ и повторяется неоднократно въ настоящемъ, произошла въ 1564 году, когда еще объ уніи и слуху не было. Это обстоятельство доказываетъ несомненную подложность представленнаго противниками Радзивилла акта, взятаго якобы изъ книгъ трибунала, въ которомъ говорится, что церковь заблудовская построена была Хоткевичемъ, для уніятовъ, которыхъ въ то верми вовсе еще не было. Да и самаго этого документа въ оригиналѣ нигдѣ отыскать невозможно. Земскій судъ, не смотря на видпмыя доказательства неосновательности требованій уніятовъ, присудилъ имъ заблудовскую церковь, а съ Радзивилла велѣлъ взыскать 4,400 золотыхъ за невзносъ имъ десятинъ въ пользу уніятовъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ.

политы Киевского, умоцованый при бытности самого его милости, моцъ собе до тое справы отъ него злецоную маючы, панъ Криштофъ Чижевскій, а одъ освецоныхъ княжатъ ихъ милости позваныхъ умоцованый за моцою листовною правною панъ Михалъ Миневскій, при бытности слугъ освецоного княжати его милости пана Криштофа Кривца, старосты Заблудовскаго и пана Станислава Шышки становили; за тымъ пленипотентъ акторовъ поданя и положеня по освецоныхъ княжатъ ихъ милости, въ маетности и дворе Заблудовю въ повете Городненскомъ лежачомъ, позву черезъ енерала его королевское милости повету Городненского Александра Сороку, передъ его милостю паномъ писаромъ земскимъ Городненскимъ признанымъ и року за тымъ припалаго доведши и трое воланя пильности на томъ позве описаное рукою тогожъ его милости пана писара назначеное оказавшы и продуковавшы впредъ декретъ враду нашего съ прошлыхъ роковъ межы его милости ксендзомъ метрополитою, а межъ освецонымъ княжатемъ его милости конюшымъ великого князтва Литовского о одняте церкви Заблудовское на хвалу Божую заложеныя, Успения Богородицы Марыи и светого великого Чудотворца Миколы, одъ годное памети въ Богу зошлого ясне освецоного его милости Грыгоря Хоткевича каштеляна Виленского, на унию съ костеломъ святымъ Рымскимъ фундованое, о впроважене до тое церкви униятское дызунитовъ, о задержане одъ заложеня позву провнзыи по часъ которое справы передъ нами актикованое свещеникъ Заблюдовское церкви, релии дызуницкое, на имя Янъ Кудрицкій и Прокопъ Русиповичъ, который менилъ ее быть сындыкомъ тое церкви, обмову до насъ враду на письме, именемъ якобы велебного отца Антонего Винницкого метрополиты Киевского, дызуницкого, ме-

нечы о заручено пактъ межы народомъ Кгрецкимъ, то есть униатами а дызунитами постановленыхъ, просечы несуженя на онъ часъ тое справы, але откладу оное до другихъ роковъ, моцою артыкулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого, на мунимента, то есть, на показане менованыхъ пактъ, подавшы, а по прочитаню тое обмовы, помененые особы приняття оное устное просили и тые пакта на пришлыхъ рокахъ, яко теперешнихъ покладать декляровали. Якожъ мы врадъ на онъ часъ тую обмову принявшы моцъю помененого артикулу па показане тыхъ пактъ, до теперешнихъ роковъ позволили, что декретомъ нашымъ зъ роковъ прошлыхъ михаловскихъ, въ року прошломъ тисеча шесть сотъ шестьдесятъ пятомъ месеца октебра третего дня ферованымъ и выданымъ, требуючи, абы впередъ сторона позваная тому декретови досыть учинила, то есть, албо тые пакта показала, албо тежъ место показаня мунимента подлугъ того артыкулу менованого заплатила кгды сторона позвана вступовать въ право не можетъ, ажъ перв
ейшому декретови досыть учинитъ. На што умоцованый позваныхъ, поставившы помененого свещенника Заблудовскаго дызунита и Русиновича сындыка, водлугъ тогожъ артыкулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого место плаченя мунимментовой вины, до присеги оныхъ бралъ; умоцованый засъ жалобливого вносилъ то, же помененые особы тое присеги выконать не могутъ, албовемъ не зъ ними справа, але зъ освецонымъ княжатемъ его милостю, а тые особы только на проволоку справедливости светое абы тая справа ку розсудку зъ княжатемъ, его милостю не приходила, але проленкгована была, таковую зъ воли княжати его милости подали обмову, за чымъ абы княжа его милость самъ тому декретови досыть учинилъ, наказу у насъ враду просилъ,

на што умоцованый княжати его милости, репликуючы, поведилъ, же тотъ Русиновичъ не на жадную зволоку справедливости светое, але власне хочеты помененые пакта продуковати таковую обмову подалъ, начомъ водле першого домованя и до присеги оному беру и узнаня оному прошу: въ томъ ма врадъ розсудокъ чынечы впередъ, абы тотъ Русиновичъ помененые пакта межы народомъ Кгрецкимъ постановленые, которые продуковать на першыхъ рокахъ декляровалъ, теперъ передъ нами только для щегульной информацыи покзалъ наказали, а за неуказанемъ оныхъ тотъ Русиновичъ на томъ, яко съ прошлыхъ, такъ-рочныхъ роковъ Михаловскихъ, не на жадную зволоку сторонамъ, право ведучымъ, взялъ, але справедливе, же ведле обмовы до насъ поданое взглядомъ пактъ на церковь Заблудовскую межы народами Рускими будучыхъ, на тенерешнихъ рокахъ мелъ доводити и показати; которыхъ ижъ теперь жадныхъ передъ нами не продуковали пактъ, до присеги се, место пактъ покладаня оbeралъ, и мы врадъ место вины мунументовое, водле того артикулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого и водле декрету нашого тогорочного, присегу всказуемъ Прокопови Русиновичови, которую онъ дня завтрешнего, то есть осмого месеца Октебра выконать маетъ, а по выконаню таковой присеги, обудвумъ сторонамъ далей въ право поступовать наказали осмо. Якожъ дня осмого месеца октебра тотъ Русиновичъ, чинечы досыть декретови нашому, тую присегу, зъ роты собе черезъ енерала читаную выконалъ, въ тые словы: Ja Prokop Rusinowicz przysiengam Panu Bogu Wszechmogoncemu w Troycy swiętey Jedynemu na tym, iako s przeszłych rokow tak rocznych Michałowskich wziąłem nie na żadną zwłokę stronom prawo wiodącym, ale sprawiedliwie na to, że wedle obmowy do sądu podaney, względem pact na cerkiew Zabłudowską między narodami

Ruskiemi będących, na teraznieyszych rokach miałem dowodzić i pokazać, na czym iako sprawiedliwie przysięgam tak mnie Panie Boże pomoż, a ieśli niesprawiedliwie Panie Boże mnie ubiy. А по выконаню той присеги тотъ же умоцованый стороны поводовое панъ Чыжевскій, поднесшы запозовъ, жалобу зъ него стороны своей читать хотелъ, тогды пленипотентъ стороны позваное панъ Миневскій, продукуючы конституцыю року тисеча шестьсотъ сорокъ первого, вносилъ то, же тая справа не нашому земскому, але сеймовому розсудкови подлегаетъ, зачымъ неузнаня передъ собою форумъ, але одосланя оное водле помененой конституцыи на сеймъ, у насъ враду просилъ; на што умоцованый стороны поводовое противо ексцыпованю въ той справе форумъ декретъ трибунальскій, въ року тисеча шестьсотъ шестьдесятъ пятымъ, месеца мая дванадцатого дня у Вильни ферованый чыталъ, кгды въ той справе межы ясне перевелебнымъ его милости ксендзомъ метрополитою Киевскимъ а межы тымъ же ясне освецонымъ княжатемъ его милостю у суду головного трибунального, о тую церковь справа точила, и гды тамъже съ тоеюжъ конституцыею вышей цытованою отъ ксенжати его милости ставано де форо, афектуючы въ той справе до належного враду отосланя, якожъ судъ головный трибунальный не узнавшы передъ собою въ той справе форумъ. до враду належного земского Городенского на скуточную росправу заложившы, такъ на врадъ въ допущеню, яко и на сторону въ заживаню дылацый отослалъ, за которымъ отосланемъ кгды въ року прошломъ тисеча шестьсотъ шестьдесятъ пятомъ о тожъ на рокахъ Михаловскихъ агитовалася справа, при контроверсыи ясне превелебного его милости ксендза метрополиты, не хотечы и въ самой речы росправить, менечы, ижъ бы тая церковъ въ Заблудовю не унии, але дызунии належати мела, чого

пробовать хотечы, не ексцыпуючи форумъ, тотъ священникъ дызунитскій Іанъ Кудрицкій и Прокопъ Русиновичъ сындыкъ, черезъ поданую обмову на писме именемъ велебного отца Антонего Винницкого, метрополиты Киевского дызунитского въ продукованe пактъ межы народомъ релии Кгрецкой, моцою артикулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого, до роковъ теперешнихъ суспенсу одержалъ, въ чомъ мы врадъ стосуючы се до того цытованого артыкулу до тое суспенсы подлугъ поданое обмовы поззволили и абы на термине нынейшомъ для информацыи насъ самихъ тые пакта на которые и забирали, продукованые были, наказали, которыхъ и теперъ передъ нами жадныхъ не продуковали пактъ, съ тыхъ намъ водлугъ декрету нашого такъ рочного присегу, до которое се сами забирали, место вины мунимeнтовое, наказали Прокопови Русиновичови, который самъ сындыкомъ менилъ се быть, выконать, по которого но выконаню присеги на дню осмомъ черезъ Русиновича, кгды зъ наказу нашого въ самой справе процедовать наказали, теды умоцованый одъ ясне освецоного ксенжати его милости панъ Миневскій, при бытности до той справы слуги кнежати его милости, не хотечы се въ той справе передъ нами и теперъ усправедливить, менечы ижъ бы то не розсудкови нашому, але саймови самому судить належало, форумъ екцыпуючы, констытуцые две, меновите, року тисеча шестьсотъ сорокъ первого и року тисеча шестьсотъ тридцать третего, а набардзей до тое ексцепцыи о форумъ за головнейшую тисеча шестьсотъ сорокъ первго року констытуцыю цытуючы де форо ставалъ, поведаючи, же за короля его милости светобливое памети Владислава четвертого, же кгды о забране церкви, любо о кгрунты церковные идетъ, теды о то не судъ земскій, але на сейме, передъ всею речью посполи-

тою росправа быти маетъ, отосланя на сеймъ потребовалъ. На што панъ Скуратъ, репликуючи и ставаючы при декрете суду головного Трибунальнаго въ дате вышъ поменсномъ року въ тойже справе ферованомъ доводилъ, яко не иншому судови ено розсудкови враду; вашихъ милостей тая справа належитъ, а до того пры отправованой той справе самъ ясне превелебный его милость ксендзъ мотрополита Киевски, при контрадикцыи умоцованыхъ съ прочитаное тое конституцыи, тисеча шесть сотъ сорокъ первого року, кгды бы о фундушъ королевъ ихъ милости, а не шляхецкое фундацыи шло, тою конституцыею заслоняться бы мелъ, поведилъ, на которую яко манифестацыя противо тое конституцыи одъ велю ихъ милостей такъ духовныхъ яко свецкого стану занесена естъ на сеймѣ, покладалъ, которая, абы въ сесъ декретъ нашъ инсерована была. потребовалъ. По прочитаню той манифестацыи умоцованый ясне превелебного его милости ксендза метрополиты Киевского. при декрете трибунальскомъ ставаючы, актыкацыю фундушу ясне вельможного его милости пана Грегорого Хоткевича кастеляна Виленского, гетмана великого князтва Литовского, въ дате року тисеча шестьсоть шестьдесятъ четвертого месеца Iюля первого дня съ книгъ суду головного трибунального выданую на ту церковь Заблудовскую, яко не дызунiи, але унии съ костеломъ святымъ Рымскимъ есть фундована, тотъ фундушъ на тую церковь наданый покладалъ и яко много провизыи на тую церковь попови, дяконови и канторови на кажды рокъ приходитъ доводилъ, недопущеня тое неслушное ексцепцыи, яко только на проволоку справедливости светое неслушне вношоное зоживаетъ ухиленя тыхъ констытуцый на сторону а узнаня въ чой справе форумъ и наказу процедованя потребовалъ. Мы врадъ поневажъ же

фундушъ на церковъ Заблудовскую не отъ королей ихъ милости, але яко шляхецкая фундацыя отъ годное памети его милости пана Грыгоря Александровича Хоткевича справленый оказалъ, ексепцыю стороны позваное на сторону ухилившы, въ той справе форумъ, стосуючы се до декрету суду головного Трибунального, передъ нами покладаного, передъ собою узнавшы, процедовать наказуемъ. По которомъ то наказе нашомъ, жесмо тое справы на сеймъ не одослали, сторона отпорная протестовавшысе, запокольнократнымъ приволанемъ енеральскимъ въ самой речы до отказу не становила, за тымъ умоцованый стороны поводовое, при бытности въ Бозе превелебного ясне вельможного его милости ксендза метрополиты Киевского, панъ Криштофъ Чыжевскій доводечы кривды и жалобы позевъ поднесшы, жалобу зънего широцей въ томъ позве по ксенджати его милости и ксенжны ее милости описаную чыталъ тыми словы о то и таковымъ способомъ, ижъ кгды въ року давно прошломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ третемъ месеца Іюню семого дня годное памети зъ того света зошлый ясне вельможный панъ Григорый Хоткевичъ, панъ Виленски, гетманъ найвысшй Великого Князства Литовского съ побожности и ласки своей, на честь и хвалу пану Богу Всевышнему церковъ въ маетности своей вечистой, въ Заблудовю, въ поветѣ Городенскомъ лежачую заложеня Внебовзятя Пренасветшой Паны збудовалъ и абы хвала уставичне отправована быть могла певное надане на тую церковь и на каплана релии Кгрецкой въ унии съ костеломъ Рымскимъ зостаючой *) лекговавшы, вечными часы ненарушне фундовалъ, яко о томъ вся речь

*] Отъявленная ложь. Унія возникла послѣ 1563 года чрезъ 33 года, на брестскомъ соборѣ 1596 года.

въ томъ фундушу описана, лечъ вельможный ваша милость панъ конюшый, набывшы тую маетность Заблудовъ, не ведаетъ зъ якой оказыи завзявшы неякій противу вере светой Униацкой ранкоръ, ничего недбаючы на право посполитое и лекце собе оное неважаючы, взрушаючы покой посполиты, наступуючы на право и таковый даровный фундушъ, чынечы великую оппресыю церкви светой въ унии съ светымъ костеломъ Рымскимъ зостаючой. до тое церкви Заблудовской, где отъ веку уния была и на унию фундовано. дызунитовъ впровадилъ еси, въ чомъ ксендзъ метрополита взявшы певную ведомость, же тамъ передъ тымъ уния была и на унию фундовано, яко належитый пастырь и директоръ всихъ церквей святыхъ въ унии зъ костеломъ Рымскимъ зостаючыхъ, постерегаючы, абы уйма веры светой и церквямъ не было, але далей помножене брать могла, о которое неслушное одняте одъ унитовъ той церкви, а о напроважене дызунии хотечы о то зъ верностію вашей милости правомъ чынить, якожъ кгды о то зъ вашмостями правомъ превелебный ксендзъ метрополита чынитъ за позвомъ и декретомъ суду головного трибунального отосланя на скуточну росправу по вашей милости на прошлыхъ рокахъ Михаловскихъ у Городне сужоныхъ зачалъ правомъ, где теды за поданою обмовою до враду отъ священника Заблудовского и сындыка, афектуючы суспенсы на мунимента до пришлыхъ роковъ моцю артыкулу въ декретѣ выражномъ врадъ допустилъ одкладати и тое суспенсы узычылъ, на которомъ термине декляровали тые особы, одъ которыхъ обмова подана была, яко тая церковь зъ давныхъ часовъ не унитомъ, але дызунитомъ належитъ, документа показать и за ними ся скуточне на жалобу жалобливого справять. По прочитаню того позву покладалъ процесъ отъ его ми-

лости ксендза метрополиты на позваныхъ взвышъ мененой акцыи до книгъ головныхъ трибунальныхъ въ року тисеча шестьсотъ шестдесятъ четвертымъ, за взятемъ ведомости о помененомъ фундушу донесеный и въ томъ же року месеца июля первого дня съ тыхъ книгъ выданый, такъ же и фундушомъ взглядомъ неотданое разнымъ збожемъ свещенникови тое церкви и дяконови легованое провизыи доводилъ, ижъ на кождый годъ повинно давать десетины, яко тотъ фундушъ описуетъ, меновите. свещенникова жита на годъ коп пятдесятъ, канторови церковному жыта копъ двадцать пять, томужъ ечменю копъ двадцать пять, которого того збожа отъ чиненого процесу черезъ тры лета не отдавано, всего жыта учинитъ копъ триста семдесятъ и пять. ечменю також копъ трыста семдесятъ и пять, и особливе коледы зъ каждого пляцу на кождый годъ такъ на свещеника, яко и на дякона по грошы чотыры, чого всего учинитъ готовымъ грошомъ такъ за жыто яко и за ечмень, водлугъ торгу чотыры тысечи шестдесятъ пять золотыхъ Польскихъ. Ещо на дальшый доводъ двомъ капланомъ, то есть, Теодорови Пониквицкому и Іану Шашце подле фундушу покладаного, яко тая церковь не на дызунию, але на унию съ костеломъ сятымъ Рымскимъ фундована естъ до присеги бралъ, а по присезе тое церкви Заблудовской на унию. и провизыи отъ учыненого процесу, которая водле порахунку сумою чынитъ чогыры тисечы двесте шестьдесятъ пять золотыхъ польскихъ, стороне своей присуженя и вказу на маетноси ясне освецоного ксенжати его милости Заблудовю въ повете Городенскомъ лежачой где о то позовъ естъ покладаный, потребовалъ и на подане тое церкви унии светой, придане енераловъ Миколая Кулишевского а Андрея Миленкого афектовалъ и взглядомъ вказу за неотданое

провизыи той церкви униацкой належитой, подле выразного фундушу, на отправу порадкомъ правнымъ приходить наказу и вольности доковлялъ. А какъ мы врадъ врадъ въ той справе ясне вельможного въ Бозе превелебного его милости ксендза Кгабриеля Коленды метрополиты Киевского, Галицкого и всея Руси, зъ ясне освецонымъ княжатемъ его милостию Богуславомъ Радивиломъ коню шымъ великого князтва Литовского и ясне освецоною кнежною Анною Марыею Радивиловною воеводянкою Виленскою, Богуславовою Радивиловою малжонкою его кнежацкое милости, за позвомъ о неслушное черезъ княжатя его милости одняте церкви, въ месте Заблудовою въ повете Городенскомъ лежачой, заложене Успения пресвятой Богородицы и светого великого чудотворца Миколы, одъ светобливое памети зошлого съ сего света ясневельможного его милости пана Грыгория Хоткевичаа каштеляна Виленского. гетмана великого князтва Литовского на хвалу Божую духовенству релии Кгрецкое въ унии светой съ костеломъ Рымскимъ будучому, о впроваженe до тое церкви дызунитовъ, прытомъ о неоддане провизыи рознымъ збожемъ каплaнови, дяконови и канторови при той церкви будучымъ, тою же фундацыею лекгованое, и назначоное, за тымъ до уступеня тое церкви и отдане помененое провизыи одъ учыненой въ той акцыи процесу. Въ которой справе, по ухиленю нашомъ експепцыи, черезъ умоцовавного отъ княжати его милости вношоное о форумъ. на сторону, и по наказе нашомъ сторонамъ далей въ право поступовать въ дальшомъ поступку правномъ, поневажъ умоцованый позваныхъ ксенжати ихъ милости протестовавшысе за поколькокротнымъ зъ наказу нашого прыволыванемъ енеральскимъ до отказу въ самой речы не одбывалъ: про то мы врадъ княжатъ ихъ милости,

яко права непослушныхъ, въ року завитомъ на упадъ даемъ и въ самой справе при покладныхъ фундушу, процесахъ и иншыхъ документахъ правныхъ, еще на дальшы доводъ двомъ свещенникомъ, то есть Теодору Пониквицкому и Яну Шашку, на томъ яко тая церковь въ Заблудовю на паметь Успения пресвятой Богородицы и светого великого чудотворца Миколы, черезъ ясне вельможного его милости пана Григория Хоткевича каштеляна Виленского на хвалу Божую съ костеломъ светымъ Рымскимъ, релии униацкое, и не дызунитомъ фундована естъ, которую дотолъ дызуниты держатъ, а на томъ яко провентъ подле фундушу тогожъ светобливой памети, отъ учиненого процесу на княжати его милости и позву вынесеного презъ тотъ часъ имъ унитомъ не дохдилъ, присегу вказуемъ и день выконаня оной, поневажъ свято у понеделокъ Пресвятой Богородицы Покровы, дня дванадцатого месеца Октебра назначаемъ, па которомъ припаломъ дню пемененые отцове свещенницы. досить чынечы декретови нашому, ведле сее роты присегу выконали въ тые слова: Ja Theodor Ponikwicki a Ja Jan Szaszko swieszcsęunicy przysięgamy Panu Bogu Wczechmogaącemu w Troycy ś. iedynemu, na tym, iako ta cerkiew w Zabłudowiu na pamięc Uspienia Preczystoy Bohorodzicy y swietoho wielikoho czudotworcy Mikoły przez Jasnie wielmożnogo Imci pana Chodkiewicza kasztelana Wileńskiego na chwa ę Bożą s kosciołem świętym religii uniackiey, a nie disunitom fundowana iest, ktorą dotąd dysunici trzymaią. y na tym iako provent wedle funduszu tegoż zeszłego swiętobliwey pamięci, od uczynionego processu ua xięica Imsci y pozwu wyniesionego przez ten czas nam uniatom nie dochodził, na czym iako sprawiedliwie przysigamy tak nam P. Boże pomoż y Jego męka święta Amen. А за выкономъ присеги подлугъ домовянясе умоцованого отъ ясне превелебного его милости ксендза метрополиты и доведенемъ черезъ покладаные документа, тую церковь въ месте Заблудовю унии светой присужаемъ и заразомъ на подане помененое церкви съ плацомъ и

трема волоками межы кгрунтами месними и зо всими приналежностями, подлугъ фундушу до ее належачыми, двохъ енераловъ Андрея Миленского и Миколая кулишеского придаемъ, которые по поданемъ княжати его милости въ чотырохъ неделяхъ обвещени, до маетности Заблудовя зъехати и тую церковь Заблудовскую зъ плацомъ, зъ волоками и зо всими до нее приналежностями до посесыи его милости ксендза метрополиты подати маютъ. А взглядомъ належное провизыи, яко се домовляно съ порахунку сумою отъ заложеня позву, черезъ тры лета недоходячое, и выкладами правными, всего сумою чотыри тысячы чотырыста золотыхъ польскихъ, на маетности ясне освецоного княжати его милости и княжны ее милости названомъ Заблудовю, на который о то позовъ нокладанъ, ку отправе за всказаную суму впередъ черезъ енераловъ, которыхъ симъ декретомъ и особливымъ листомъ нашымъ на то придаемъ, потомъ и черезъ насъ врадъ порадкомъ правнымъ приходить его милости ксендзу метрополите Киевскому зъ закладомъ на спротивного водле важности речы осужное заруку вольность зоставуемъ. Которая справа, якосе передъ нами врадомъ отправовала, есть до книгъ земскихъ справъ судовыхъ повету Городенского записана.

Изъ актовой книги за 1664—66 годъ виленскаю центральнаго архива.

3.

Дарственная запись князя Константина Острожскаго, супруги его княгини Татьяны и сына ихъ князя Ильи—туровской Преображенской церкви на садъ съ пасѣкою, поля и сѣножати. 1508 г.

Въ лѣто -го (7016) году, мѣсеца Мая 2 дня, при дръжавѣ господаря короля его милости великого князя Жикгмонта. Я князь Костентинъ Ивановичъ Острозкый, гетманъ господаря короля его милости великого князя Жикгимонта, староста Луцкый и Браславскый и Вѣницкый, маршалокъ Волынской земли, и зъ женою моею княгинею Татьяною, и зъ сыномъ нашимъ княземъ Ильею, надали есмо въ Туровѣ и записали у евангеліи ко церкви Божіей къ Преображенію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, надали есмо садъ съ пасѣкою, и поля съ сѣножатьми, и съ озеры и зъ жаможками, на сюй сторонѣ на передсѣльи села Вересницкого, на сюй сторонѣ Воронинѣ отъ замку, присвещеникохъ святого храма Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на имя священиковъ Митрофана и Матѳѣя, вѣчно и на вѣкы непорушно. А еслибы потомъ хто бы хотѣлъ тое наше наданье нарушити, кгрунтъ церковный отдалити отъ церкви Божіей и Святого Спаса, тому судить Господь Богъ и Пресвята Его Мати, и да будетъ причтенъ съ тыми. которые суть прокляты Святыми Отцы на святыхъ седми соборѣхъ.

Запись эта находится въ туровскомъ евангеліи XI вѣка, хранящемся въ настоящее время въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки. Найдено оно въ 1865 г. Н. И. Соколовымъ въ Туровѣ. Форматъ

евангелія—малая четвертка (4 вершка въ ширину, менье 5 в. въ длину). Евангеліе это—недѣльное апракосъ; всѣхъ страницъ 20, откуда видно, что это—отрывокъ, начинающійся притчею о десяти дѣвахъ. Два листа изъ этого отрывка (5 и 6) напечатаны въ 1-й книжкѣ (1867 г.) XI тома Записокъ Императорской Академіи Наукъ, въ статьѣ академика И. И. Срезневскаго Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, стр. 30—33. Дарственная запись 1508 г. помѣщается на поляхъ 2-го листа, на оборотѣ. Далѣе слѣдуетъ судебное засвидѣтельствованіе на польскомъ языкѣ, что запись эти явлена въ пинскомъ земскомъ судѣ въ 1782 г. и записана подъ 31 числомъ мѣсяца октября; и наконецъ засвидѣтельствованіе люстратора, помѣченное 6 іюля 1790 года.

4.

Дарственная запись князя Константина Ивановича Острожскаго, супруги его княгини Татьяны и сына ихъ князя Ильи—туровской Преображенской церкви на три поля съ припашьми и сѣножатьми. 1513 г.

Въ лѣто -го (7021) году, мѣсеца Февраля 10 дня, при дръжавѣ господаря короля его милости великого князя Жикгимонта. Я князь Костентинъ Ивановичъ Острозкій, панъ виленскій, гетьманъ господаря короля его милости великого князя Жикгимонта. староста Луцкый и Брасловскый и Вѣницкый, маршалокъ Волынскои земли, и зъ женою моею княгинею Татьяною и зъ сыномъ нашимъ княземъ Ильею, надали есмо въ Туровѣ и записали у свангеліи ку церкви Божіей къ Преображенію Господа Бога Спаса нашего Іисуса

Христа три поли на предсѣльи села Вересницкого, и зъ принашьми, и зъ сѣножатьми, и зъ замежками, по самую речьку и долину, при священикохъ святого храма Преображенія Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа, на имя свещенниковъ Митрофана и Матѳѣя, вѣчно и на вѣки непорушно. А еслибы потомъ хто бы хотѣлъ тое наше наданье нарушити и той кгрунтъ отдалити отъ церкви Божіи Святого Спаса, тому судить Господь Богъ и Пресвятая Его Мати, и да будетъ причтенъ съ тыми, которыи суть прокляты Святыми отцы на святыхъ седми соборѣхъ.

Запись эта помѣщается на оборотѣ 9 листа туровскаго евангелія XI вѣка. Въ концѣ слѣдуетъ судебное засвидѣтельствованіе на польскомъ языкѣ, что запись эта явлена въ Пинскомъ земскомъ судѣ въ 1791 г. и записана подъ 31 числомъ мѣсяца октября.

II.

О ЗАПАДНО-РУССКИХЪ АРХИМАНДРІЯХЪ.

Въ западной Россіи во время польскаго владычества было два рода *архимандрій*. Перваго рода архимандріями назывались тѣ монастыри, настоятели которыхъ носили титулъ архимандритовъ, подобно настоятелямъ нынѣшнихъ первоклассныхъ монастырей. До уніи эти настоятели, какъ и въ настоящее время, назначались и утверждались митрополитами или мѣстными епископами и находились въ полной отъ нихъ зависимости. Со временъ уніи, когда всѣ монастыри, какъ перешедшіе въ унію, такъ и позднѣе образовавшіеся, составили особую конгрегацію, извѣстную въ исторіи подъ именемъ *базиліанскаго ордена*, всѣ настоятели безъ исключенія назначались *генераломъ* ордена, или, какъ его еще иначе называли, *протоархимандритомъ*, который по конституціямъ ордена, избирался изъ простыхъ монаховъ, на четыре года, и въ тоже время былъ настоятелемъ какого нибудь монастыря. Другаго рода *архимандріями* назывались тѣ монастыри, которые получили фундуши отъ литовскихъ князей или отъ польскихъ королей. Эти монастыри считались какъ бы собственностью короны (beneficio), и по усмотрѣнію королей могли быть отдаваемы въ пожизненное владѣніе, за какія нибудь заслуги, лицамъ какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ. Судьба такихъ монастырей всегда была незавидна. Лица, получившія отъ короля привилей на какую нибудь архимандрію, старались только о томъ, чтобы получить отъ ней какъ можно больше выгодъ. Отъ того монастыри эти большею частію находились

въ крайнемъ упадкѣ. Случалось такъ, что въ монастырѣ не было ни одного монаха, кромѣ одного архимандрита. Вмѣсто монаховъ онъ содержалъ въ монастырѣ ближайшихъ родственниковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Не лучше было положеніе монастыря, если управлялъ имъ человѣкъ свѣтскаго званія. Еще болѣе жалкая судьба была этихъ монастырей по смерти архимандритовъ. Каждый изъ сосѣднихъ владѣльцевъ старался захватить что нибудь изъ монастырскихъ фундушей, и будущему архимандриту приходилось вести нескончаемые процессы о захватѣ земель и угодій монастырскихъ. Такъ было до начала XVII столѣтія, т. е. до образованія уніатскаго базиліанскаго ордена. Базиліане позаботились хоть сколько нибудь исправить зло. На первой же конгрегаціи новогрудской въ 1617 г. они постановили выхлопотать у короля привилей, по которому всѣ высшіе іерархическіе мѣста и должности въ церкви должны быть отдаваемы только монахамъ этого ордена и при томъ съ согласія и по рекомендаціи ордена. Этотъ привилей былъ выданъ ордену Владиславомъ IV въ 1635 г. Въ этомъ привилеѣ Владиславъ IV, за себя и за своихъ предковъ, обѣщаетъ: „архіепископствъ, архимандрій и игуменствъ никому другому не давать, какъ только монахамъ базиліанскаго ордена.“ Этотъ привилей былъ подтверждаемъ неоднократно не только королями, но и сеймовыми конституціями. Такъ въ конституціи 1775 г. сказано: „Всѣ права и привилеи, данныя нами и нашими предками базиліанскому ордену вообще и ихъ монастырямъ въ частностя, подтверждаемъ и оставляемъ въ прежней силѣ. Въ конституціи 1764 г. на проэктъ посла земли Рожанской—Вишоватого, чтобы церковныя бенефиціи были даваемы въ награду не тотько монахамъ базиліанамъ, но и свѣтскому русскому (уніатскому) клиру, сказано: „Важнѣйшіе *бенефиціи* церковныя должны быть отдаваемы только *тѣмъ* лицамъ, при содѣйствіи которыхъ св. унія отъ ея начала и до настоящаго времени была счастливо поддержана, распространена и теперь держится. А такъ какъ всѣмъ этимъ она обязана *базиліанамъ*, то отнимать отъ нихъ церковныя бенефиціи и высшія іерархическія мѣста и должности, *и давать свѣтскому клиру*, значило бы идти на перекоръ двухсотлѣтнему опыту, подтверждающему, что только *этимъ*

способомъ держалась унія, и ее саму подвергать явной опасности, чему явнымъ доказательствомъ служатъ недавнія украинскія событія."

Получивши подобныя права и привилеи, базиліане съ своей стороны старались предупредить могущія вкрасться въ орденъ злоупотребленія, т. е. непомѣрное стремленіе монаховъ къ пріобрѣтенію доходныхъ бенефицій и неизбежныя при этомъ интриги и заискиванія у сильныхъ міра. Съ этой же цѣлью на первой базиліанской конгрегаціи было постановлено, чтобы всѣ члены ордена, при постриженіи въ монашество, кромѣ трехъ обыкновенныхъ обѣтовъ монашескихъ: дѣвства, нестяжательности и послушанія, давали еще *четвертый* обѣтъ—„о недомогательствѣ высшихъ іерархическихъ мѣстъ и должностей." Это постановленіе въ актахъ конгрегаціи такъ мотивировано: „Такъ какъ въ силу правъ духовныхъ и по утвердившемуся обычаю въ церкви, на духовныя достоинства должны быть возводимы только лица монашествующія,—чего измѣнить нельзя, да и несправедливо было бы; съ другой стороны, чтобы этимъ путемъ не вкралась въ нашъ орденъ страсть незаконными средствами искать и добиваться высшихъ церковныхъ мѣстъ и должностей: то во избѣжаніе этаго мы постановляемъ и утверждаемъ на вѣчныя времена, чтобы каждый, поступающій въ нашъ орденъ, сверхъ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ давалъ еще обѣтъ на то, что онъ ни тайно или явно, самъ собою или посредствомъ другихъ, не будетъ искать и добиваться высшихъ должностей какъ монастырскихъ, такъ и церковныхъ, особенно свѣтскихъ. А если кто осмѣлится сдѣлать это, тотъ уже тѣмъ самымъ лишитъ себя права на полученіе этихъ мѣстъ, и никто другой не можетъ избрать и поставить его на это мѣсто, и гдѣ монахи профессы имѣютъ право голоса, онъ не будетъ имѣть этого права до смерти."

Этотъ обѣтъ,—замѣчаетъ Олешевскій *), авторъ рукописи,

---

*) *Олешевскій*, сначала генеральный прокураторъ базиліанскаго ордена, потомъ настоятель разныхъ монастырей, виленскаго, минскаго, борунскаго и тороканскаго, наконецъ былъ *консульторомъ* или совѣтникомъ ордена 1720 года. Извѣстенъ какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ правъ и конституцій базиліанскаго ордена. Написалъ нѣсколько книгъ въ защиту своего ордена, къ

подъ заглавіемъ: *„Объясненіе нѣкоторыхъ правъ и конституцій базиліанскихъ,“*—установленъ по подражанію іезуитамъ, у которыхъ обѣтъ этотъ свято исполнялся, и никто изъ нихъ самъ собою не добивался высшихъ мѣстъ.

Но невсегда и не всѣ члены ордена считали обязательнымъ для себя 4-й обѣтъ, особенно митрополиты и епископы. Они самопроизвольно, безъ согласія ордена, возводили многіе монастыри на степень архимандрій, въ смыслѣ королевскихъ бенефицій, и по собственному усмотрѣнію давали на нихъ презенту своимъ кліентамъ, или же сами получали привилея подчасъ на нѣсколько архимандрій. Отъ того весьма часто происходили непріятныя столкновенія ордена съ прелатами и даже протесты и жалобы въ Римѣ. Такъ въ 1661 года на конгрегаціи жировицкой, базиліане протестовали на незаконное возведеніе въ архимандріи, благодаря слабости митрополита Антонія Селявы, слѣдующихъ монастырей: полоцкаго, черейскаго, дубенскаго, гродненскаго, брестскаго, минскаго и мстиславскаго. На этой же конгрегаціи постановлено было отправить въ Римъ одного изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ ордена, Якова Сушу, еп. холмскаго. По распоряженію изъ Рима была созвана конгрегація въ Брестѣ въ 1666 г., подъ предсѣдательствомъ нунція Игнатія Пигнателло. Нунцій открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью, обращенною къ присутствующимъ на конгрегаціи епископамъ и другимъ представителямъ ордена: „Дошло до моего свѣдѣнія, что въ орденѣ произошли большія безпорядки, что прелаты возвели многіе монастыри на степень архимандрій и сами владѣютъ ими, а нѣкоторые имѣютъ даже въ своемъ владѣніи по нѣскольку архимандрій, что въ этихъ монастыряхъ весьма мало монаховъ, а это отъ того, что доходы монастырскіе обращаются не на монаховъ, а на прелатовъ.“ По этому, нунцій совѣтуетъ далѣе митрополиту, который на этой же конгрегаціи былъ избранъ протоархимандритомъ, принять зависящія отъ него мѣры

числу которыхъ, кромѣ упомянутой рукописи, относится Refutacya informacyi XX. Jezuitow Połockich o dobrach do ich collegium należących, напечатана въ Вильнѣ 1699 году. Другая книга упомянутая выше, рукопись на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Objasnienie niektórych konstituciy zakonnych Reguły S. O. naszego Bazylego W.

ъ уничтоженію новыхъ архимандрій, отнять ихъ у тѣхъ пре-атовъ, которые незаконно владѣютъ ими и передать ихъ въ ѣденіе ордена *).

Коленда созываетъ конгрегацію въ Вильнѣ, на которой заставляетъ Марціана Бѣлозора, епископа пинскаго, отречься отъ архимандріи виленской, такъ какъ виленскій Троицкій монастырь имѣлъ привиллегію Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра на свободное избраніе старшихъ или настоятелей монастыря; Венедикту Глинскому, который получилъ привилей на владимірскую епископію, объявилъ, что онъ не посвятитъ его въ епископы до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ архимандріи кобринской. Глинскій не сдержалъ своего обѣщанія,— кобринскій монастырь былъ наполненъ свѣтскими людьми,—не было ни одного монаха. Конгрегація новогрудская 1671 года силою отняла у него этотъ монастырь; точно также поступила она и съ Марціяномъ Бѣлозоромъ, епископомъ пинскимъ и туровскимъ, который выгналъ монаховъ изъ лавришовскаго монастыря и посадилъ тамъ брата своего съ женою и дѣтьми. По смерти митрополита и протоархимандрита ордена Гавріила Коленды, наступили тяжелыя времена для ордена. Своеволіе и безпорядки снова возобновились и продолжались до избранія новаго митрополита. Тѣ, у которыхъ только что отняты были архимандріи, опять овладѣли ими и отдали ихъ въ распоряженіе свѣтскихъ людей. Орденъ ничего не могъ сдѣлать съ ними, потому что не было кому протестовать,—у него не было такихъ протекторовъ сильныхъ, какъ Коленда митрополитъ.

Наконецъ въ митрополиты избранъ Кипріанъ Жоховскій, а протоархимандритомъ Пахомій Огилевичъ. Базиліане съѣхались на конгрегацію въ Жировицы 1675. Они просили митрополита, чтобы онъ, во 1-хъ, по примѣру Рутскаго, не умножалъ архимандрій; 2) чтобы уничтожены были по крайней мѣрѣ виленская, черейская и минская архимандріи и 3) безъ совѣта и согласія съ протоархимандритомъ никого не возводилъ на высшія должности.

Жоховскій согласился на уничтоженіе упомянутыхъ архи-

---

*) Акт. Конгрегаціи Брестской, Рукопись.

мандрій, но только по смерти тѣхъ лицъ, которыя теперь владѣли ими.

Таже исторія повторялась и послѣ Жоховскаго, до Льва Залескаго. Ни угрозы, ни обѣты не могли удержать развившейся между базиліанскими монахами страсти всякими средствами получать привилеи на архимандріи безъ вѣдома и безъ согласія ордена. Базиліане долговременнымъ опытомъ убѣдились, что 4-й обѣтъ потерялъ всякую силу, и потому на конгрегаціи 1703 г. въ Новогрудкѣ опредѣлено было окончательно уничтожить 4-й обѣтъ, По совѣту митрополита, особою статьею договора съ митрополитомъ, или такъ называемаго Nexus-а, поручили все это дѣло митрополитамъ, которые должны были преслѣдовать, наказывать и отсылать въ вѣдомство ордена тѣхъ, которые самовольно будутъ искать высшихъ должностей.—

„Такъ—то,—заключаетъ Олешевскій, — орденъ отстаивалъ свои права, противъ насилій и злоупотребленій прелатовъ. И орденъ нашъ могъ бы хвалиться умноженіемъ славы Божіей (т. е. распространеніемъ уніи), равно какъ и распространеніемъ своихъ монастырей и увеличеніемъ числа монаховъ; но увы, не многимъ чѣмъ можемъ мы гордиться и хвалиться; напротивъ, много вкралось въ нашъ орденъ такого, о чемъ нельзя даже подумать безъ боли въ сердцѣ: все это произошло отъ того, что мы во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и замыслахъ не имѣли единодушія, что одинъ установилъ и утвердилъ полезнаго и благодѣтельнаго для ордена, то другіе, мало того, что не считали обязательнымъ для себя, но и дѣлали насилія правамъ, привиллегіямъ, фундушамъ и конституціямъ ордена. Акты конгрегацій ясно показываютъ, что орденъ нашъ почти никогда не имѣлъ покоя отъ прелатовъ. Такъ, начиная съ Антонія Сѣлявы, почти каждый изъ нихъ для полученія теплаго мѣстечка, сперва старался ускользнуть изъ послушанія ордену, а получивши такое мѣстечко, поступалъ самовольно, не боялся и не хотѣлъ знать власти протоархимандрита.“—

„Кому неизвѣстны,—продолжаетъ тотъ же базиліанскій писатель, — королевскіе привиллегіи, данныя *виленскому Свято-Троицкому* монастырю на свободное избраніе старшихъ или

титулярныхъ архимандритовъ на 4 года — и какъ этотъ монастырь противился желанію одного прелата *) присоединить его къ пинской епископіи. Кто не знаетъ, что минская Вознесенская архимандрія съ 1633 года присоединена къ церкви и монастырю Свято Духовскому и привилеемъ Короля Владислава IV обращена въ игуменство? А кто будетъ противорѣчить тому, что монастырь *лавришовскій* имѣлъ одинаковые права и привиллегіи съ виленскимъ монастыремъ и который теперь, благодаря тѣмъ, которые нарушили эти права и выхлопотали себѣ привилей на полное и безотчетное владѣніе его обширчыми фундушами, не можетъ содержать и одного іеромонаха, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ большіе праздники и въ воскресные дни могло отправляться богослуженіе въ церкви. А что сказать объ архимандріи *гродненской*, въ которой церковь основана Богушемъ Боговолиновичемъ, писаремъ короля Александра, въ честь мучениковъ Бориса и Глѣба, на земскомъ фундушѣ. Стыдно сказать, что тамъ въ недавнее время все заросло крапивой, а церковь безъ крыши, такъ что это пустое зданіе служитъ страшилищемъ и пугаломъ для мѣстныхъ жителей, чему я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1693 годъ во время сейма. Тогда какъ во всѣхъ костелахъ славилось имя Божіе, одна только наша церковь была пуста и служила посмѣшищемъ свѣту, не смотря на то, что имѣла фундушъ съ нѣсколькими десятками крестьянъ."

„Нельзя безъ особенной жалости вспомнить и о *черейскомъ* монастырѣ, получившемъ фундуцію отъ знаменитой фамиліи Сапѣговъ. Пока этотъ монастырь былъ простымъ игуменствомъ starszenstwo: по красотѣ и богатству церкви и вообще по своему прекрасному мѣстоположенію онъ могъ считаться райскимъ жилищемъ славы Божіей. Но какъ скоро сдѣлался архимандріею; то не только монастырь пришелъ въ развалины, но и самая церковь, обезображенная соломенною крышею, угрожаетъ скорымъ паденіемъ. Нечего уже говорить о другихъ архимандріяхъ на Волыни, какъ напр., о *жидичинской*, которая когда то считалась *золотымъ яблокомъ*, а теперь едва можетъ содержать одного или двухъ монаховъ, а церковь стоитъ на

*) Марціана Бялозора, епископа пинскаго.

подпорахъ. *Дорогобужская* тоже обнищала и напоминаетъ о себѣ только полуразвалившимися стѣнами своей церкви.—Архимандрія *браславская* около 1718-го года, переходя отъ одного владѣльца къ другому, наконецъ пришла въ такой упадокъ, что иногда и одного монаха не могла содержать, а церковь пришла почти въ такой же упадокъ."

„Благодаря тѣмъ же привиллегированнымъ архимандритамъ, мало того, говоритъ тотъ же базиліанскій писатель, что монастыри пришли въ упадокъ, потому что каждый изъ нихъ больше заботился о благосостояніи своего кармана, чѣмъ о благосостояніи архимандріи,—они еще лишились многихъ фундушей и разныхъ суммъ, записанныхъ на разныхъ имѣніяхъ. Такъ напр. виленскій монастырь (Св. Троицы) потерялъ два фольварка подъ названіемъ *Свентыники и Пуреники* въ ковенскомъ уѣздѣ съ семью деревнями, пожертвованными монастырю княземъ Матѳеемъ Никитичемъ Головчинскимъ.

Тоже самое случилось и съ суммами, записанными на разныхъ имѣніяхъ, благодаря той же заботливости архимандритовъ. Гдѣ напр. сумма *Скумина*, записанная Благовѣщенской часовнѣ (при церкви вилен. Троиц. монастыря) на имѣніи Божейковѣ? Гдѣ сумма часовни *Шостаковской* фундаціи Исайковскихъ, записанная на Осциновщизнѣ? Сумма кіевличовская, сумма колендзинская на алтарь Св. Креста, сумма дубовичовская на акаѳистъ Божіей Матери, да и еще много другихъ, о которыхъ нечего и упоминать—гдѣ онѣ? Всѣ онѣ перешли въ чужія руки...."

„Перейдемъ теперь къ архимандріи дерманской и дубенской, и спросимъ, отъ чего эти монастыри, славящіеся когда то многочисленностью монаховъ и особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ, — теперь извѣстны только по имени, и со дня на день приходятъ все въ большія и большія развалины? Вѣроятно намъ скажутъ, что эти архимандріи пришли въ такой упадокъ отъ того, что потомки князя Острожскаго начали отнимать понемногу фундуши своихъ предковъ. Но все таки и изъ тѣхъ фундушей, которые остались во владѣніи этихъ монастырей, можно было бы содержать двухъ или трехъ иноковъ; но чѣмъ же тогда будутъ пользоваться ихъ архимандриты? Стыдно описывать состояніе трокской архимандріи, осно-

нной великимъ княземъ литовскимъ, Витовтомъ. Эта архимандрія имѣла не малое количество земли и десятины на нѣкорыхъ имѣніяхъ; теперь почти все это потеряла, благодаря обенной заботливости своихъ архимандритовъ.“

„Не стану говорить о другихъ, менѣе мнѣ извѣстныхъ архимандріяхъ. Но и изъ упомянутыхъ уже видно, что на нихъ было благословенія Божія, что онѣ всегда находились въ лкомъ положеніи;—а это потому, что архимандриты заболись *не о томъ, что Христово,* но о собственныхъ выгодахъ. е было между ними тѣхъ древнихъ, достойныхъ подражанія ятыхъ отцовъ и архимандритовъ, Пахоміевъ, Макаріевъ, еодоровъ Студитовъ, Антоніевъ и Ѳеодосіевъ Печерскихъ, остославныхъ Поцѣевъ и Руцкихъ, которые имѣли въ своемъ правленіи по нѣсколько тысячь иноковъ, — не такъ, какъ въ аши времена, что гдѣ *архимандритъ*, тамъ только и видѣнъ динъ *архимандритъ* съ толпою свѣтскихъ людей; а что касатся до иноковъ, то архимандриты почему то не любятъ ихъ. Отъ того то соблазнъ міру, а намъ униженіе.“

Такъ заканчиваетъ свой обзоръ состоянія уніатскихъ западно-русскихъ архимандрій одинъ изъ лучшихъ базиліанскихъ исателей.

Трокская Архимандрія.

Городъ Троки одинъ изъ древнѣйшихъ литовскихъ городовъ. Основаніе его польскіе историки и лѣтописцы относятъ къ 1150 г. (*).—До 1320 г., т. е. до перенесенія Гедиминомъ столицы въ Вильну, г. Троки былъ нѣкоторое время столичнымъ городомъ Литвы. Въ настоящее время Троки одинъ изъ бѣднѣйшихъ уѣздныхъ городовъ Виленской губерніи. Городъ этотъ окруженъ большимъ или главнымъ трокскимъ озеромъ, Гальва, которое раздѣляется довольно значительными островами на нѣсколько меньшихъ озеръ, которыя въ разное время имѣли разныя названія, какъ напр. озеро Лука, озеро Бобрукъ, Олазка, Аширинайтисъ, Татарское.—Живописные, по мѣстамъ возвышенные берега озера, усѣяннаго множествомъ островов, придаютъ особенную красоту городу. На одномъ изъ этихъ ост-

(*) Лукашевича Obraz Litwy ч. 1 стр. 93.

рововъ видны и до сихъ поръ развалины замка, построеннаго литовскимъ княземъ Кейстутомъ. Троки замѣчательны въ исторіи Литвы между прочимъ тѣмъ, что здѣсь были посѣяны первыя сѣмена православной вѣры, которая утвердилась потомъ въ Вильнѣ, бывъ запечатлѣна мученическою кровью св. Антонія, Іоанна и Евстафія, и наконецъ распространилась по всей Литвѣ.

Многіе изъ литовскихъ князей до Ягеллы не только не мѣшали принимать христіанство своимъ подданнымъ, но и сами добровольно, по искреннему убѣжденію; крестились по восточному обряду. Здѣсь достаточно указать для примѣра на Войшелга, сына Миндовга, который не только крестился по греко-восточному обряду, но принялъ даже санъ инока, отказавшись отъ престола по смерти отца своего въ пользу холмскаго князя Шварна Даниловича. По такимъ же побужденіямъ приняли христіанство два племянника Миндовга Товтивилъ и Довмонтъ, знаменитый въ исторіи Пскова. По разсказамъ лѣтописцевъ, Довмонтъ прибылъ въ Псковъ изъ Завилейскаго княжества съ значительнымъ числомъ литовцевъ и посвятилъ услуги свои новому отечеству. При его содѣйствіи приняла христіансгво и сестра его, бывшая за литовскимъ княземъ Гордономъ, и дѣти ея. Третій племянникъ Миндовга, Твойденъ, если самъ не крестился, те за то сынъ его нетолько принялъ св. крещеніе по греко-восточному обряду, но и постригся въ иноческій санъ подъ именемъ Елисея и былъ настоятелемъ въ основанномъ имъ же лавришовскомъ монастырѣ близъ Новогродка въ нынѣшней Минской губерніи) (*).

Но изъ всѣхъ этихъ обращеній въ христіанство литовскихъ князей, до перенесенія столицы въ Вильну, особенное значеніе имѣло обращеніе сына Миндовга Войшелга. Этотъ князь призванный литовскимъ народомъ на княжескій престолъ по смерти Шварна, хотѣлъ, чтобы и въ народѣ распросгранилась та вѣра, которую онъ самъ исповѣдовалъ. Лѣтописцы русскіе, свидѣтельства которыхъ принимаетъ Нарбутъ, (т. IV 230) разсказываютъ, что этотъ князь въ 1265 г. отправилъ посольство въ Новгородъ Великій къ Святославу Ярославичу, прося о при-

(*) Кояловичъ—Miscellanea p. 8.

лкѣ русскихъ проповѣдниковъ, въ особенности изъ псковинъ, которымъ лучше были извѣстны и языкъ и обычаи ливцевъ. Но и безъ этихъ миссіонеровъ, около этого времени могли появиться въ сосѣдней Литвѣ русскіе проповѣдники, подъ покровительствомъ князя проповѣдывать и распространять христіанство. Такіе проповѣдники могли появляться не только изъ сосѣдней Руси, но изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ тогдашней Руси. Многіе, какъ изъ простаго народа, такъ изъ духовенства, чтобы укрыться отъ преслѣдованія и притѣсненія татаръ, охотно переселялись въ родственную Литву, незнавшую татарскаго ига.

Таково было состояніе христіанства въ Литвѣ до Гедимина или до перенесенія столицы Литовскаго княжества въ Вильну. Все это достаточно показываетъ, что въ XIV в. христіанство въ Завилейскомъ княжествѣ, а слѣдовательно и въ Трокахъ, имѣло весьма значительное число своихъ послѣдователей греко-восточнаго исповѣданія. Какъ велико могло быть число православныхъ въ Трокахъ, яснымъ доказательствомъ тому служитъ то, что въ началѣ XIV ст. здѣсь существовали уже три церкви: во имя св. Николая, рождества Христова и пресвятой Богородицы, а при ней и монастырь, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ *трокской архимандріи*.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой архимандріи на основаніи тѣхъ памятниковъ, которые сохранились до настоящаго времени въ архивѣ виленскаго Св. Троицкаго монастыря. Изъ этихъ памятниковъ только нѣсколько напечатано въ актахъ г Вильны и Трокъ.

Трокская архимандія одна изъ древнѣйшихъ архимандрій въ Литвѣ. Ея цвѣтущее состояніе въ началѣ, и потомъ постепенный упадокъ и запустѣніе напоминаютъ вообще печальную судьбу православія во всемъ Западно-русскемъ краѣ. Архимандрія эта, какъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ подлинные документы, основана въ концѣ XIV столѣтія, имено въ 1384 г. великимъ княземъ литовскимъ Александромъ Витовтомъ. Этотъ князь построилъ въ Трокахъ двѣ церкви: одну во имя *Рождества Христова*, а другую во имя *Рождества Пречистыя Богородицы* съ монастыремъ. Обѣ эти церкви съ монастыремъ и составляли первоначально такъ называемую трокскую архи-

мандрію. Въ послѣдствіи къ ней принадлежала еще церковь во имя св. *Георгія* Великомученика, основанная Сапѣгами на островѣ. Каждая изъ этихъ церквей имѣла свои фундуши, которые вмѣстѣ составляли фундушъ трокской архимандѣіи. Такъ Пречистенскій монастырь получилъ значительный фундушъ отъ своего основателя. Какой это былъ фундушъ и въ какомъ именно размѣрѣ, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ запись великаго князя Витовта, представленная въ 1535 г. тивуномъ жмудскимъ Андреемъ Илкговскимъ трибунальному королевскому суду и внесенная въ трибунальныя книги: „Мы велики князь Витовтъ, во св. крещеніи Александръ нареченны, дали мы на просбу и жоданье княгини нашое Великое Ульяны къ монастыру нашому троцкому рождества светое пречистое озера троцкаго луку ажъ до великое дороги; гдѣ-жь и камень на горѣ казали есмо передъ собою положить, а другій камень за озеромъ противъ того камени, близко рогу, что на горѣ.... Актому еще придали есмо къ томужъ монастырю троцкому пустовщизну найме (по имени) меловщизну за звѣринцомъ надъ озеромъ Кголвеломъ...., а не надобе никому тое данины нашое рушити. А въ тотъ монастырь и въ тую луку не маютсе вступоваты, ни митрополитъ, ани владыка, ани воевода троцки, а игуменъ збожныхъ куницъ здавати ани которыхъ подачокъ митрополуту;.. не знати ему никого, одно насъ господаря“ 1).

На основаніи этой записи трокская архимандрія всегда принадлежала къ числу королевскихъ бенефицій. Второй наиболѣе замѣчательный фундушъ подъ именемъ Янкишки, трокскій пречистенскій монастырь получилъ отъ княгини Нелединской, урожденной Кунчевичъ. Какъ великъ былъ этотъ фундушъ и сколько онъ могъ приносить монастырю дохода, это легко видѣть изъ подлинной записи княгини, явленной въ трокскомъ земскомъ судѣ въ 1568 г. „Я княгиня Андревая Нелединская чиню явно симъ.... ижъ.... одну пустовщизну на имя Янкишки, на которой земли дворецъ поселила,.... сама по своей доброй волѣ для душнаго збавенія своего дома записала есмы на церковь Божію рождества пречистое Богоматери на монастырь Троцкій...... на вѣчные часы то есть, одно поле 2).... на *пятнадцать* бочекъ

---

1) Акт. Вильна г. II. р. 145 № 56.

2) Янкишки (нынѣ Шаховница).

сѣенія, которое поле лежить по одной сторонѣ дороги, подлѣ поля его милости пана Еразмуса Довгерда, судіи земского,.... а другое пеле 1) недалеко отъ двора его милости пана Остафія Горностая Величковскаго подлѣ гая вырубанаго по обеимъ сторонамъ дороги, котораго поля и съ зарослями также на *петнадцать* бочекъ сѣенія, маетъ игуменъ Троцкій Ѳеодръ и потомки его, которые по животѣ его игуменами будутъ тые два поля,...' и той дворецъ, который я на той пустовщизнѣ Янкишки поселила, со всемъ будованемъ и статкомъ домовымъ, (скотомъ) быдломъ рогатымъ и нерогатымъ и съ житомъ засѣяннымъ по животѣ моимъ вѣчными часы держати и уживати маютъ: къ томужъ дворцу церковному придали есмы на тотъ же монастырь Трокскій поробка своего для послуги..." 2).

Кромѣ фундуша княя Витовта и княгини Нелединской, въ привилеѣ Яна Казиміра, данномъ о. Пашковскому на трокскую архимандрію, упоминаются еще какія то деревни, пожалованныя Пречистенскому монастырю королемъ Александромъ; но какія это деревни и въ чьихъ рукахъ онѣ были, въ привилеѣ не упоминается.

Съ 1528 г. королевсій подскарбій Иванъ Андрѣевичъ ежегодно платилъ по 70-ти копъ грошей литовскихъ Пречистенскому монастырю и одну свѣчу въ церковь къ иконѣ Божіей Матери. Съ 1554 г. онъ сталъ давать еще десятину съ имѣнія своего Вевья. Кромѣ того, при его содѣйствіи, какъ уви-

---

1) Матѳеевщина.

2) Встарину количество земли большею частію измѣряли количествомъ высѣваемаго на ней хлѣба, этотъ обычай сохранился и до нынѣ въ Западной Россіи. Самая большая и главная единица мѣры вмѣстимости, какъ встарину, такъ и теперь, была бочка, только объемъ ея въ прежнія времена былъ больше нынѣшняго. Въ 1557 г. предписано было ввести во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ бочку, которая равнялась бы 4-мъ краковскимъ корцамъ. Ту же бочку конституція 1613 г. (Vol Leg. т. III § 200) сдѣлала обязательною мѣрою для всей Литвы. Бочка эта равнялась 72 большимъ гарнцамъ, а этотъ 2-мъ малымъ гарнцамъ. Въ 1765 г. предписано было, чтобы литовская бочка раздѣлялась на 4 четверти, четверть на 2 осмины, осмина на 2 шестнастки, на 4½ большихъ гарнцовъ или на 9 малыхъ. Такъ какъ на литовскомъ моргѣ (1600 саженъ или ⅔ десятины) высѣвается не болѣе двухъ осминъ ржи, то упомянутая пустошь равнялась 80 десятинамъ.

димъ ниже, былъ отнятъ незаконно захваченный монастырскій фундушъ, пожалованный Витовтомъ. Въ 1612 г. трокскій намѣстникъ Иванъ Бака, бывшій опекуномъ трокской архимандріи, завѣщалъ дѣтямъ своимъ, чтобы они ежегодно давали Пречистенскому монастырю копу грошей и двѣ бочки ржи, но этого завѣщанія, какъ видно изъ жалобы священника Филиппа Ивановича и позва трокскаго вознаго, не было исполнено ими.

Въ 1624 г. Иванъ Богдановичъ Сапѣга, по согласію съ четырьмя своими братьями, уступилъ Пречистенскому монастырю упомянутую выше церковь Св. Георгія, построенную его предками на островѣ съ принадлежащимъ ей фундушомъ т. е. островъ на озерѣ Бражольскомъ, на которомъ засѣвалось около 4 бочекъ, и часть земли съ лѣсомъ и мельницею на рѣчкѣ Бразолѣ, между землею Ивана Гавріиловича Гротольскаго (тогдашняго владѣльца Величкова) и Аврама Войны, епископа виленскаго (владѣльца Михнишекъ) 1).

Церкви Рождества Христова принадлежало нѣсколько плацовъ въ Трокахъ и корчма, пожалованная Сигизмундомъ Августомъ, съ правомъ свободной продажи пива, меду и пр. Этотъ привилей былъ подтвержденъ и Августомъ II въ 1713 г. 13 марта. Вотъ фундушъ, который первоначально принадлежалъ трокской архимандріи.

---

1) Какъ велики были эти угодья, можно видѣть изъ *протестаціи*, поданной Вѣтринскимъ, трокскимъ архимандритомъ въ 1718 г. въ гродскій судъ Виленскаго воеводства противъ Станислава трокскаго подстаросты и Ивана, войта трокскаго, родныхъ братьевъ Селявовъ, и другихъ чиновниковъ г. Трокъ: еще во время жизни блаженной памяти Ивана Богдановича Сапѣги, въ 1580 г. купилъ за четыри копы литовскихъ грошей старой монеты... землю подъ названіемъ Левшаны, отъ татарина Левшука, сначала на пятнадцать бочекъ, потомъ еще на пятнадцать, а затѣмъ еще на 8 бочекъ, что вмѣстѣ составитъ 38 бочекъ; да сверхъ того два сѣнокосныхъ луга съ хуторами, подлѣ озера Ванюка, и всю эту землю тотъ же блаженной памяти Иванъ Богдановичъ Сапѣга, по ревности своей къ славѣ Божіей и для распространенія уніи, отцамъ василіанамъ, уже бывшимъ тогда въ уніи, на церковь архимандріи трокской, подъ именемъ св. Георгія, даровалъ на вѣчныя времена. Слѣдовательно на нынѣшнюю мѣру фундушъ этотъ равнялся 100 слишкомъ десятинамъ.

Кто былъ первымъ архимандритомъ или по крайней мѣрѣ опекуномъ этой архимандріи, неизвѣстно. Первый архимандритъ, который упоминается въ документахъ, это нѣкто Іоакимъ, на имя котораго въ послѣднихъ годахъ XV ст. выдана грамота княземъ литовскимъ Александромъ о неподсудности трокской архимандріи митрополитамъ. Политическія неурядицы въ Литвѣ и Польшѣ были причиною того, что въ этомъ монастырѣ долгое время не было ни архимандритовъ, ни монаховъ, и потому не удивительно, что монастырская собственность была расхищаема или мѣстными городскими жителями или сосѣдними помѣщиками.

Въ 1584 г. опекуномъ этой архимандріи назначенъ былъ тивунъ трокскій Андрей Илкговскій. Онъ нашелъ эту архимандрію въ самомъ жалкомъ положеніи. Какой то панъ Станиславъ Стравинскій отнялъ фундушъ, пожалованный Пречистенскому монастырю Витовтомъ, т. е. пустошь Меловщизну; монастырь остался безъ всякихъ средствъ къ существованію, не осталось ни одного монаха въ монастырѣ, жилъ только при церкви одинъ священникъ, да и тотъ, какъ сказано въ жалобѣ вышеупомянутаго тивуна, поданной въ королевскій трибунальный судъ, *поживеня слушнаго не маетъ и про велики недостатокъ свой мусить прочь итти.* По ходу дѣла не видно, чтобы приняты были судомъ какія нибудь мѣры къ отнятію монастырской собственности у Станислава Стравинскаго. Черезъ пять лѣтъ священникъ Василій Федоровичъ подалъ жалобу по этому дѣлу на Станислава Стравинскаго въ трокскій земскій судъ, который съ своей стороны сдѣлалъ только *напоминаніе* пану Стравинскому, чтобы онъ возвратилъ монастырю Меловщизну. Пока пану Стравинскому дѣлали напоминаніе, онъ успѣлъ между тѣмъ передать ее своему наслѣднику Еразмусу Стравинскому. Около того же времени трокскій мѣщанинъ католикъ Толоконскій отнялъ плацы, на которыхъ жило 12 крестьянъ огородниковъ, принадлежавшихъ Рождественской церкви.

По смерти священника Василія Федоровича, привилей на эту архимандрію получилъ священникъ Филипъ Ивановичъ Лимонтомъ, рукоположенный и презентованный митрополитомъ Рагозою. До прибытія его въ Троки ключи отъ церкви и

отъ монастыря были у подвоеводы трокскаго Ивана Баки. При содѣйствіи Баки Филипъ Ивановичъ завелъ процессы въ трокскомъ земскомъ судѣ съ Еразмусомъ Стравинскимъ о незаконномъ владѣліи Меловщизною, и съ Толоконскимъ о незаконномъ присвоеніи плацовъ и крестьянъ огородниковъ, принадлежащихъ Рождественской церкви. Процессъ съ Толоконскимъ кончился мировою въ 1615 году. Эти процессы замѣчательны между прочимъ въ томъ отношеніи, что они свидѣтельствуютъ о своеволіи польской шляхты, которая подчасъ не признавала обязательными для себя рѣшенія даже королевскихъ трибунальныхъ судовъ, не говоря уже о судахъ нисщей инстанціи, такъ что по одному и тому же дѣлу, окончательно рѣшенному судомъ въ пользу истца, приходилось жаловаться суду нѣсколько разъ, и если удавалось ему возвратить свою собственность, то не иначе, какъ при содѣйствіи сильныхъ протекторовъ. Еще большія обиды и притѣсненія испыталъ упомянутый священникъ отъ католическихъ монаховъ, ксендзовъ Николаевскаго трокскаго костела. Настоятель этого монастыря ксендзъ Зеленевскій приказалъ сломать изгородь на огородахъ церковныхъ, и свезти дерево (около 37 возовъ) въ монастырь; сверхъ того онъ захватилъ почти третью часть церковнаго огорода; когда священникъ хотѣлъ остановить такое явное насиліе, монахи ксендзы, товарищи Зеленевскаго, прогнали его собаками. А когда тотъ же священникъ, встрѣтившись съ тѣми же монахами, сказалъ имъ, что онъ будетъ жаловаться на нихъ и на ихъ настоятеля, они отвѣчали ему: „вѣдай де о томъ певне, ижъ ксендзъ Зеленевскій довѣдовшися того, же ся ты за огороды церковные на насъ протестуешъ, тоды дей за то ксендзъ Зеленевскій, або мы самы кажемъ тебѣ на той дорозѣ перенявши а подле того слупа (столба) мурованнаго тобе гвалтомъ положивши кажемъ отбить руки и ноги, и кажемъ дей тобе, абысь тою дорогою нигды не ходилъ, бо дей конечно будешь такъ обложоный, же и душа твоя од тѣла отлетитъ.„ Всѣ упомянутыя здѣсь обиды и притѣсненія были освидѣтельствованы вознымъ съ понятыми по просьбѣ священника, жалоба его записана въ гродскія книги. Жалоба эта осталась безъ всякихъ послѣдствій; это видно изъ того, что чрезъ 67 лѣтъ, Левъ

Залевскій, тогдашній администраторъ уніатской митрополіи, опять просилъ внести копію этой жалобы въ гродскія книги.

Около этого времени трокская архимандрія перешла въ руки уніатовъ, какъ это видно изъ передаточной записи трокскаго земянина Даніила Солтана, по которой онъ уступилъ, вѣроятно съ согласія короля, свое право на эту архимандрію уніатскому митрополиту Руцкому, который тотчасъ же отдалъ ее въ вѣденіе недавно учрежденнаго уніатскаго монашескаго ордена, извѣстнаго подъ именемъ *базиліановъ*.

Православные жители Трокъ, противъ воли и желанія которыхъ совершилась эта передача древнѣйшей въ Литвѣ православной святыни въ руки враговъ православія, тотчасъ же извѣстили виленское православное Свято-Духовское братство, которое тогда было единственнымъ оплотомъ православія въ Литвѣ. Братство съ своей стороны употребило всѣ усилія къ возвращенію православнымъ этой святыни. Въ 1624 году братство дѣйствительно получило разрѣшеніе отъ правительства возвратить православнымъ трокскую архимандрію и передать ее въ вѣденіе виленскаго Свято-Духова монастыря. Но базиліанамъ тоже не хотѣлось выпускать изъ рукъ разъ захваченной добычи. При содѣйствіи своего протоархимандрита Рафаила Корсака, впослѣдствіи митрополита, они стали опять хлопотать объ отнятіи у православныхъ трокской архимандріи. Дѣйствительно, чрезъ два года по вступленіи на уніатскую митрополію, т. е. въ 1638 г. Рафаилъ Корсакъ выхлопоталъ у Владислава IV привилей, по которому трокская архимандрія навсегда уступалась базиліанамъ виленскаго Свято-Троицкаго монастыря 1).

Съ переходомъ въ вѣденіе базиліанскаго ордена, трокская архимандрія, какъ получившая свой фундушъ отъ короны, по прежнему принадлежала къ числу королевскихъ бенефицій, съ тѣмъ только различіемъ, что право *презенты*, на основаніи привилея Владислава IV, принадлежало исключительно уніатскому митрополиту. Уніатскіе митрополиты мало заботились о благосостояніи трокской архимандріи. Почти въ теченіи всего XVII ст. посылали туда своихъ арендаторовъ, которые

---

1) Акт. гор. Вильны ч. II № 60.

и не думали содержать монаховъ, или давать порядочное содержаніе священнику.

Янъ Казиміръ, выдавая въ 1636 г. привилей на трокскую архимандрію презентованному митрополитомъ *Антоніемъ* Сѣлявою Пашковскому, обязалъ его, чтобы онъ *непремѣнно* содержалъ въ монастырѣ монаховъ. Но это обязательство не было исполняемо до конца XVII-го ст., какъ это видно изъ привилея Августа II-го, даннаго по просьбѣ базиліанъ, совѣтнику или консультору ордена Іосифу Сапоровичу. „До сихъ поръ эта архимандрія, раздробленная и опустошенная сосѣдними владѣльцами, оставалась вакантною; потому что оо. митрополиты имѣли тамъ только арендаторовъ, а монаха или священника, который бы на этомъ мѣстѣ служилъ Богу и молился бы за насъ и за нашихъ предшественниковъ, тамъ не было."

Къ концу XVII ст. монастырь Пречистенскій отъ времени и безъвременья пришелъ въ ветхость, а въ 1713 году совершенно разрушился, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Іосифъ Сапоровичъ въ арендномъ контрактѣ, заключенномъ съ Антоніемъ Ростовскимъ. Спустя нѣсколько времени архимандритъ Люцидъ Войниловичъ на разныя средства выстроилъ новый деревянный монастырь, но и онъ не долго просуществовалъ. Въ 1794 г. во время пожара, истребившаго городъ Троки, сгорѣлъ и этотъ монастырь.

Въ эти несчастныя времена политическихъ безпорядковъ и революцій въ Польшѣ и въ Литвѣ, трокская архимандрія потеряла почти всѣ свои владѣнія. Фундушемъ Нелединской еще въ 1590 г. незаконно овладѣлъ татаринъ Айса Ахматовичъ. Завѣдывавшій въ то время архимандріею священникъ Рождественской церкви подалъ на него жалобу въ трокскій подкоморскій (межевой) судъ. По распоряженію суда подкоморій Богданъ Огинскій опредѣлилъ границы этого фундуша въ декретѣ отъ 1590 года августа 9-го дня и приказалъ татарину возвратить Янкишки трокской архимандріи.

Частая смѣна архимандритовъ и владѣльцевъ сосѣдняго капитульнаго имѣнія Михнишекъ, была причиною того, что границы фундуша Нелединской затерялись и часть Янкишекъ отошла къ Михнишкамъ. Назначенный въ 1780 г. на эту ар-

химандрію Діонисій Чадай просилъ судъ назначить коммисію для возстановленія древнихъ границъ фундуша Нелидинской, какъ онѣ опредѣлены были въ декретѣ Огинскаго въ 1590 г. По желанію Діонисія въ 1781 году, въ присутствіи трокскаго вознаго, владѣльца Михнишекъ, епископа Іосифа Лопацинскаго и нѣсколькихъ крестьянъ, которымъ хорошо были извѣстны границы того и другаго владѣнія, были приведены и возстановлены древнія границы Янкишекъ 1).

Возстановивши границы фундуша княгини Нелединской, т. е. Янкишекъ, Діонисій Чадай сталъ хлопотать о возвращеніи трокской архимандріи фундуша Сапѣговъ, т. е. острова съ принадлежащими къ нему пахатными землями, лѣсомъ, лугами и съ Георгіевскою церковью. Фундушъ этотъ, какъ сказано выше, былъ отнятъ владѣльцами староства бражольскаго. Въ 1782 г. собрались на сеймикъ представители Трокскаго воеводства. Діонисій Чадай представилъ сейму всѣ документы неоспоримой принадлежности этого фундуша трокской архимандріи. Сеймъ, разсмотрѣвши представленные ему документы, присудилъ возвратить трокской архимандріи островъ съ каменною церковью, между трокскимъ замкомъ, также съ звѣринцомъ и другими принадлежностями. Это постановленіе сейма внесено въ гродскія книги въ томъ же 1782 г. февраля 5-го.

Около 20 лѣтъ трокская архимандрія спокойно владѣла упомянутыми фундушами; между тѣмъ умеръ Діонисій Чадай; Михнишки достались въ пожизненное владѣніе прелату Длус-

---

1) Эти границы такъ опредѣлены въ протоколѣ этой коммисіи 1781 г. 13 сентября: „Идучи изъ Трокъ по направленію къ Михнишкамъ по правой рукѣ отъ груши, гдѣ съ давнихъ временъ былъ копецъ (курганъ), а теперь восемъ лѣтъ тому назадъ съоранъ Иваномъ Янковскимъ, а отъ этого копца вплоть до большой дороги отъ Трокъ до Сольквникъ, мимо Величкова и до кургана (копца), насыпаннаго при этой дорогѣ, а отъ этого кургана вправо нѣсколько отъ большой дороги до кургана, отдѣляющаго величковскія земли, а отъ этого кургана просто идучи къ двумъ липамъ, посаженнымъ на границѣ, а отъ этихъ липъ къ дорогѣ изъ Величкова къ Михнишкамъ и т. д.“

скому. Величково 1) купилъ бывшій судья трокскій. Въ краѣ начались неурядицы. Пользуясь этими обстоятельствами, новый владѣлецъ Величкова Василевскій приказалъ срубить *липу* на границѣ базиліанскихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы уничтожить слѣды старой границы, и потомъ сталъ по частямъ присоединять базиліанскія владѣнія къ своимъ. Преемникъ Діонисія Чадая Амвросій Сынгаевскій заявилъ объ этомъ въ 1817 г. авг. 18 Трокскому граничному апелляціонному суду. Апелляціонный судъ поручилъ провѣрить границы смежныхъ владѣній граничному суду 1-й инстанціи, который однако не могъ исполнить этого потому, что не оказалось будто документовъ на Михнишки. Сынгаевскій просилъ апелляціонный судъ назначить особую коммисію съ участіемъ духовнаго депутата, съ тѣмъ, чтобы она провѣрила и возстановила древнія границы Янкишекъ, какъ онѣ опредѣлены были въ подкоморскомъ декретѣ 1781 г., и сверхъ того назначилъ землемѣра, который бы на мѣстѣ освидѣтельствовалъ убытки причиненные порубкою лѣса въ дачахъ монастырскихъ владѣльцами Михнишекъ и Величкова. Смерть владѣльца Михнишекъ прелата Длусскаго пріостановила ходъ начатаго процесса. Между тѣмъ Василевскій и судья Цивинскій опять сдѣлали покушеніе на расширеніе своихъ границъ на счетъ владѣній трокской архимандріи. Сынгаевскій опять подалъ жалобу въ граничный апелляціонный судъ 28 декабря 1821 г. и въ тоже время возобновилъ пріостановленный процессъ съ Василевскимъ. Апелляціонный судъ опять отослалъ это дѣло въ граничный судъ 1-й инстанціи, а для освидѣтельствованія порубки лѣса назначилъ особую коммисію. Василевскій, чтобы затянуть и запутать дѣло, подалъ апелляціонную жалобу въ граничный губернскій судъ, будто бы неправильно составлена слѣдственная коммисія и т. п. Дѣйствительно, дѣло затянулось на неопредѣленное время, до 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Возвратимся теперь къ фундушу Рождественской церкви,

1) *Величково* принадлежало первоначально Августину Круповичу, потомъ Николаю Толукайшѣ, затѣмъ Матвѣю Горотовскому, послѣ него Товянскому, который продалъ его Гопенамъ, а тѣ Чижамъ, у которыхъ въ 1816 г. купилъ Петръ Василевскій.

которая также входила въ составъ трокской архимандріи. Церковь эта была разрушена до основанія около 1704 года, именно во время войны Августа II-го съ королемъ Шведскимъ. Большья часть Трокъ была обращена въ развалины. Духовенство, какъ католическое, такъ и уніатское за неимѣніемъ пристанища, разошлось по разнымъ мѣстамъ. Католическіе монахи, доминикане, воспользовались этими несчастными обстоятельствами для своихъ цѣлей. Возвратясь въ Троки, они не захотѣли почему то основаться на старомъ своемъ пепелищѣ: имъ особенно понравилось то мѣсто, гдѣ была прежде православная, а потомъ уніатская Рождественская церковь. На этомъ мѣстѣ они построили свой деревянный костелъ съ монастыремъ; завладѣли также и другими плацами, принадлежащими Рождественской церкви. Левъ Заленскій, тогдашній уніатскій митрополитъ, протестовалъ противъ такого насилія. При его содѣйствіи и по просьбѣ архимандрита Іосифа Сапоровича, Августъ II подтвердилъ грамоты и привилеи, данные его предшественниками на плацы и на медовую корчму трокской Рождественской церкви. Іосифъ Сапоровичъ, получивши эти привилеи, не успѣлъ однако завести полнаго процесса съ доминиканами. Онъ скоро умеръ. Преемникъ его Михаилъ Вѣтринскій, провинціалъ базиліанскаго ордена, собравши всѣ необходимые документы, въ 1719 году подалъ жалобу на трокскихъ доминикановъ въ главный трибунальный судъ литовскій. Внутренніе безпорядки и мятежи, происшедшіе около этого времени въ Польскомъ Королевствѣ, внѣшнія войны и наконецъ удаленіе Вѣтринскаго съ трокской архимандріи, пріостановили ходъ дѣла. Преемники Вѣтринскаго почему то ладили съ о. доминиканами и не возобновили начатаго Вѣтринскимъ процесса. Въ 1794 г., во время всеобщаго пожара въ Трокахъ, сгорѣлъ и доминиканскій монастырь съ костеломъ. Бывшій въ это время трокскій архимандритъ Антоній Сынгаевскій просилъ трокскихъ доминиканъ, чтобы они позволили ему возстановить на этомъ мѣстѣ церковь во имя Рождества Христова, а сами бы построили себѣ монастырь на прежнемъ мѣстѣ и на своемъ фундушѣ. Мѣсто это понравилось также одному трокскому караиму, который нашелъ весьма выгоднымъ и для себя и для отцовъ доминикановъ

выстроить здѣсь корчму. Онъ сообщилъ объ этомъ доминиканскому пріору, который, убѣдившись доводами караима, дѣйствительно нашелъ болѣе выгоднымъ для себя и для своего общества, чтобы здѣсь стояла корчма, а не уніатская церковь. „И такъ, восклицаетъ Сынгаевскій,—на томъ мѣстѣ, гдѣ столько лѣтъ приносилась безкровная жертва, гдѣ каждый христіанинъ въ благоговѣйномъ смиреніи славославилъ Бога,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ не только никогда не бывало никакого караима, но и ни одинъ невѣрный не смѣлъ ступить ногою, въ этомъ мѣстѣ ксендзы доминикане, не обращая вниманія на протестъ трокскаго архимантрита, позволили въ 1818 г. караиму-жиду поставить корчму, вырыть остатки христіанъ, погребенныхъ въ склепахъ, съ униженіемъ для всего христіанскаго населенія Трокъ и вопреки всякому праву, Божественному и человѣческому, изъ за какого нибудь десятка золотыхъ *поземнаго*, позорили и осквернили священное мѣсто.“ Не смотря на протестъ Сынгаевскаго, заявленный въ 1818 г., ксендзамъ доминиканцамъ трокскимъ и потомъ признанный въ томъ же году 1-го мая въ межевомъ трокскомъ судѣ, корчма по прежнему существовала на мѣстѣ святилища Господня. Въ прошеніи, поданномъ на высочайшее имя, Сынгаевскій просилъ, чтобы корчма, построенная караимомъ съ разршенія ксендзовъ доминикановъ, была снесена и ему дозволено было возстановить на этомъ мѣстѣ церковь во имя Рождества Христова, а также, чтобы и другіе плацы, которыми незаконно завладѣли доминикане и трокскіе мѣщане, были возвращены трокской архимандріи.

Нѣсколько раньше; именно въ 1817 г., тотъ же Амвросій Сынгаевскій началъ процессъ съ староствомъ бражольскимъ, прежніе владѣльцы котораго незаконно отняли въ разныя времена мельницу, луга, лѣса и островъ, принадлежавшіе трокской архимандріи. Такъ какъ староство бражольское перешло въ казну, а по высочайше утвержденному положенію, нельзя было производить размежеванія казенныхъ имѣній съ частными владѣльцами безъ вѣдома и участія казенной палаты, то Сынгаевскій препроводилъ свою жалобу съ документами въ казенную палату, и въ тоже время извѣстилъ ее, что имъ подано уже прошеніе въ трокскій межевой судъ о размежеваніи съ сосѣдними владѣльцами. Казенная палата

по этому дѣлу положила такую резолюцію: „Поелику ради бытія при разграниченіи казенныхъ имѣній по Трокскому повѣту при межевомъ судѣ сверхъ уѣзднаго стряпчаго находился съ казенной стороны виленскаго главнаго суда 1-го департамента засѣдатель Забѣлло, коему 20-го прошлаго августа отосланы имѣющіеся въ палатѣ документы о державѣ Бражоле, и за симъ къ допущенію трокскаго аббата къ разграниченію отъ держаны Бражоле не предстоитъ со стороны казны препятствій, то предписать трокскому земскому суду объявить трокскому аббату Сынгаевскому, что граничное дѣло съ державою Бражоле можетъ онъ производить узаконеннымъ порядкомъ, о чемъ граничному суду и засѣдаталю Забѣлло дать знать“ 1). Долго пришлось ходить этому дѣлу, подобно другимъ исковымъ дѣламъ архимандріи, по разнымъ межевымъ да граничнымъ судамъ, въ губернское правленіе, отъ туда въ казенную палату и обратно, и такимъ образомъ проходило оно цѣлые десятки лѣтъ, между тѣмъ помѣщикъ В-й уже успѣлъ нѣкоторыя части спорной земли заселить своими крестьянами и такимъ образомъ тяжьба становилась уже болѣе сложною. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1847 году настоятелъ виленскаго Свято-Троицкаго монастыря архимандритъ Евсевій, видя еще новыя покушенія сосѣднихъ владѣльцевъ къ нарушенію границъ трокской архимандріи и желая возвратить прежде отнятыя угодія, просилъ епархіальное начальство содѣйствовать къ уничтоженію напередъ тѣхъ покушеній, дать ходъ дѣлу въ трокскомъ межевомъ судѣ производившемуся объ отнятіи у разныхъ лицъ, незаконно завладѣвшихъ собственностью трокской архимандріи. Литовская духовная консисторія въ 1853 г. снеслась по этому дѣлу съ разными присутственными мѣстами. По распоряженію гражданскаго начальства, трокскій уѣздный землемѣръ Струсевичъ, въ присутствіи окружнаго начальника, уѣзднаго стряпчаго, становаго пристава, лѣсничаго, тяжущихся сторонъ, депутатовъ и понятыхъ въ 1855 году составилъ съ натуры планъ владѣній

1) Подлин. отношеніе виленской казенной палаты отъ 19-го октября 1817 г. № 5212.

трокской архимандріи, на которомъ показано безпорной земли, принадлежащей трокской Ааримандріи 49 десятинъ, 1623 сажени, и спорной 150 десятинъ и 1421 сажень. Дѣло это по освидѣтельствованіи въ губернской чертежной, препровождено въ губернское правленіе, а губернское правленіе въ 1856 году, считая съ своей стороны невозможнымъ удовлетворить претензію монастыря, препроводило въ литовскую духовную консисторію планъ, полевой журналъ, письменное производство и всѣ документы по этому дѣлу. Духовная же консисторія, сообразивъ безнадежность дальнѣйшаго по сему дѣлу производства, въ то время при тогдашнемъ составѣ мѣстныхъ чиновниковъ и при ихъ неблагопріязненныхъ отношеніяхъ къ интересамъ православныхъ учрежденій, препроводила эти документы отъ 5-го апрѣля 1856 года, въ виленскій Свято-Троицкій монастырь. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости усложнило это дѣло, такъ какъ они дѣлались уже собственниками той земли (монастырской), на которой беззаконно поселены были своимъ помѣщикомъ еще въ такъ недавнее время; а высылка одного изъ помѣщиковъ В-го, соприкосновеннаго къ этому дѣлу, болѣе и болѣе запутывала и затрудняла рѣшеніе этого дѣла въ пользу монастыря. Когда прояснится хаосъ, монастырь можетъ еще вступить въ свои безспорныя права.....

Кромѣ упомянутыхъ церквей, т. е. Рождественской, Пречистенской съ монастыремъ, Георгіевской и Николаевской, въ документахъ упоминаются еще церкви: Воскресенія Христова, святой Троицы и Благовѣщенія. Рождественская церковь находилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ казначейство; Пречистенская церковь съ монастыремъ, находилась на возвышенномъ берегу озера Гальва, ея фундаментъ сохранился доселѣ; основаніе Георгіевской церкви открыто недавно: она имѣла форму креста, разрушена въ половинѣ XVII-го ст. во время войны съ Россіею. Церковь св. Николая, по преданію, была на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ костелъ бернардинскаго монастыря; церковь св. Троицы находилась за строеніями Рождественской церкви, недалеко отъ нея. Мѣсто существованія другихъ церквей неизвѣстно. Въ послѣднее время въ Трокахъ существовала только одна убогая деревянная церковь, въ на-

эмномъ домѣ, занимавшемся дотолѣ корчмою, между тѣмъ вблизи ея красовались великолѣпные католическіе костелы. Наконецъ заботами и стараніями ревнителей православія въ здѣшнемъ краѣ, на собранныя и пожертвованныя суммы въ 1862 году заложена, а чрезъ годъ въ самый разгаръ мятежа, торжественно освящена каменная церковь во имя Рождества пресвятыя Богородицы, въ память первозданной Рождество-Богородицкой церкви. Освященіемъ этой церкви начался рядъ подобныхъ торжествъ св. православія непрекращающихся доселѣ, и наглядно доказывающій, сколь легко и удобно поднимаетъ здѣсь свою главу православіе и русская народность, какъ только даются движеніямъ ихъ хотя малые просторъ и свобода.

Проф. *Щербицкій.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о древнихъ женскихъ православныхъ монастыряхъ въ г. Вильнѣ: Троицкаго и Благовѣщенскаго и о послѣдующей судьбѣ перваго.

Вильна — столица и гнѣздо греческаго отщепенства (т. е. православія), какъ называютъ ее польскіе писатели, имѣвшая съ древнѣйшихъ временъ не одинъ, какъ кажется, православный мужской монастырь 1), имѣла съ давняго времяни до самаго конца 18 вѣка и женскій православный монастырь, первоначально при Троицкомъ монастырѣ, а потомъ при свято-Духовскомъ.

Существующія объ этихъ женскихъ православныхъ монастыряхъ свѣдѣнія чрезвычайно кратки и неполны, до сихъ поръ не напечатано ни одной грамоты, которая бы говорила объ основаніи этихъ монастырей или о какихъ либо перемѣнахъ, происходившихъ въ нихъ. Эта неполнота свѣдѣній объясняется отчасти тѣмъ, что эти монастыри существовали не отдѣльно и не самостоятельно вполнѣ, а находились при мужскихъ монастыряхъ, и поэтому какъ бы замѣнялись этими послѣдними.

---

1) Wilno Крашевскаго т. III стр. 68 и 69.

Особенно мало сохранилось свѣдѣній о древнемъ женскомъ православномъ монастырѣ, находившемся при церкви св. Троицы 1); это главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что всѣ грамоты и различныя бумаги, принадлежавшія этому монастырю, погибли въ 1655 году въ рѣкѣ Вильѣ при взятіи Вильны войсками царя Алексѣя Михайловича.— Но при всей неполнотѣ этихъ свѣдѣній, изъ нихъ все таки ясно видно, что православная и русская Вильна съ древнихъ временъ и до конца 18-го вѣка имѣла женскій православный монастырь; исключеніемъ въ этомъ отношеніи была только первая половина 19 столѣтія.

Ученый составитель 2) вѣдомости за 1829 г. о состояніи уніятскаго женскаго Троицкаго монастыря въ г. Вильнѣ 3) говоритъ, на основаніи Нѣсецкаго, что этотъ монастырь основанъ въ концѣ 16 или въ началѣ 17 вѣка иждивеніемъ Павла Стефана Сапѣги, и говоритъ невѣрно. Монастырь этотъ основанъ не во время уніи и не уніятами, а существовалъ прежде этого по крайней мѣрѣ сто лѣтъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ Стебельскаго: „*Что базильянскія монахини* (такъ называетъ онъ православныхъ монахинь, какъ живущихъ по уставу св. Василія В.) *съ давнихъ временъ имѣли свой монастырь въ Вильнѣ при церкви св. Тройцы, это подтверждается, кромѣ народнаго преданія, тѣмъ, что около 1520 года въ этомъ монастырѣ, устроенномъ по уставу св. Василія В., жила* (какъ говоритъ объ этомъ Валицкій въ предисловіи къ III-й части своей исторіи Коденского костела) *Екатерина,* дочь Яна Симоновича Сапѣги (сначала подляскаго воеводы, потомъ канцлера и гетмана, наконецъ найвысшаго маршалка великаго княжества Литовскаго, бывшаго великимъ посломъ отъ польскихъ королей Казиміра IV и Сигизмунда I семь разъ въ Москвѣ и разъ въ Римѣ, гдѣ онъ отрекся отъ греческихъ, т. е. Фотіевскихъ заблужденій) и супруги его Елизаветы Корчевской, подляской кастелянши 4).

1) Объ этотъ монастырѣ даже не упоминается въ Исторіи россійской іерархіи.

2) Проф. вилен. универ. Бобровскій.

3) См. въ арх. вилен. духов. консистсторіи Визитаціи № 26.

4) Dwa wielkie swiatła Стебельскаго ч. II стр.234, прим. b.

Кѣмъ и когда основанъ былъ этотъ монастырь, неизвѣстно; выраженіе Стебельскаго „съ давнихъ временъ,“ и равносильное этому выраженіе Крашевскаго: панны базильянки поселены около 1600 г. на мѣстѣ *стариннаго* дѣвичьяго монастыря при церкви св. Троицы 1) даютъ понять, что этотъ дѣвичій монастырь основанъ гораздо ранѣе 1520 годовъ,— хотя упоминаніе объ его существованіи ранѣе 1520 г. мы нашли только въ королевской грамотѣ, данной въ 1514 году Конст. Ивановичу князю Острожскому на построеніе каменныхъ, вмѣсто обветшалыхъ деревянныхъ, церквей св. Тройцы и св. Николая; въ этой грамотѣ король позволяетъ князю Острожскому построить каменную церковь св. Троицы на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стояла деревянная церковь вмѣстѣ съ *монастырями* 2). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что здѣсь подъ „монастырями“ разумѣются мужской и женскій Троицкій монастырь.

Сказавъ объ Екатеринѣ Сапѣжанкѣ, жившей около 1520 г. въ женскомъ монастырѣ при церкви св. Троицы, Стебельскій непосредственно затѣмъ говоритъ, что „потомъ этотъ монастырь былъ забытъ и оставленъ, вслѣдствіе отщепенства, принесеннаго изъ Греціи, и стоялъ въ запустѣніи въ продолженіи долгаго времени, пока около 1600 г. не возобновилъ и не поднялъ его кіевскій митропрлитъ Ипатій Потѣй вмѣстѣ съ виленскимъ архимандритомъ Веліаминомъ Рутскимъ 3).“ Не будемъ приписывать этихъ словъ о запустѣніи женскаго

---

1) Wilno Крашевскаго т. III стр. 74.

2) Wilno Крашевскаго т. III стр. 49. Приводя это мѣсто грамоты по іерархіи Дубовича, у котораго оно заимствовано Крашевскимъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ подлинной грамотѣ, напечатанной въ собраніи древнихъ грамотъ и актовъ Семенова, сказано не съ „монастырями“, а „монастыремъ“ (cum monasterio) см. Собраніе древнихъ грамотъ ч. II стр. 13. Эта разность въ чтеніяхъ у Дубовича и Семенова отчасти объясняется тѣмъ, что у Семенова эта грамота напечатана по подлиннику, въ которомъ во многихъ мѣстахъ выцвѣли чернила, что видно изъ стоящихъ во многихъ мѣстахъ точекъ, такъ что окончаніе monasterio можетъ быть, поставлено по догадкѣ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ въ грамотѣ стояло monasteriis, какъ у Дубовича.

3) Стебельскій т. II стр. 235.

православнаго монастыря при церкви св. Троицы намѣренной недобросовѣстности почтеннаго уніатскаго писателя, а скорѣе объяснимъ это недостаткомъ имѣвшихся у него историческихъ данныхъ. Но что этотъ монастырь и послѣ 1520 г. не оставался пустымъ вслѣдствіе греческаго отщепенства, т. е. вслѣдствіе того, что онъ былъ православнымъ, это видно изъ грамоты Сигизмунда III-го, 1589 года іюля 21, православнымъ мѣщанамъ г. Вильны о порядкѣ братства ихъ при церкви св. Троицы. Въ этой грамотѣ между прочимъ король говоритъ, что „черицомъ, тежъ черницамъ въ каждомъ тыдню водлугъ преложенья братского на страву давати маютъ 1), т. е., что православное братство ежегодно по мѣрѣ своихъ средствъ должно давать на пищу монахамъ и монахинямъ. Такъ какъ это братство находилось при Троицкомъ монастырѣ, при которомъ находился и женскій монастырь, и такъ какъ въ это время не было въ Вильнѣ другаго женскаго православнаго монастыря, то подъ „черницами“ можно только разумѣть монахинь Троицкаго монастыря. Такимъ образомъ мы находимъ по крайней мѣрѣ слѣды существованія этого монастыря и въ самомъ концѣ 16-го вѣка. Да и странно было бы предположить, чтобы пришелъ въ запустѣніе православный женскій монастырь въ западно-русской столицѣ православія въ 16-мъ вѣкѣ, когда она была слишкомъ богата своими силами, имѣя значительно большую половину православнаго населенія. Не въ концѣ 16-го вѣка и не вслѣдствіе своего отщепенства, какъ говоритъ Стебельскій, опустѣлъ для православныхъ виленскій женскій монастырь, а опустѣлъ онъ въ началѣ 17-го вѣка, когда по волѣ Сигизмунда III-го былъ окончательно отнятъ у православныхъ Троицкій монастырь отщепенцемъ отъ вѣры отцевъ Ипатіемъ Потѣемъ. Въ это время, надобно думать, православныя инокини покинули свой древній монастырь; но не удалились изъ главнаго на сѣверозападѣ Руси центра борьбы православія съ уніятствомъ и латинствомъ, а вблизи прежняго своего пристанища основали новое при церкви св. Духа.

1) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Семенова ч. II-я № 4 стр. 10.

Объ устройствѣ православнаго женскаго монастыря при церкви св. Троицы ничего не извѣстно. Находился онъ, вѣроятно, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ впослѣдствіи основался базильянскій женскій монастырь, т. е. совершенно рядомъ съ Троицкимъ монастыремъ, при Троицкихъ воротахъ съ правой стороны. Изъ прилагаемаго въ концѣ нашей замѣтки документа видно, что этому монастырю передъ уніею принадлежали нѣкоторыя имѣнія.

Новый монастырь, въ который переселились православныя виленскія инокини въ годину великихъ бѣдствій для всѣхъ православныхъ, находился въ предѣлахъ нынѣшняго св. Духовскаго монастыря и назывался Благовѣщенскимъ, по имени находившейся въ немъ церкви Благовѣщенія. Церковь эта—малая и ветхая—находилась по правой сторонѣ церкви св. Духа на обширномъ церковномъ дворѣ св. Духовскаго монастыря. При этой церкви и находился второй виленскій женскій православный монастырь, состоявшій частію изъ каменныхъ, частію деревянныхъ зданій 1).

Основаніе монастыря приписываютъ разнымъ лицамъ; Крашевскій, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что Благовѣщенскій монастырь основанъ тою Екатериною изъ дома Сапѣговъ, о которой было говорено выше, и которая жила, по свидѣтельству Стебельткаго, около 1520 г. въ Троицкомъ монастырѣ 2); другіе передаютъ просто молву о томъ, что этотъ монастырь основанъ еще королевою Еленою, не отвергая, ни подтверждая впрочемъ справедливости этого преданія 3). Но если существованіе прежде начала 17 вѣка мужескаго свято-Духовскаго монастыря болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ нѣтъ пока данныхъ для того, чтобы признать существованіе этого монастыря ранѣе 17 вѣка 4), то тѣмъ болѣе сомнительно, по совершенному отсутствію свидѣтельствъ, существованіе при

1) См. Wizerunki т. 23, стр. 23 и 24.

2) Wilno Крашевскадо т. III-й стр. 66. кажется, что Крашевскій, заимствовавшій свѣдѣнія объ упомянутой Екатеринѣ у Стебельскаго, смѣшалъ здѣсь Благовѣщенскій монастырь съ Троицкимъ,

3) Wizerunki т. 23 стр. 24.

4) См. Епарх. Вѣдом. за 1865 г. № 6 стр. 218—22

св. Духовскомъ монтстырѣ Благовѣщенскаго женскаго монастыря. Гораздо сообразнѣе съ ходомъ событій признать, что этотъ монастырь получилъ свое начало въ то время, когда православные въ 1609 г., будучи окончательно вытѣснены изъ Троицкаго монастыря, перенесли и братство и монастырь къ церкви св. Духа. Вмѣстѣ съ мужескимъ монастыремъ, вѣроятно, перенесенъ былъ сюда же и женскій монастырь; такъ что Благовѣщенскій монастырь былъ непосредственнымъ преемникомъ Троицкаго женскаго монастыря. Этою преемственностію и объясняется то странное, повидимому, явленіе, что монахинямъ при церкви св. Духа выдается изъ актовыхъ книгъ трибунала вывись заявленія объ утраченіи всѣхъ документовъ Троицкаго женскаго уніятскаго монастыря 1). Если Благовѣщенскій монастырь былъ преемникомъ Троицкаго женскаго монастыря то понятно, что утраченіе документовъ послѣдняго имѣло значеніе и для перваго, такъ какъ его документы до 1609 года составляли собственность теперешняго православнаго женскаго монастыря, который лишился, какъ видно, своихъ документовъ, а вмѣстѣ съ ними и земель пожертвованныхъ собственно православному монастырю и доставшихся потомъ уніятскимъ монахинямъ 2).

Благовѣщенскій монастырь продолжалъ свое существованіе до самаго конца 18 вѣка. Въ 1651 г. объ немъ упоминается въ духовномъ завѣщаніи жены покойнаго виленскаго мѣщанина и купца Павла Дороѳеевича—Акилины Стрилюдзянки, которая между прочимъ отказала 100 злотыхъ польскихъ монахинямъ при греческой церкви св. Духа 3). Продолжалъ существовать этотъ монастырь и въ 1756 г., какъ видно изъ помѣщенной въ концѣ выписи, выданной монахинямъ этого монастыря, затѣмъ указанія на его существованіе мы находимъ у Крашевскаго, который перечисляя подъ 1766 г. монастыри и церкви, бывшіе въ управленіи св. Духовскаго монастыря между ними помѣщаетъ и Благовѣщенскій монастырь 4). Въ Исторіи россійской Іерархіи говорится, что Благовѣщенскій монастырь упраз-

1) См. въ приложеніи документъ.
2) См. тамъ же.
3) Wizerunki т. 23 стр, 24.
4) Wilno т. 3-й стр. 65 и 66.

днень въ 1795 г., а монахини переведены въ Ильинскій слуцкій монастырь. Строеніе въ немъ было все каменное, но уже обветшавшее, слѣдующее: 1. церковь во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы; 2. колокольня; 3. келлій монахинскихъ четыре, покрыты черепицей и внизу оныхъ погреба" 1). Прежде этотъ монастырь отдѣлялся отъ большаго церковнаго двора заборомъ; по закрытіи монастыря заборъ этотъ былъ сломанъ и церковь Благовѣщенія обращена въ теплую часовню при монастырѣ св. Духа. 2) Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о двухъ древнихъ православныхъ женскихъ монастыряхъ въ Вильнѣ.

Теперъ скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ православнаго женскаго монастыря при церкви св. Троицы 3).— Годъ поселенія въ немъ уніятскихъ монахинь съ точностію неизвѣстенъ; есть основаніе думать, что это случилось около 1609 года 4). Самыя богатыя пожертвованія получилъ этотъ монастырь отъ дома Сапѣговъ. Въ числѣ первыхъ уніятскихъ монахинь поступила въ этотъ монастырь Анна, дочь Павла Стефана Сапѣги, подканцлера в. кн. литовскаго, въ монашествѣ носившая имя Екатерины. Отецъ ея Павелъ Сапѣга на свои средства возобновилъ и устроилъ этотъ монастырь и считался даже его фундаторомъ. Въ тоже время въ этотъ монастырь поступила Варвара, дочь Богдана Павловича Сапѣги, минскаго воеводы и Марины Капустянки, изъ рода

1) Т. 3-й стр. 538.

2) Wizerunki т. 23 стр. 24.

3) Всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія по преимуществу заимствованы изъ указанной нами выше вѣдомости, находящейся въ архивѣ виленской духовной консисторіи и изъ сочиненія Стебельскаго Chronologia стр. 234—239.

4) Стебельскій говоритъ, что онъ возобновленъ былъ Веніаминомъ Рутскимъ около 1600 г., а составитель вѣдомости о состояніи этого монастыря за 1829 г. относитъ основаніе его къ концу 16 и началу 17 вѣка. Такъ какъ Троицкій монастырь окончательно отошелъ къ уніятамъ въ 1609 годъ, въ этомъ же году сдѣлался архимандритомъ его Веніаминъ Рутскій, то на этомъ основаніи мы полагаемъ, что уніятскія монахини заняли этотъ монастырь около 1609 года. По крайней мѣрѣ въ этомъ 1609 году несомнѣнно этотъ монастырь принадлежалъ уже уніятамъ, потому что упоминается о настоятельницѣ этого монастыря Василисѣ Сапѣжанкѣ (Акты южной и западной Россіи т. 2 № 33.

русскихъ переяславскихъ князей; по смерти своего мужа Романа Волловича, ковенскаго старосты, Варвара постриглась въ этомъ монастырѣ и приняла имя Василисы. Она избрана была настоятельницею и много сдѣлала для своего монастыря; она обновила и расширила его и увеличила средства дальнѣйшаго его существованія пожертвованіемъ имѣнія Дукшишки, прежде называвшагося Ошмянкою Нарушевичевскою; это имѣніе подарилъ при ея посредствѣ монастырю дядя ея Левъ Сапѣга. Около 1620 г. постриглась въ этомъ же монастырѣ Евдокія, дочь Григорія Тризны, слонимскаго маршалка; она потомъ была настоятельницею бытенскаго уніятскаго монастыря. Около 1640 г. поступила въ этотъ монастырь Евдокія изъ дома Сапѣговъ; въ монастырѣ она носила имя Екатерины и въ послѣдствіи времени была настоятельницею минскаго монастыря.

Изъ этого перечисленія болѣе извѣстныхъ монахинь разсматриваемаго нами монастыря видно, какимъ значеніемъ онъ пользовался въ уніятскомъ мірѣ: изъ него избираются настоятельницы для вновь устраивавшихся уніятскихъ женскихъ монастырей. Даже Іосафатъ Кунцевичъ, когда устраивалъ полоцкій женскій монастырь, перевелъ также сюда изъ Троицкаго монастыря нѣсколько монахинь для распространенія между полоцкими монахинями духовнаго просвѣщенія и наученія ихъ монастырской жизни.

Троицкій женскій монастырь, и послѣ того какъ овладѣли имъ уніяты, продолжалъ существовать рядомъ съ мужскимъ базильянскимъ монастыремъ. Ихъ раздѣляла между собою только каменная стѣна. Въ 18 вѣкѣ монастырь былъ значительно расширенъ, иждивеніемъ Важинской и Радзивиловой, изъ которыхъ у первой жила здѣсь дочь Іоанна, а у другой сестра Цецилія, сдѣлана была пристройка зданія, находившагося рядомъ съ мужескимъ монастыремъ.

Въ женскомъ монастырѣ до самаго конца его существованія не было особой церкви; а къ богослуженію монахини ходили въ мужской Троицкій монастврь. Для того, чтобы удобнѣе было монахинямъ ходить сюда къ богослуженію, устроена была особая галлерея, которая шла изъ женскаго монастыря черезъ колокольню въ Троицкую церковь. Въ ней

монахини имѣли свою небольщую придѣльную церковь, которая находилась съ лѣвой стороны. По преданію, эта придѣльная церковь построена была еще Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, въ то время, когда онъ строилъ всю Троицкую церковь 1).

Эта придѣльная церковь съ лѣвой стороны примыкала къ древней ризницѣ, находившейся при главномъ алтарѣ Троицкой церкви, какъ это видѣлъ, по словамъ вѣдомости, Адріанъ Головня, епископъ оршанскій. Въ послѣдствіи времени, когда базильяне послѣ пожара 1748 г. значительно расширяли и украшали свою церковь, и эта придѣльная церковь была также разрушена, а мѣсто нея общимъ иждивеніемъ монаховъ и монахинь выстроена новая придѣльная церковь, также съ лѣвой стороны, она нѣсколько только придвинута была къ входнымъ церковнымъ дверямъ. Въ ней находился одинъ алтарь; недалеко отъ алтаря на особомъ столѣ стояла (разумѣется 1829 годъ) статуя Іисуса Христа, на стѣнѣ съ лѣвой стороны висѣлъ образъ Божіей Матери съ ликами Василія Великаго и Іосафата Кунцевича. Церковь имѣла двои двери; однѣ—желѣзныя, мѣстами позолоченныя—выходили въ Троицкую церковь, и были завѣшиваемы шерстянымъ зеленымъ занавѣсомъ; другія двери вели на указанную выше галлерею.

Кромѣ этой придѣльной церкви монахинямъ принадлежала еще въ Троицкой церкви часть хоръ; эта часть и со стороны, обращенной внутрь церкви, и съ той стороны хоръ, на которомъ помѣщался органъ, закрыта особою деревянною рѣшоткою, устроенною впрочемъ уже въ 1798 г. На хорахъ устроенъ былъ также небольшой алтарь. На хоры ходили изъ монастыря по той же галлереѣ, по которой и въ придѣльную церковь. Особаго церковнаго причта женскій монастырь никогда не имѣлъ; а монахини или присутствовали на общемъ богослуженіи или отправляли для нихъ базильянскіе монахи особое богослуженіе въ придѣльной церкви.

Монастырю принадлежало нѣсколько имѣній: Дукшишки, Ворни, Цымуты и др. всего 15 селъ; имѣнія отдаваемы были

1) Можетъ быть эта придѣльная церковь и прежде назначена была для монахинь прежняго православнаго монастыря.

въ аренду и приносили монастырю въ 1829 г. 5,337 польскихъ злотыхъ и 10 грошей.

Всѣхъ монахинь въ 1829 г. и съ настоятельницею Дамасценою Важинскою было 12.

Въ монастырѣ находилась библіотека, состоявшая изъ 299 книгъ по преимуществу аскетическаго содержанія и на польскомъ языкѣ; книгъ на славянскомъ языкѣ всего было 14, и притомъ богослужебныхъ; а для чтенія не было ни одной русской книги. Всѣ монахини знали только польскій языкъ; нѣкоторыя только изъ нихъ умѣли читать по славянски; настоятельница знала кромѣ польскаго, французскій и нѣсколько русскій языки.

Около 1826 г, стараніемъ настоятельницы Дамасцены Важинской открытъ былъ при монастырѣ пансіонъ. Воспитаніе въ немъ отличалось чисто свѣтскимъ направленіемъ. Обучали наукѣ христіанской и обрядовой, гражданской исторіи, чтенію, каллиграфіи, ариѳметикѣ, географіи, польскому, французскому и русскому языкамъ; музыкѣ, танцамъ, шитью и вышиванью. Обученіемъ занимались частію сами монахини, имѣвшія впрочемъ кромѣ того двухъ гувернантокъ, частію приходящіе учителя, преподавателями большей части предметовъ были базильянскіе монахи; для обученія музыкѣ, французскому языку и танцамъ приходили свѣтскіе учителя. Въ 182⁸⁄₉ г. въ пансіонѣ было всего 43 воспитанницы; изъ нихъ 23 имѣли столъ и помѣщеніе въ монастырѣ съ платою за это,—7 содержались безплатно, а 13 приходили только на уроки.

Ѳ. Е.

(Лит. Еп. Вѣд.)

III.

ПОЛЬСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ НА ЗАПАДѢ РОССІИ.

Въ ряду событій, долженствующихъ занять интересное мѣсто на скрижаляхъ новѣйшей исторіи, является послѣднее польское возстаніе. Назойливый вопросъ требуетъ окончательнаго рѣшенія, историческая судьба польскаго народа должна завершиться разъ навсегда. Послѣднія слова польскаго національнаго героя, „finis Poloniae“, должны остаться неотразимымъ, послѣднимъ приговоромъ народа, отжившаго свой вѣкъ, свое политическое значеніе, въ строгой исторической послѣдовательности міровыхъ и бытовыхъ событій. Такъ рѣшила Европа и весь цивилизованный міръ, и потому нельзя принять во вниманіе развившееся въ настоящее время кокетничанье австрійскаго правительства съ польскими народностями; это одна изъ тѣхъ всегдашнихъ и неизбѣжныхъ уловокъ Австріи, безъ которыхъ она не можетъ существовать, какъ государство неловко сшитое изъ разноцвѣтныхъ и разнокачественныхъ лоскутьевъ, тлѣющее единственно политикою іезуитскаго закала. Сегодня ей выгодно по расчету улыбнуться полякамъ, завтра нѣмцамъ, послѣ завтра венграмъ, хорватамъ, потомъ чехамъ и т. д. Только слѣпые могутъ предполагать въ такого рода политикѣ искреннее чувство; а если поляки это знаютъ и стараются только временно воспользоваться своимъ мнимо-выгоднымъ положеніемъ въ Австріи, то ихъ стараніе ни болѣе ни менѣе, какъ обычное жалкое

и смѣшное увлеченіе. Австрія лучше изучила свои народы, чѣмъ они самихъ себя, поэтому и полякамъ будетъ потакать лишь на столько, чтобъ они могли слѣпо и отлично выполнить ея собственныя планы. Съ окончаніемъ дѣйствующей роли поляковъ, Австрія снова преспокойно приберетъ ихъ въ свои руки и заставитъ молчать, какъ въ 1846 году. Въ мыслящей Европѣ окончательно утвердилось мнѣніе, что разъ падшая Польша, вслѣдствіе радикальнаго разстройства всѣхъ узъ, скрѣпляющихъ государство, не можетъ достигнуть своего возстановленія и независимости на какихъ бы то ни было началахъ; ея самостоятельность немыслима и противуестественна при какихъ бы то ни было условіяхъ. Въ ряду историческихъ неблагопріятныхъ и противуположныхъ намѣреніямъ поляковъ причинъ, и самый характеръ бурнаго народа мечтательно высокомѣрный, его легкомысленныя притязанія на возстановленіе Баторіевской Польши, мѣшаютъ уже сами собою успѣху дѣла. Великодушное желаніе императора Александра I, оказавшееся невозможнымъ въ исполненіи, наглядно доказываетъ абсолютную невозможность самостоятельнаго существованія Польши. Спрашиваемъ, что остается дѣлать этому неугомонному народу, слѣпому въ своей дѣтской мечтательности? Какая судьба его ожидаетъ, если онъ не покинетъ своихъ пресловутыхъ надеждъ и упованій, своего необдуманнаго образа дѣйствій? Судьба его несчастная, плачевная, жалкая. Пройдетъ еще поколѣніе не смотря на свое ничтожество, проборется напрасно, и сойдетъ въ могилу со старой любимой пѣсней; но настанетъ критическій судъ новаго поколѣнія, которое пойметъ наконецъ свое положеніе и примирится съ неизбѣжною дѣйствительностью, воспользуется опытомъ неудачныхъ попытокъ своихъ заблуждавшихся отцовъ, извлечетъ истинный смыслъ изъ горькой народной исторіи, простится на вѣки съ мечтами, и юныя, свѣжія свои силы направитъ на путь здравой дѣйствительности, ступитъ на поприще общеполезнаго труда и производительной дѣятельности. Это поколѣніе скажетъ себѣ: «довольно нашей крови и слезъ пролито; эта кровь и слезы только лишнимъ бременемъ ложатся на изнывшую

груди земли.» И это будетъ спасительный, вѣрный взглядъ на вещи. Но зачѣмъ его окупать такъ дорого, цѣною слезъ и крови! Почему не приблизить, не сдѣлать настоящимъ вѣрное пониманіе вещей!? Друзья мои, западнорусскій! я много пережилъ и передумалъ, съ горестью и сожалѣніемъ смотрѣлъ на ваши дѣтскія попытки и затѣи въ послѣднемъ возстаніи у меня рвалось сердце на части; я жадно сталь искать истины, прослѣдилъ исторію западнаго края по всѣмъ достовѣрнымъ источникамъ, какіе всѣми считались добросовѣстными, и искренно, душевно убѣдился въ томъ, что теперь смѣло предлагаю на судъ вашъ, въ своей замѣткѣ. Проникнутый любовью къ родному краю, гдѣ я и жилъ и воспитывался, я не могу воздержаться отъ задушевнаго слова къ моимъ собратамъ. Примите же это слово безъ всякихъ предубѣжденій, безъ всякихъ двусмысленностей; пусть оно будетъ первымъ залогомъ примиренія съ дѣйствительностью, зачаткомъ новой жизни, новыхъ понятій, новаго строя! Это одно изъ самыхъ завѣтныхъ желаній моей души я готовъ пожертвовать всѣмъ для поддержки и укрѣпленія въ васъ истиннаго взгляда на вещи, готовъ купить цѣною крови и себѣ и вамъ разъ навсегда и счастіе и спокойствіе, безъ которыхъ немыслимо никакое развитіе и преуспѣяніе, искажается смыслъ и цѣль прекраснѣйшаго дара жизни, оставляется неизгладимое пятно на страницахъ исторіи, горькій упрекъ слѣдующихъ поколѣній... Считаю обязанностью всякаго благомыслящаго, честнаго человѣка, а тѣмъ болѣе заинтересованнаго въ дѣлѣ, прямо и откровенно высказать свои убѣжденія и взгляды... И чувство истины, и долгъ священный въ отношеніи дорогой для каждаго родины, заставляютъ меня прибѣгнуть къ печатному слову для заявленія несчастнымъ моимъ собратамъ тѣхъ взглядовъ и убѣжденій, которые выработаны мною путемъ житейскаго опыта и не менѣе труднымъ научнымъ изслѣдованіемъ историческихъ фактовъ... Повторяю, меня долго мучилъ роковой вопросъ и много времени и трудовъ требовалось на его окончательное рѣшеніе. Съ какимъ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ я на всѣ заслуженныя бѣдствія и несчастія моей

родины и моихъ братьевъ по происхожденію, добровольно и безотчетно взявшихъ на свои плечи тяжелый крестъ, вызвавшихъ горькія, неминуемыя послѣдствія своихъ необдуманныхъ и преступныхъ дѣйствій; долго и самъ я терпѣлъ и терплю за чужія грѣхи, ждалъ и искалъ роковой развязки мучительнаго вопроса и когда она явилась, я болѣе, повторяю, не въ силахъ воздержаться отъ задушевнаго совѣта. Мнѣ больно и тяжело будетъ встрѣтить недовѣрчивость и сомнѣніе; но я долженъ исполнить священный долгъ свой, и раньше или позже всѣ блуждающіе во мракѣ убѣдятся въ истинѣ и искренности моихъ убѣжденій; я только желалъ бы приблизить ту минуту, когда всѣ недовѣрчивые сами, моимъ же путемъ, отличатъ свѣтъ отъ мрака, добро отъ зла, пользу отъ вреда, истину отъ лжи. По моему крайнему убѣжденію, незачѣмъ терпѣть болѣе неизвѣстность; довольно натерпѣлись мы изъ за чуждыхъ намъ идей и цѣлей; не слѣдуетъ ждать, чтобы насъ, какъ глупое стадо, привела къ тому сила, къ чему скорѣе и прочнѣе приведетъ собственное убѣжденіе, безпристрастное исканіе истины, которой слѣпые только не видятъ. *Не* нужно намъ насилія, если мы захотимъ нравственно убѣдиться, что это насиліе совершенно для насъ лишнее и вызвано только необходимостью, нашимъ невѣжествомъ, упорствомъ, непониманіемъ своего положенія, своихъ правъ и своей исторіи.

Вы желаете понять, друзья мои, какой смыслъ и вліяніе можетъ имѣть *польское* дѣло на западѣ *Россіи?...* Разсматривая и изслѣдуя безпристрастно исторію древней Литвы, мы ясно видимъ, чѣмъ формулируются ея отношенія къ Польшѣ, какой характеръ носятъ столкновенія обоихъ народовъ. Чисто непріязненный, враждебный духъ этой вражды выражается въ постоянныхъ, нескончаемыхъ войнахъ и распряхъ. Оба народа рѣшительно не имѣютъ съ собою ничего общаго; оба принадлежатъ къ совершенно различнымъ племенамъ, въ разное время осѣвшимъ и образовавшимся. Слѣдя далѣе за историческимъ развитіемъ, въ соединеніи Литвы съ Польшей мы видимъ только самый обыкновенный фактъ опутанія въ политическія сѣти гру-

баго, физически непобѣдимаго народа, другимъ народомъ, стоящимъ сравнительно на высшей степени цивилизаціи. Борьба Литвы съ Польшей, продолжавшаяся и послѣ ихъ соединенія, въ лицѣ Витольда и Ягеллы, доказываетъ положительно насильственность этого соединенія. И борьба эта не умолкаетъ послѣ смерти обоихъ противниковъ: народъ борется съ народомъ: такъ неединодушны и натянуты ихъ отношенія. Наконецъ возстановляется наружное согласіе, и то въ духѣ перемирія, дарованіемъ Литвѣ всѣхъ правъ польской конституціи. Но и тутъ гордый, властолюбивый народъ не хочетъ въ душѣ признать равнымъ себѣ не менѣе храброе, воинственное племя литовцевъ, и только притворяется равнымъ, сознавая съ затаенною злобою физическую невозможность инаго образа дѣйствій, открытой вражды и презрѣнія, глубоко затаенныхъ и хитро маскированныхъ. Это соотношеніе двухъ разноплеменныхъ, неестественно связанныхъ народовъ, ясно замѣчается и донынѣ безпристростными наблюдателями. Я знаю, что, быть можетъ, большинство моихъ собратій, фанатически преданное польской пропагандѣ, безотчетно слѣдующее разъ заведеннымъ порядкамъ недальновидныхъ своихъ предковъ, удивится, этой неслыханной схизмѣ. Но это можетъ произойти и объясниться только невѣжествомъ, закоснѣлостью въ слѣпомъ фанатизмѣ; неспособностью здраваго взгляда на вещи, отсутствіемъ всякой наблюдательности. Для того, чтобъ убѣдиться въ исторической истинѣ моего взгляда, я предлагаю невѣрующимъ обратиться прямо къ исторіи, съ безпристрастіемъ холодной, здравой критики, предварительно освободивъ себя, на сколько возможно, отъ предвзятой мысли и желанія, отъ фанатической закваски. Я увѣренъ, что исторически, взглядъ этотъ неопровержимъ. Что же касается до настоящаго положенія поляковъ, въ отношеніи къ западно-русскимъ, то стоитъ лишь мало-мальски наблюсти за поведеніемъ ихъ въ отношеніи къ намъ, чтобы наглядно убѣдиться въ іезуитской преданности нашихъ мнимыхъ собратовъ. Для наблюденія я предлагаю взять любого кореннаго поляка (Koroniasza) и, захвативъ его врасплохъ, начать съ нимъ бесѣду. Боюсь, чтобы вслѣдствіе

этого наблюденія не пришлось назвать западно-русскихъ, навязывающихъ себѣ имя поляковъ, въ отношеніи къ истымъ полякамъ по просту думаю, что этотъ эпитетъ будетъ совершенно вѣрный, заслуженный; такъ мы до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, вели себя, и какъ долго останемся въ роли лакействующихъ это зависитъ, по меньшей мѣрѣ, отъ насъ самихъ. Возьмемъ на выдержку любаго короніаша и посмотримъ, какъ онъ отнесется къ намъ, если мы его съумѣемъ вывести на чистую воду. Онъ во первыхъ обзоветъ всякаго западно-русскаго собрата (?) литовскимъ медвѣдемъ, косолапымъ (такой физіологъ!) дуракомъ, невѣжей и т. п.; станетъ смѣяться надъ произношеніемъ польскаго нарѣчія, назоветъ его варварскимъ искалѣченіемъ языка, и если мы вслушаетесь въ смыслъ его рѣчи, то легко замѣтите, что онъ вами совершенно пренебрегаетъ и если жалуетъ васъ своимъ высокимъ вниманіемъ, то это только по наружности, имѣя въ васъ нужду, отнюдь не болѣе, какъ во всякомъ холопѣ, исправно несущемъ повинность барщины, болѣе теплаго, живаго чувства и искренности, болѣе благородства въ обращеніи, какъ съ равнымъ себѣ, самому недальнозоркому глазу, трудно примѣтить. И если медвѣдь литовскій протянетъ дружественно свою лапу этому мнимому собрату, то посмотрите, съ какою затаенною ироніей, подаетъ ему тотъ указательный палецъ своей левши... Кому изъ медвѣдей приходило до сихъ поръ въ голову дѣлать подобнаго рода пріятныя и поучительныя наблюденія? совѣтую однако попробовать...

Историческое положеніе нѣкогда политически связанныхъ двухъ племенъ въ настоящее время совершенно перемѣнилось и роли ихъ стали иными, при иныхъ условіяхъ. Отжившая свое политическое существованіе Польша, съ одной стороны, боялась своихъ, тогда-сильныхъ сосѣдей, съ другой нуждалась въ нихъ, видя въ насильственномъ союзѣ съ ними исключительно свой собственный интересъ, свою личную выгоду и пользу, въ ущербъ конечно союзному племени. Роль и цѣль нынѣшней пропаганды очевидно измѣнилась. Теперь полякамъ нечего бояться

ничтожныхъ и слѣпо преданіями связанныхъ съ ними сосѣдей. Нынѣшняя пропаганда для своей доктрины только сильно въ нихъ нуждается, какъ въ матеріальной поддержкѣ. Спрашивается въ такомъ случаѣ долго-ли потомки древнихъ литовцевъ, нынѣшніе западно-русскіе, будутъ холопами своихъ вѣчно-*пановъ* поляковъ? Сколько времени продлится ихъ нравственная слѣпота, вѣчное заблужденіе, отсталый азіятскій фанатизмъ и невѣжество въ отношеніи къ собственной исторіи, наконецъ ничѣмъ необъяснимое недоброжелательство въ отношеніи къ русскому элементу? Долго-ли, зачѣмъ и почему будетъ вліять совершенно чужой элементъ на жалкую настоящую судьбу западно-русскихъ, долго-ли польскій духъ будетъ тяготѣть надъ западнымъ краемъ, искони принадлежащемъ России? Этотъ край и въ старину, въ эпоху своего политическаго существованія, былъ подъ вліяніемъ той же Россіи, гораздо болѣе сильнымъ и естественнымъ, чѣмъ враждебная, хитро маскированная федерація его съ Польшей. И въ настоящее время Россія совершенно искренно желаетъ нашего объединенія съ нею, безъ всякихъ заднихъ, неблагородныхъ цѣлей, и имѣетъ на это тысячу разъ больше правъ, чѣмъ навязанная намъ на шею какая-то давно кончившая свое существованіе, коварная Польша. Россія никогда не желала и не желаетъ нашего холопства; она напротивъ старается вывести и вкоренить въ насъ русскій элементъ съ тою цѣлью, чтобы мы всѣ стали равноправными братьями русскими, единымъ, въ полномъ, истинномъ значеніи, народомъ, великою могущественною націею, подъ общимъ скипетромъ россійскаго Монарха. Скажите, западно-русскіе мои братья, что можетъ быть естественнѣе, справедливѣе и благороднѣе этого желанія Россіи!?... То ли намъ готовила Польша, еслибъ какимъ либо чудомъ случился какой-нибудь успѣхъ въ ея возстаніяхъ? Ея наружное поведеніе съ нами ничего не значитъ и благородства ея вовсе не доказываетъ; мало-ли въ чемъ она насъ увѣряетъ, разсыпается мелкимъ бѣсомъ, юлитъ передъ нами, кокетничаетъ, такъ этому съ дуру и повѣрить? А зачѣмъ же столько примѣровъ исторіи? Неужели они не достаточны

для нашего вразумленія и здраваго взгляда на вещи? Неужели намъ ихъ еще болѣе нужно? Вспомните и подумайте, сколько боролись древніе (да и нынѣшніе) жители западной Россіи съ польскими панами, чтобы завоевать себѣ хотя наружное равенство съ ними? А не пришло никому изъ насъ въ голову, зачѣмъ и къ чему намъ польское равенство, что мы имѣемъ общаго съ этими непрошенными, лукавыми друзьями, кромѣ фанатически-глупыхъ увлеченій? Отчего мы не подумали, что мы совершенно чужды другъ другу по происхожденію, по языку, по нравамъ, обычаямъ и преданіямъ? Литва была соединена политически, насильно, т. е. наружно съ Польшей, слѣдовательно права послѣдней были чисто искуственныя, а не родственныя. Но если на то пошло, то и съ этой точки зрѣнія, кто же по вашему имѣетъ болѣе политическихъ правъ на владѣніе и вліяніе въ западной Россіи, Россія, или Польша, принадлежащая вмѣстѣ съ западнымъ краемъ къ территоріи Россіи, и неимѣющая, по своей ничтожности (что доказала въ возстаніяхъ), никакою значенія, никакой силы и слѣдовательно никакихъ политическихъ правъ на свою самостоятельность?... Польша политическая давно пала для того, чтобы не подняться болѣе; ея паденіе было столь же неизбѣжно, какъ немыслимо теперь ея возстановленіе. Ея задача въ исторіи рѣшена, исполнена роль, назначенная ей провиденіемъ въ исторіи всѣхъ государствъ. Пала Греція, пала Македонія, палъ Римъ и т. д.; другъ за другомъ въ строгой исторической послѣдовательности падаютъ государства, чтобы на развалинахъ ихъ строились новые, умершее и разлагающееся государство даетъ зародышъ и пищу новому, какъ растеніе растенію; это вѣчный законъ природы, и мысль воскрешать разлагающагося трупа невѣжественна, противуестественна. Чего же мы западно-руссіе ожидаемъ теперь отъ трупа Польши, если и во время могущества нашей непрошенной союзницы, торчали мы при ней не какъ самостоятельный, а только какъ подвластный, порабощенный народъ? Неужели намъ еще хочется, въ двуличномъ смылѣ, связываться съ чуждою намъ, властолюбивою, вѣчно надъ нами господствующею націею и

носить позорное иго вмѣсто воображаемой самостоятельности? Да, наконецъ, этого сладкаго холопства не дождаться болѣе тѣмъ изъ насъ, кто на столько недальнозорокъ, что его еще надѣется и на столько глупъ, что его еще желаетъ. Послѣднее польское возстаніе окончательно выдвинуло впередъ роковой вопросъ: можетъ-ли древняя, отжившая Польша добиться когда-нибудь самостоятельности, какіе шансы можетъ она имѣть на свое мечтательное возстановленіе? Всѣ главныя западныя государства, дорожащія, точно также какъ и Россія, внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ и миромъ, очевидно никогда не допустятъ до разрѣшенія этого мира и постараются поддержать законный порядокъ вещей. Надо быть слишкомъ близорукимъ, чтобы убаюкивать себя смѣшными надеждами, какъ напримѣръ, въ послѣднее возстаніе, что, дескать, Франція вооруженной силой идетъ на помощь полякамъ! «Вооруженной силой», вѣдь такъ думалось нашимъ несчастнымъ безумцамъ, покидавшимъ занятія и семейства на произволъ жестокой судьбы въ партизантской войнѣ для того, чтобы голодать, мерзнуть и умирать въ лѣсахъ, какъ дикіе звѣри... Нѣтъ, друзья мои! Франція и другія западныя государства не только далеки были отъ неестественной мысли помогать вооруженной силой жалкимъ инсургентамъ, но и въ кабинетныхъ своихъ преніяхъ, послѣ самой апатичной, продолжительной бесѣды, едва рѣшились предложить петербургскому кабинету на благоусмотрѣніе свои безсодержательныя, микроскопическія ноты. И что эти ноты заключали, какой въ нихъ былъ смыслъ?—жалкую иронію надъ причудливыми желанія и надеждами инсургентовъ, добивались того, чтобы васъ признали стороною воюющею! Какъ будто отъ того вы сдѣлались бы сильнѣй и счастливѣе! И нечему удивляться, если эти кабинеты, получивъ на свои ноты отзывъ князя Горчакова, далеко превышающій даже ихъ собственныя предложенія, съ радостью умыли себѣ руки и бросили польскій вопросъ въ долгій ящикъ вѣчнаго забвенія. Стоитъ-ли распространяться послѣ этого о настоящемъ положеніи польскаго вопроса за границей? Не только этотъ пресловутый, назойливый вопросъ дав-

нымъ—давно надоѣлъ всѣмъ, но и польскіе эмигранты, даже во Франціи, не смотря на мнимое сочувствіе, либерализмъ и гуманность французскаго правительства и народа, успѣли надоѣсть этой дружественной (?) націи до того, что братья французы, смотрятъ на нихъ не только равнодушно, но даже презрительно и рады-радехоньки своихъ неугомонныхъ гостей поскорѣе отъ себя выжить какъ можно подальше. Заносчивость, дерзость, постоянныя закулисныя интриги, взаимная перебранка и печатная полемика этихъ вѣчныхъ утопистовъ и узурпаторовъ, дошли до крайнихъ, неистовыхъ предѣловъ и скоро вызовутъ общеевропейскую оппозицію, которая окончательно завершитъ мытарство вѣчныхъ скитальцовъ, вѣчныхъ агитаторовъ, враговъ общественнаго спокойствія и порядка. А если мнимая метрополія наша, западно-русскіе собраты, въ такомъ плачевномъ состояніи, то чего же намъ, повторяю, отъ нея ожидать, если бы даже допустить въ комъ-нибудь изъ насъ дикое, фанатически—глупое желаніе дѣйствовать за одно съ панами поляками?...

Русскіе искони вѣковъ признаютъ въ насъ старое племя, много разъ кровно соединенное съ ними добровольными, естественными, родственными связями, и оспариваютъ свое вліяніе совершенно законно, на историческихъ, неопровержимыхъ фактахъ. Россія хочетъ внѣдрить въ свои владѣнія и обрусить страну искони ей принадлежащую и отнятую только на время, вслѣдствіе политическихъ эволюцій, соединенную съ Польшей совершенно насильственно, интригами польскихъ пановъ, устрашившихся могущества полудикихъ языческихъ своихъ сосѣдей. Слабая Польша только въ хитромъ соединеніи съ Литвой и Русью стала на нѣкоторое время могущественною; отними у нее тогда захваченныя сосѣднія страны, и она осталась бы, съ коренными своими обитателями, самою ничтожною страною, какъ будто и созданную, для того, чтобы попасть подъ чужое вліяніе и владычество; сами неугомонные, безпутные сыны ея скоро пропили бы свою отчизну. Не трудно вѣдь было подкупленному, пьяному оборвышу шляхтичу кряк-

нуть на сеймѣ безтолковое: „veto!“ и погубить государство.

Древнѣйшіе памятники южно и западно русскіе доказываютъ неоспоримо естественное и историческое право Россіи на владѣніе этими странами;—мало того,—тѣ же древнѣйшіе памятники, при болѣе глубокомъ и добросовѣстномъ ихъ изслѣдованіи, при розысканіи и разработкѣ историческихъ матеріаловъ, приведутъ ученыхъ, а въ слѣдъ за ними и весь цивилизованный міръ къ заключенію, что въ южной и западной окраинахъ Россіи слѣдуетъ искать исторической колыбели нынѣ великой, державной монархіи. Но предоставимъ это изслѣдованіе ученымъ; хотя многіе и не изъ ученыхъ полагаютъ эти догадки совершенно справедливыми и естественными, находя во многихъ развалинахъ церквей, разсыпанныхъ обильно повсюду на югѣ и западѣ Россіи, памятники зодчества, временъ св. Кирилы и Меѳодія, св. Владиміра и т. д. слѣдовательно самыхъ отдаленныхъ временъ христіанства.

Взглянемъ теперь на нынѣшнее населеніе южнаго и западнаго края, населеніе въ десять разъ превосходящее численностью слабые остатки польскаго элемента и скорѣе по этому составляющее *народъ* и *націю*, и посмотримъ, есть-ли въ этомъ населеніи осязательный признакъ польскаго духа, дающій право полагать польскій элементъ и польское вліяніе имѣющимъ здѣсь какую-нибудь силу и значеніе. Не найдемъ-ли, напротивъ, доказательствъ совершеннаго отсутствія того и другаго въ этомъ народѣ, не смотря на продолжительное панское иго. Да, особенно въ настоящее время, когда правительство энергичнѣе взялось за обрусѣніе края, за окончательное нравственное единеніе и сплоченье его съ остальною частью Монархіи, когда этотъ народъ почувствовалъ энергичное дѣйствіе родной ему силы, тогда только высказалось вполнѣ все отвращеніе массы къ польской пропагандѣ и вообще къ польскому вліянію; проявилась рельефно наружу вся затаенная ненависть къ наброшенному казуистически элементу. Народъ, давимый въ теченіи вѣковъ деспотическимъ наплывомъ чужаго племени, вздохнулъ свободнѣе, заявилъ свой истинный духъ,

свои права и желанія, приблизивъ и рѣшивъ, такимъ образомъ, совершенный кризисъ польскаго элемента на западѣ Россіи, этотъ народъ былъ, есть и будетъ чисто русскій. Повторяю, это доказываетъ сохранившійся донынѣ его языкъ, не смотря на бывшее офиціальное господство польскаго, его нравы, обычаи и преданія. Въ цѣломъ югѣ и западѣ Россіи, не исключая ни Каменецъ-Подольской ни Виленской губерній, какъ центровъ того и другаго края, народъ говоритъ на *русскомъ* языкѣ, а не на *польскомъ* за исключеніемъ лишь, какъ извѣстно, нѣкоторой части Ковенской губерніи, гдѣ сохранились ничтожные остатки *литовскаго* нарѣчія. Польская, езуитская пропаганда ознаменовалась весьма не многими успѣхами въ этомъ чисто русскомъ народѣ. Если мы вникнемъ въ существо обрядовъ, обычаевъ и нравовъ этого народа, то легко замѣтимъ въ нихъ родственное сходство съ коренными, чисто русскими преданіями; всѣ предразсудки, суевѣрія—все общее, или сродное. И послѣ великой реформы свободы, дарованной народу обожаемымъ Монархомъ, народъ этотъ сталъ свободно, самостоятельно развиваться и преуспѣвать въ чисто-русскомъ духѣ, безъ всякихъ насильственныхъ къ тому мѣръ со стороны правительства. И гдѣ же тутъ хотя самый слабый признакъ *польскаго* элемента и вліянія? могло-ли уничтожиться такъ скоро это вліяніе, еслибъ оно дѣйствительно когда-нибудь было и имѣло какую нибудь силу и значеніе? Не доказываетъ-ли все это, напротивъ, совершенное отсутствіе, безсиліе прошлаго и окончательный упадокъ настоящаго, если оно мыслимо, вліянія, если принципомъ силы признавать духъ *народной массы*. Эта масса, эта сила болѣе чѣмъ въ 10 разъ превосходитъ численностью и значеніемъ каплю польскаго духа, который, весьма сомнительно, могъ сохраниться развѣ въ ничтожныхъ остаткахъ польскихъ выходцевъ и въ худо ополяченной горсти туземцевъ. Такъ неужели же эта капля, если она еще держится, можетъ составить какую-нибудь силу, вѣсъ и значеніе, можетъ именоваться *вліятельнымъ элементомъ?!* Подумайте мои братья, объ этихъ вопросахъ... Наконецъ, эти ничтожные остатки должны

весьма скоро окончательно и невозвратно стушеваться въ общей массѣ; какой же тогда будетъ имѣть смыслъ *польскій* элементъ на западѣ *Россіи?* Дѣло въ томъ, зачѣмъ намъ *откладывать* надалѣе то, что неминуемо должно совершиться *сейчасъ же?* Зачѣмъ продолжать безплодную, мучительную агонію? Смерть всему польскому давно совершилась; невозможно отрицать этой истины; чего же скажите, западно-русскіе братья, ждать намъ еще, надѣяться, колебаться; къ чему эта нерѣшимость? Покончимъ разъ на всегда всѣ старые расчеты съ панами поляками, станемъ изъ польскихъ русскими гражданами и благословимъ Провидѣніе, давшее намъ милостиваго великодушнаго Монарха, подъ скипетромъ котораго мы еще можетъ ожить, набрать свѣжихъ, новыхъ силъ. Перерожденные съизнова, на истинномъ пути, мы еще добьемся всякаго преуспѣянія и прогресса! Полно, полно коснѣть намъ въ рабствѣ, пора раскрыть глаза и свободно вздохнуть!

Кровью нашей и слезами, наполнилась родина наша. Тяжело ей отъ напрасныхъ за нее страданій и бѣдствій, пора и ей отдохнуть, зацвѣсти, облиться потомъ мирнаго труда, а не кровью, не слезами, проливаемыми столько лѣтъ напрасно и безумно!...

Братья, западно-русскіе! мнѣ кажется, вы поймете слово истины, согласитесь со мною; я увѣренъ, что мнѣ останется только желать скорѣйшаго осуществленія моихъ завѣтныхъ желаній на практикѣ.

Если моя замѣтка принесетъ для васъ какую нибудь пользу и хоть на сколько-нибудь подвинетъ впередъ дѣло обрусѣнія западнаго края, это будетъ для меня высочайшею наградою за всѣ мои труды и скорби, пережитыя мною для обрусенія моей родины; это будетъ вѣнцомъ всѣхъ моихъ надеждъ и молитвъ, къ милосердому Богу. О, какъ бы я желалъ, чтобы всѣ мои братья думали такъ, какъ я думаю! Да не допуститъ же Провидѣніе оставаться намъ болѣе въ нашемъ тяжеломъ, упорномъ заблужденіи!

Западно-Русскій.

IV.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 1-я

ГЛАВА 11-я.

Нападеніе на домъ Гаштольда.

Наступилъ день литовскаго языческаго праздника *Вайжганта*. Со всѣхъ сторонъ стекался народъ въ виленское Ромнова. Въ этотъ день по всей Литвѣ и Жмуди, гдѣ существовало только Ромнова, или находился вайделотъ, существовалъ такой обычай: самая красивая дѣвица умоляла Перкунуса о изобиліи льна, обработкой котораго особенно много занимались литовцы. Даже русскіе христіане, жившіе по сосѣдству съ литовцами-язычниками, не чужды были этого обычая, потому что ленъ былъ у нихъ главнымъ производительнымъ продуктомъ, а по своей суевѣрной натурѣ они боялись не воздать почестей языческому богу, который былъ хотя и не христіанскимъ Богомъ, но все-таки, по ихъ понятіямъ, могъ вліять нѣсколько на урожай льна. Такъ было и тутъ, нѣкоторую часть народной массы, наполнившей собою виленское Ромнова, составляли русскіе христіане, преимущественно женщины. День былъ ясный и теплый. Снѣгъ во многихъ мѣстахъ стоялъ; ледъ рѣки Виліи ушелъ въ Нѣманъ...

Громадный храмъ Перкунуса былъ биткомъ наполненъ народомъ.

---

*) См. 9 кн. „Вѣст. Зап. Россіи."

Ровно въ полдень начались великія жертвы, которыя приносилъ самъ криве-кривейто, съ двумя кривейтами, съ множествомъ вайделотовъ, вайделотокъ, буртовъ, буртинниковъ, гусляровъ, вуршайтосовъ и гадателей.

Большіе клубы дыма вырывались изъ громаднаго пылающаго костра—и, уносясь изъ капища, ложились по землѣ. Народъ считалъ это хорошимъ предзнаменованіемъ.

Въ жертву Перкунуса въ этотъ день приносились продукты растительныя, какъ то: хмѣль, рожь, овесъ, яблоки, орѣхи и льняное сѣмя. Все это бросалось въ огонь, съ словами: «земля наша мать, земля родительница хлѣба и цвѣтовъ.»

Когда костеръ началъ догорять, на жертвенникъ вошла Поята; она была одѣта по зимнему, зеленый передникъ, съ дѣвичьими бубенчиками, былъ подвязанъ по верхъ теплой одежды, на головѣ ея было надѣто бѣлое толстое покрывало, а на немъ дубовый вѣнокъ. Въ рукахъ она держала позолоченный кувшинъ. Поклонившись народу, она обратилась къ Перкунусу и опустилась передъ нимъ на колѣна.

— О, грозный властитель неба и земли, святой Перкунъ! ты видишь, какъ велики жертвы, принесенныя тебѣ вѣрными твоими рабами, здѣсь стоящими, — начала дрожащимъ голосомъ Поята: всѣ они молятъ тебя и просятъ... (Едва только проговорила эти слова Поята, какъ всѣ присутствующіе въ капищѣ, а за ними и тѣ, которые находились внѣ храма, пали ницъ).

— Не оставь ихъ своею милостью, пошли хорошій урожай льна на будущее лѣто. Избави ихъ отъ засухи, избавь и отъ лишняго дождя. Пусть Летуванисъ дастъ небесной воды столько, сколько будетъ нужно. Сказавъ это, она встала, за ней послѣдовалъ и народъ; подойдя къ потухающему костру, она начала заливать его священною водою изъ позолоченнаго кувшина. Послѣ чего ей подали серебряную лопатку, которой она начала раздавать пепелъ изъ потухшаго костра, народу. Всѣ подходили къ ней и всѣ, получая этотъ священный пепелъ, завязывали въ бѣлыя небольшіе куски холстины для того, чтобы сохранить эту золу до весны, когда начнутъ сѣять ленъ, золой этой посыпали поля. Во время этой раздачи пѣлись лелованія Перкунусу и носились вайделотами во множествѣ навезенныя жертвы народныя изъ капища Перкуна въ амбары криве-кривейты. Изъ этихъ жертвъ только самая мень-

кая часть пошла буквально въ жертву Перкунусу, а все остальное отнесено криве-кривейту.

Когда кончилась раздача священнаго пепла, криве-кривейто взошелъ на жертвенникъ и, обратившись къ Перкуну, началъ что-то нашептывать ему. Послѣ долгаго нашептыванья, онъ обратился къ народу и сказалъ:

— Внимайте словамъ бога Перкунуса, онъ будетъ говорить свою волю.

Истуканъ защелкалъ зубами и открылъ ротъ. Всѣ, за исключеніемъ криве-кривейты и Пояты, пали ницъ.

— Моя воля будетъ передана всѣмъ собравшимся молить меня — криве-кривейтомъ съ высоты Ромнове и вайделоткой Поятой на Лысой горѣ, — сказалъ Перкунусъ какимъ-то могильнымъ голосомъ.

Всѣ встали.

— Пойдемте слушать волю боговъ, — сказалъ криве-кривейто, выходя изъ храма Перкунуса и направляясь къ башнѣ, которую въ одинъ мигъ сплошной массой окружилъ народъ.

— Кривичи, мои любезные вѣрные поклонники боговъ моихъ, къ вамъ я обращаюсь съ велѣніемъ бога Перкунуса, — началъ криве-кривейто; молитвами вашими и жертвами онъ умилостивился и пошлетъ на будущій годъ хорошій урожай льна... Но онъ можетъ послать на васъ страшныя бѣдствія, если вы не будете ограждать себя отъ происковъ и нападеній коварныхъ латинцевъ... И такъ уже боги наши много терпѣли поношеній не только отъ христіанъ, но даже отъ своихъ сыновъ. Горе тому кто мѣняетъ свою кривичанскую вѣру на латинскую. Изъ за него всѣ бѣды и несчастія будутъ посылаться на землю... Народъ мой вѣрный! Не такъ страшны намъ нѣмцы за рубежомъ Литвы и на краю Жмуди, какъ страшны свои кровные братья, принявшіе латинство... Истребляйте ихъ всѣхъ безъ жалости, сотрите этихъ отступниковъ съ лица земли, и боги наши пошлютъ на васъ довольство и счастіе. Но если, сложа руки, будете смотрѣть, какъ латинская вѣра врывается въ домы ваши, то боги пошлютъ на васъ черную смерть... Помните, что я сказалъ сейчасъ и ступайте теперь на Лысую гору, тамъ дочь Прауримы, вайделотка Поята, повѣдаетъ вамъ остальную волю Перкунуса. Сказавъ это, онъ поклонился солнцу и пошелъ во внутренность башни.

На гору, на Лысую гору, кричалъ народъ, въ толпѣ котораго

ходили переодѣтые вайделоты и прямо говорили, что всѣ бѣды будутъ отъ дома Гаштольда.

Вся масса народа двинулась за Поятой, которая несла въ рукахъ пучекъ льна. По зади ея шли прочія вайделотки съ зажженными головнями и съ пѣніемъ обрядной языческой пѣсни. Въ толпѣ вайделотокъ не было только Ригальды, скрывшейся неизвѣстно куда во время жертвъ изъ капища.

Перейдя мостъ черезъ Вилейку, процессія устремилась на Лысую гору, гдѣ два вайделота стояли у большаго костра дровъ. Взойдя на гору, Поята положила на костеръ пучекъ льна и, взявъ изъ рукъ одной вайделотки пылающую головню, зажгла костеръ. Когда костеръ воспламенился, всѣ наклонили голову, только одна Поята смотрѣла на небо. По выраженію ея лица ясно было видно, что она исполняетъ только обрядность, но сама не сочувствуетъ своему положенію. У ней было въ мысляхъ не небо, не грозный Перкунусъ съ которымъ, она будто бы бесѣдуетъ, а Анна, жена Гаштольда, какъ увидимъ ниже. Пламя скоро истребило пучекъ льна и народъ ждалъ отъ Пояты священныхъ словъ Перкунуса. Но она видимо колебалась начать рѣчь и хранила молчаніе. Въ эту минуту на Лысую гору долетѣли звуки колокола съ христіанской каплицы Гаштольда. Поята вздрогнула, лицо ея поблѣднѣло, глаза блеснули зловѣщимъ огнемъ.

— Перкунусъ повелѣваетъ своимъ кривичамъ разорить гнѣздо хищныхъ ястребовъ, которые укрылись въ домѣ Гаштольда... Вы слышите звонъ? туда, туда спѣшите!... Истребите это гнѣздо, умертвите скверныхъ латинцевъ и на ихъ костяхъ передайте лютой смерти жену Гаштольдову... Таково велѣніе бога... Смерть латинцамъ, смерть!!... закричала Поята, выхватывая изъ подъ пояса длинный ножъ и направляясь съ горы.

— Смерть латинцамъ, смерть! крикнули переодѣтые войделоты.

— Смерть латинцамъ! повторила толпа, и вся масса народа, въ остервенѣніи на латинцевъ, бросилась за Поятой.

Оставивъ бѣгущую массу народа на пути къ дому Гаштольда, мы посмотримъ, что въ это время дѣлалось въ немъ.

Домъ Гаштольда, обнесенный высокими бревенчатыми стѣнами, находился почти рядомъ со священной дубовой рощею, которая тоже была обнесѣна стѣнами.

Великій князь Ольгердъ, сначала очень недружелюбно смотрѣвшій на духовное перерожденіе своего любимца, часто высказывалъ ему свою непріязнь къ католицизму, и что онъ, если хочетъ креститься, то пусть крестится по греческому обряду, а не латинскому, который литовцы ненавидятъ, но Гаштольдъ ловко умѣлъ изворачиваться отъ замѣчаній князя и, пользуясь своими заслугами, сдѣлалъ все, чего хотѣла прекрасная плѣнница. Съ этихъ то поръ, въ первый разъ еще католицизмъ пріютился въ столицѣ Литвы, укрываясь въ домѣ Гаштольда. Но будемъ продолжать нашъ разсказъ.

За Анной Гаштольдовой сидѣло множество служанокъ. Судя по костюму, служанки эти были польки. Ригальда, увидѣвъ Анну, рынулась впередъ и бросилась передъ ней на колѣна.

— Это твоей красотѣ, сказала Ригальда по литовски, дѣлая поклонъ.

Правитель замка перевелъ эту фразу Аннѣ на польской языкъ. Она привѣтливо улыбнулась и ласкаво спросила Ригальду по-русски:

— Не говоришь ли ты по-русски?

— Говорю... Моя мать была русская... Но выслушай меня скорѣе, прекрасная боярыня, время дорого,... сказала Ригальда, вставая на ноги.

— Говори, я слушаю.

— Твои глаза яснѣе дня, темнѣе ночи, на твоихъ бѣлыхъ щекахъ рдѣютъ розы.... Ты красивѣе нашей богини Мильды, такъ тебѣ ли погибать отъ руки безродной войделотки....

— Что говоришь ты?

— Войделотка Поята взбунтовала весь народъ, собравшійся на сегоднишній день въ Ромновэ, для молитвы.... Народъ хочетъ перебить твоихъ монаховъ, а Поята ищетъ твоей смерти. Криве-Кривейто сказалъ ей, что ты любишь князя Ягайлу, а онъ обѣщался жениться на ней. Мщеніе ее велико, отъ народной волны не устоятъ стѣны твоего дома, и ты будешъ добычей Пояты, не теряй времени, спѣши въ великокняжескій замокъ, тамъ ты найдешь себѣ защиту за крѣпкими стѣнами и дружиной княжеской....

— Она безумная, сказала Анна, обращаясь къ правителю замка.

— О, нѣтъ, боярыня! я не безумная, я хочу спасти тебя отъ вѣрной смерти, но ты отвергаешь мою службу.... Ты взгляни боя-

рыня изъ окна на Лысую гору, сказала Ригальда, подходя къ одному изъ оконъ и показывая рукою по направленію къ горамъ.— Вонь видишь: льняная жертва кончена, народъ бѣжитъ съ горы и бѣжитъ съ тѣмъ, что бы напасть на твой домъ, его ведетъ сюда Поята и переодѣтые войделоты.... Не безумная я, боярыня, не ради корысти прибѣжала къ тебѣ съ лихою вѣстью, но я сама.... ненавижу нашихъ боговъ и Криве-Кривейто, за твое же спасеніе, когда вернется твой мужъ изъ Москвы, отдай мнѣ голову Поята, говорила Ригальда, вопросительно смотря на Анну.

Но Анна не отвѣчая Ригальдѣ, обратилась къ правителю.

— Ты слышишь? сказала она: ступай, поставь рабовъ на стѣны и въ воротахъ.... Если то правда, что говоритъ войделотка, то пусть закипитъ бой..... Самопаловъ, копій и мечей довольно у насъ... Ступай и безъ всякой пощады бей поганыхъ кривичей, но что бы ни одинъ изъ нихъ не переступилъ къ намъ за стѣну живой.

— Не пропущу ни кого, развѣ только черезъ трупъ мой перешагнутъ, — отвѣчалъ правитель дома поспѣшно выходя изъ комнаты.

По уходѣ правителя, Ригальда снова подбѣжала къ окну, а Анна, въ короткихъ словахъ, на латинскомъ языкѣ, передала монахамъ все, что говорила Ригальда. Францискане оказались не такъ самоувѣренны, какъ Анна Гаштольдъ и предлагали ей, вмѣстѣ съ ними, бѣжать черезъ *Лоточекъ* *) въ княжескій замокъ, но гордая Анна съ презрѣніемъ отвергла это предложеніе.

— Слуги Христовы не должны быть малодушными, съ нами Христосъ и Матерь Божія, такъ чего же намъ бояться? торжественно сказала она. Впрочемъ путь для васъ открытъ, можете бѣжать, я васъ не удерживаю,—добавила она, указывая на дверь.

Тонъ, которымъ сказала Анна послѣднюю фразу заставилъ монаховъ остаться на своихъ мѣстахъ, не смотря на искренное желаніе бѣжать.

Ригальда снова принялась упрашивать Анну Гаштольдъ спасать себя отъ вѣрной смерти, но всѣ прозьбы остались тщетны. Анна понадѣялась на своихъ холопей и на присылку помощи изъ княжескаго замка.

Но вотъ на улицѣ послышались крики народа.

---

*) Русская улица въ Вильнѣ.

У воротъ дома Гаштольда сидѣли два стражника литовцы и вели между собой разговоръ.

— Въ праздникъ Вайжганта всегда бываетъ тепло, говорилъ одинъ.

— Да... То то я думаю народу—то собралось на великихъ жертвахъ,—говорилъ другой.

— Отъ насъ ни кто не пошелъ?

— Нѣтъ ни кто... Ни кого сама не пустила...

— А развѣ просились?

Просились... Вы, говоритъ, теперь стали христіанами черезъ меня, узнали свѣтъ огня небеснаго, не такого, какой исходитъ отъ Знича, и ходить вамъ въ Ромновэ не зачѣмъ... Вмѣсто Перкунуса, говоритъ, у васъ теперь есть Христосъ.

— Окрестили насъ силою въ латинство, до еще хотятъ, что бы мы и въ Ромновэ не ходили!.. Дождется она, что мы всѣ сбѣжимъ отъ нея...

— Придется сбѣжать, а не то вмѣстѣ съ нею и насъ побьютъ когда нибудь...

Едва только успѣлъ онъ кончить послѣднее слово, какъ къ воротамъ, запыхавшись, прибѣжала вайделотка; это была Ригальда.

— Пустите меня... скорѣй... скорѣй! закричала она, стуча въ ворота и озираясь назадъ.

Стражники изумились.

— Куда тебя пустить, къ кому? спросилъ одинъ.

— Къ вашей госпожѣ, къ женѣ Гаштольда, поспѣшно отвѣчала она.

— Какое дѣло ты имѣешь до нашей госпожи? спросилъ другой.

— Я все ей скажу сама, вы рабы ея и должны спасать свою госпожу, ее хотятъ убить, вся толпа народа, собравшагося на праздникъ Вайжеганта, бѣжитъ сюда... Спѣшите защищаться, меня же скорѣе пропустите къ вашей боярынѣ...

Стражники отворили калитку, Ригальда хотѣла уже пройдти.

— Постой, сказалъ одинъ, загораживая ей дорогу: ты не креститься ли хочешь?

— Тебя не окрестятъ... лучше вернись назадъ, а то выдадутъ Криве-Кривейту, сказалъ второй.

— Не креститься я желаю, а спасти отъ смерти вашу госпо-

жу... Пропустите меня, приказываю вамъ именемъ вашей госпожи, закричала Ригальда, въ иступленіи.

Стражники раступились.

— Ступай и спроси у внутреннихъ сторожевыхъ, чтобы они провели тебя къ правителю дома Гаштольда; помимо его ты не попадешь къ госпожѣ нашей, сказалъ одинъ.

Но Ригальда не слыхала этихъ словъ, какъ серна она бросилась въ калитку и черезъ нѣсколько минутъ была введена правителемъ дома Гаштольда, въ покой Анны, супруги Гаштольдовой.

Большая длинная комната съ высокими рѣзными окнами отличалась вкусомъ убранства. Стѣны были обиты голубымъ бархатомъ, потолокъ былъ расписанъ рыцарскими подвигами, мебель была рѣзная, позолоченная, полъ былъ устланъ коврами.

Въ этотъ день Анна чувствовала себя не совсѣмъ здоровой и потому не ходила въ костелъ, а просила францисканов къ себѣ въ покои, для молитвы и бесѣды.

Не задолго передъ обѣдомъ, послѣ долгихъ молитвъ, она бесѣдовала въ обществѣ семи францисканов, въ голубой комнатѣ, нами сейчасъ описанной. Всѣхъ монаховъ францисканов въ домѣ Гаштольда находилось 14, но изъ нихъ въ этотъ день одна половина занималась послѣ костельной службы съ дворней Гаштольда, приводя ее изъ язычества въ католицизмъ, другая же половина, какъ читатель видѣлъ, была съ Анной Гаштольдовой. О ней я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Во время войны литовцевъ съ поляками, Анна, носившая фамилію Бучацкихъ, вмѣстѣ съ другими своими родичами, попалась къ литовцамъ въ плѣнъ и и отведена была въ Вильну. Здѣсь она приглянулась литовскому боярину Гаштольду, любимцу в. к. Ольгерда. Онъ предложилъ ей свободу, но съ тѣмъ, что бъ она была женой его; Анна отвергла эту свободу и сказала, что выйдетъ за него замужъ тогда лишь, когда онъ (Гаштольдъ) оставитъ язычество, приметъ крещеніе по латинскому обряду и выпишетъ для этого изъ Кракова 14 монаховъ францисканов. Рѣдкая красота Анны, сдѣлала изъ заклятаго язычника фанатика католика. Воля ея была исполнена въ точности, не смотря на увѣщеванія знаменитыхъ язычниковъ и угрозы Криве-Кривейты.

Большимъ умомъ и обоятельной красотой изъ Петра Гаштольда она сдѣлала своего раба.

ные, то красные круги и какъ снопъ она рухнула на трупъ своей жертвы.

Домъ Гаштольда былъ разграбленъ, костелъ уничтоженъ до основанія, погреба, гдѣ хранились во множествѣ аллусъ, медъ, романея и малвазія, были отбиты, народъ началъ упиваться и въ хмѣлю еще болѣе неистовствовалъ. Тѣла мертвыхъ монаховъ таскались по городу и потомъ привязывались къ бревнамъ и пускались внизъ по Виліи.

В. к. Андрей Ольгердовичъ, съ нѣсколькими дружинниками и тіуномъ, бросился на помощь къ Аннѣ Гаштольдъ, но помощь эта была уже не нужна. Ему пришлось только вырвать смертный трупъ Анны изъ рукъ разъяреннаго народа и, не давъ его обезобразить, отвезти въ замокъ, за крѣпкимъ карауломъ. Тіунъ,—помошникъ Андрея Ольгердовича, съ остальными дружинниками разогналъ толпу съ мѣста убійствъ.

Бѣжавшіе монахи францискане черезъ Лоточекъ и Зарѣчье въ Антокольскіе горы, намѣревались пройдти оврагомъ, пролегающимъ между Лысой горой и Гедиминовой могилой къ рѣкѣ Вилейкѣ, что бы переплывъ ее искать спасенія отъ народной злобы въ стѣнахъ великокняжескаго замка. Но, къ несчастію, ихъ замѣтили переодѣтые войделоты и черезъ нѣсколько минутъ они были окружены большой толпой народа...... Извѣстіе объ этомъ снова привлекло горожанъ со всѣхъ концовъ Вильны. Народъ большими и малыми массами бѣжалъ на Лысую гору, куда привели пойманныхъ францискановъ. Язычники спѣшили снова насладиться муками монаховъ, а русскіе христіане бѣжали за тѣмъ, чтобы удовлетворить своему любопытству. Ни въ убійствахъ, ни въ защитѣ монаховъ они не принимали ни какого участія. На монаховъ францискановъ они смотрѣли только какъ на еретиковъ, а на язычниковъ какъ на служителей сатаны. Въ этомъ фактѣ они усматривали волю Божію.

— Еретикамъ туда и дорога, говорили русскіе, считая народную злобу противъ монаховъ карой Божіей.

Начинало темнѣть. Лысая и сосѣднія съ ней горы были усѣяны народомъ; пойманныхъ францискановъ били, таскали по землѣ, ругались и плевали имъ въ лицо..... Въ страшномъ шумѣ тамъ и сямъ слышались вопли и стоны жертвъ народной мести.

Когда они начали терять сознаніе ихъ сбрасывали съ Волчьей

горы *) въ Вилейку. Трупы одинъ за другимъ катились въ низъ въ рѣку, по крутому спуску Волчьей горы, увлекая съ собою камни и комки замерзлой глины.

На мѣсто происшествія явился для спасенія францисканъ, архимандритъ Давидъ съ нѣсколькими латниками и началъ увѣщевать народъ; но послѣдній и слышать ничего не хотѣлъ.

— Тебя и вѣру твою мы не трогаемъ и ты насъ не трогай, говорили ему нѣкоторые изъ толпы.

Переодѣтые войделоты воспользовались присутствіемъ архимандрита Давида, они успѣли вооружить противъ него нѣсколькихъ закоренѣлыхъ язычниковъ, которые съ ругательствомъ и угрозами начали подступать къ нему.

Русскіе, бывшіе на горахъ, видя своего пастыря на краю гибели, окружили его плотною живою стѣною и на угрозы язычниковъ отвѣчали своими угрозами. Изъ толпы кривичей полѣтѣли въ христіанъ камни; латники пришедшіе съ архимандритомъ Давидомъ вынули мечи изъ ноженъ и намѣревались броситься на язычниковъ, но архимандритъ Давидъ запретилъ имъ сдѣлать это.

Къ этому времени подоспѣлъ Андрей Ольгердовичъ съ дружинниками и тіуномъ.

Сборище это снова было разогнано силою.

Андрею Ольгердовичу и тутъ не удалось спасти монаховъ францисканowъ, до его прибытія всѣ они были сброшены въ Вилейку.

Такъ погибли въ Литвѣ первые католическіе миссіонеры.

Возвратясь въ замокъ, Андрей Ольгердовичъ засталъ у своей мачихи Іуліаніи Александровны вайделотку, желавшую принять христіанство по греческому закону.

— Будь ты Андрей крестнымъ, сказала Іуліанія Александровна.

— Какъ повелишь, княгиня матушка, такъ и будетъ, отвѣчалъ Андрей Ольгердовичъ.—Какъ твое языческое имя? обратился онъ къ войделоткѣ.

— Ригальда, отвѣчала она.

---

*) Съ Бекешевой.

— Почти со всѣхъ сторонъ, домъ окруженъ народомъ, закричала Ригальда, смотря въ окно. Боярыня есть еще время, бѣжимъ черезъ садъ на Лоточекъ, съ той стороны еще нѣтъ народа.

Спѣши боярыня, ты слышишь ревъ толпы? это ревъ не людей, а разъяренныхъ звѣрей, страшись ихъ, говорила Ригальда.

Анна Гаштольдъ покачала отрицательно головою и, упавъ передъ распятіемъ, начала молиться; ей послѣдовали монахи, а за ними служанки; воцарилось гробовое молчаніе, нарушаемое страшнымъ крикомъ язычниковъ внѣ дома.

— Боярыня!.. боярыня! съ испугомъ крикнула Ригальда: ворота сломаны, твои рабы побѣжали и небольшое число осталось съ твоимъ правителемъ, онъ отбивается.... Народъ черной тучей несется въ ворота, а вонъ и Поята.... Твои холопы присоединились къ народу и вмѣстѣ съ нимъ идутъ на твоего правителя, онъ одинъ остался... его окружаютъ...

Въ комнатѣ поднялась суматоха. Францискане забѣгали по комнатѣ, служанки подняли страшный вопль, только Анна, какъ вкопанная, стояла передъ распятіемъ и, молча, молилась Христу.

— Боярыня! Христіанскій Богъ прислалъ меня на твое спасеніе,—сказала Ригальда, увлекая Анну Гаштольдъ въ другую комнату: надѣвай, боярыня, скорѣе мой нарядъ, онъ спасетъ тебя отъ смерти, въ немъ тебя примутъ за вайделотку, и ты можешь пробраться до замка княжескаго.... Я же надѣну твой нарядъ и умру, если придется за тебя, только помни боярыня, когда твой мужъ вернется изъ похода, вели ему принести на мою могилу мертвую голову Пояты,—говорила Ригальда, намѣреваясь снять съ себя костюмъ войделотки.

— Благодарю тебя за лихую вѣсть, но помощи твоей я не приму; помощникъ мой Христосъ! Пусть будетъ то, что Ему угодно, сказала Анна Гаштольдъ, вырываясь отъ Ригальды и снова опускаясь передъ распятіемъ. При этомъ она горько заплакала и въ рыданіяхъ громко взывала къ Царю небесному.

Въ это время въ комнату вбѣжалъ весь въ крови израненный правитель дома Гаштольда.

— Боярыня! мы погибли, закричалъ онъ и, застонавъ, упалъ замертво на полъ.

По пятамъ правителя ворвалась толпа народа, съ оружіемъ въ рукахъ и съ крикомъ: смерть латинцамъ, смерть Аннѣ Гаштольдовой!

Толпой этой предводительствовала Поята. Началась страшная свалка.

Народъ съ ожесточеніемъ бросился на францисканов и через нѣсколько минутъ пять изъ нихъ уже были мертвыми и плавали въ лужахъ собственной крови. Двухъ же монаховъ повели на торговую площадь и тамъ отрубили имъ головы.

Народъ раздѣлился на нѣсколько частей: одни ушли на площадь, съ двумя связанными монахами, другіе искали остальныхъ семи францисканов,—которые успѣли во время черезъ Лоточекъ бѣжать въ Антокольскіе горы; третьи занимались разрушеніемъ костела; четвертые продолжали неистовствовать въ покояхъ Анны Гаштольдовой, ругаясь надъ женщинами—служанками Анны....

Но посмотримъ что дѣлала Поята во время свалки. Какъ только она вошла въ покои Гаштольда, какъ бѣглый взоръ я началъ искать красавицу Анну; но въ толпѣ служанокъ она не енаходила ни одной красавицы.

— А вонъ сама волчица, закричалъ одинъ изъ толпы, показывая рукою на молящуюся Анну Бучацкую. Это былъ одинъ изъ холопей Гаштольда.

Услышавъ это, Поята сдѣлала прыжокъ къ Аннѣ и взглянувъ ей въ лицо задрожала отъ злости: она лучше меня, мелькнула мысль молніей въ головѣ ея, и это еще болѣе подтвердило клевету Криве-Кривейты, что Ягайло любитъ Анну болѣе чѣмъ ее....

Блеснулъ ножъ въ рукахъ Поятьі и Анна была поражена имъ въ самое сердце.

— Іисусе Христе! прими мою душу!!.... вырвалось у Анна Гаштольдъ, вмѣстѣ съ предсмертной агоніей.

Поята, увидѣвъ кровь на ножѣ, затрепѣтала всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ. Отворотившись отъ трупа своей жертвы, она встрѣтила неподвижный взглядъ Ригальды. Взглядъ этотъ былъ полонъ злобы. Поята хотѣла что то сказать ей, но Ригальда спряталась въ толпу.

Въ комнатѣ началъ распространяться одуряющій запахъ человѣческой крови. Видъ мертвыхъ тѣлъ плавающихъ въ крови, шумъ и крики народа, вопли женщинъ,—все это заставило Пояту искать скорѣе выхода.... Ей начали измѣнять силы. Увидѣвъ распятіе, у подножія котораго лежала мертвая Анна Гаштольдъ,—Поята окончательно смутилась; въ глазахъ ея начали бѣгать то зеле-

дой онъ не жилъ, не живетъ и не будетъ жить. Князь Михаилъ тверской самъ всему причиной, его и народъ считаетъ за измѣнника, такъ пусть же Богъ порѣшитъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.

Ольгердъ, выслушавъ посла Димитріева, взялъ кремень и огниво, зажегъ губку и отдалъ все это московскому посланцу.

— Отдай своему князю, сказалъ Ольгердъ, пусть возгорится война. По твоимъ пятамъ я съ дружиной своей буду въ Кремлѣ.

Посланецъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ поскакали къ Москвѣ Ольгердъ, Кейстутъ и всѣ протіе князья, за исключеніемъ Ягайлы. Онъ остался, по желанію воеводою надъ обозомъ, который расположенъ былъ въ селѣ Никольскомъ.

Объѣхавъ обозъ и отдавъ кое-какія приказанія, онъ возвратился въ домъ священника, который сдѣлался главной квартирой Ольгерда. Нѣсколько ратниковъ хлопотали у печки и готовили на лавкахъ медвѣжьи лежанья.

— Войдыйло, сказалъ Ягайло своему конюшему,—выгонь всѣхъ вонъ изъ свѣтлицы, я молиться хочу.

Войдыйло скоро исполнилъ приказаніе своего князя и остался съ нимъ одинъ.

Ягайло засвѣтилъ нѣсколько свѣчекъ передъ своимъ походнымъ образомъ и сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ... Но молитва бѣжала его; въ эту минуту мысль его неслась въ Вильну, въ капище Перкунуса, къ своей сердечной войделоткѣ Поятѣ. Ягайлоересталъ молиться, потушилъ свѣчки и легъ на лавку. Его не томило ожиданіе развязки боя, онъ не боялся за отца, онъ даже забылъ, что находится подъ Москвою. Остановивъ свой взглядъ на бревенчатомъ потолкѣ, онъ думалъ, какъ бы открыть свою сердечную тайну матери своей Іуліаніи. Разлука сдѣлала свое дѣло. Ягайло началъ скучать по Поятѣ, она завладѣла его досугомъ и дѣломъ. Онъ по цѣлымъ днямъ не говорилъ ни съ кѣмъ. Иногда онъ до того погружался въ недалекое прошлое, что ловилъ и обнималъ пустой воздухъ руками, произносилъ страстнымъ шепотомъ имя Пояты и цѣловалъ пустое пространство. Это случалось нѣсколько разъ даже при Витовтѣ, который смѣялся надъ увлеченіемъ Ягайлы. Послѣдній боялся ему признаться въ своей любви къ вайделоткѣ.

Войдыйло, слѣдя за выраженіемъ лица своего князя, уловилъ

минуту, когда по щекамъ и губамъ Ягайлы ползала добродушная улыбка.

— Князь Яковъ! обратился онъ къ Ягайлѣ.

Ягайло, услышавъ свое имя, вздрогнулъ, мечты исчезли, улыбка тоже.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ Войдыйлу, какимъ то скучнымъ тономъ.

— Можно тебѣ открыть князь великую тайну, которую мнѣ сказали боги? говорилъ Войдыйло, смотря въ лицо Ягайлы.

— Говори.

— Я давно хотѣлъ тебѣ, князь, сказать, да не зналъ какъ... Все боялся чего то... А теперь дѣло ратное, никто завтрашняго дня не знаетъ, такъ лучше открыться передъ тобою... Когда мы съ тобою, князь, были во второй разъ въ храмѣ Перкунуса,—помнишь еще меня войделоткой нарядилъ ты и оставилъ одного у Знича?

— Помню, ну что же?...

— Тогда я сталъ топлива въ Зничь подкладывать, ну, а богъ Перкунусъ въ это время обозвалъ меня именемъ, да и взялъ съ меня клятву, что я исполню то, что онъ скажетъ...

— Какой Перкунусъ? перебилъ Ягайло, удивленно смотря на своего конюшаго.

— Да богъ Перкунусъ, который стоитъ на жертвенникѣ въ Ромновэ.

— Ты врешь Войдыйло... Перкунусъ чурбанъ и говорить ничего не можетъ, отвѣчалъ Ягайло, которому многое сокровенное въ языческомъ мірѣ было извѣстно.

— Князь Яковъ! передъ тобою я ни въ какомъ обманѣ неповиненъ, такъ тебѣ негоже корить меня враньемъ... Онъ говорилъ со мною, я готовъ клятву дать тебѣ...

— Ну такъ въ него кто нибудь забился; подсматривали за нами...

— Ни кто не забился, я самъ видѣлъ, какъ губы его шевелились, какъ зубы стучали другъ о дружку и какъ свѣтились огни въ глазахъ...

Ягайло при этомъ вспомнилъ, что во время свиданія съ Поятой, во второй разъ и ему подобное показалось, поэтому онъ согласился съ Войдыйломъ.

ГЛАВА 12-я.

Ольгердъ подъ Москвою.

Великій князь Ольгердъ, имѣлъ обыкновеніе всегда и отъ всѣхъ скрывать настоящую цѣль ратныхъ походовъ, чтобы тѣмъ вводить въ заблужденіе своихъ враговъ. Такъ было и теперь,—исключая немногихъ именитыхъ родственниковъ, никто не зналъ, что полки литовскіе направленные противъ Москвы. Къ этимъ немногимъ принадлежалъ Ягайло, которому, какъ тайну сообщила, цѣль похода мать его княгиня Уліянія Александровна, а Ягайло передалъ Поятѣ, послѣдняя же, въ порывѣ откровенности, разсказала все Ригальдѣ, умѣвшей ловко заискать довѣренность Пояты. Для того, чтобы знать всѣ подробности любовной связи ея съ Ягайломъ и потомъ передать все это криве-кривейту, что она уже и сдѣлала, какъ видѣлъ читатель. Чрезъ Ригальду же узналъ криве-кртвейто о московскомъ походѣ. Но самъ Ольгердъ скрывалъ цѣль похода даже отъ своихъ воеводъ, присутствіе тверскаго князя Михаила Александровича и второе его бѣгство въ Литву заставляли многихъ догадываться, что идутъ на Москву, на князя Димитрія Іоанновича; хотя Кейстутъ увѣрялъ, что цѣль ихъ похода Псковъ и Новгородъ.

Только въ Смоленскѣ,—гдѣ къ нему присоединился со своей дружиной князь смоленскій Святославъ настоящая цѣль похода выяснилась.

Изъ Смоленска соединенныя дружины Ольгерда очень быстро вторглись во владѣнія князя московскаго Димитрія и подошли къ Волоку-Ламскому, выжгли посадъ, окрестности и три дня дѣлали безуспѣшные приступы. Чтобы не потерять времени, Ольгердъ, не взявъ города Волока-Ламскаго, поспѣшилъ къ Москвѣ, чтобы застать непріятеля врасплохъ. Но надежды его не сбылись, потому что вѣсть о вторичномъ нашествіи Литвы далеко опередила Ольгерда.

Великій князь Димитрій заперся въ кремлѣ московскомъ и ждалъ Ольгерда.

6 декабря, въ день святителя Николая, между заутреней и обѣдней москвичи увидѣли литовскую рать, которая со всѣхъ сторонъ начала окружать городъ.

Запылали посады и весь посадскій народъ бросился въ кремль.

День былъ морозный, по всему небу отъ солнца расходились свѣтлые столбы, которые, волнуясь и двигаясь, исчезали въ зенитѣ Москвы. Москвичи сочли это явленіе для себя хорошимъ предзнамѣнованіемъ, а литовцы для себя.

Разнотонный звонъ московскихъ колоколовъ долеталъ до соединенныхъ дружинъ Ольгерда. Русскіе, вмѣсто приготовленія къ осадѣ, чего требовали отъ нихъ воеводы, начали молиться на сорокъ—сороковъ московскихъ церквей, ссылаясь на великій праздникъ.

Сами великіе князья: Михаилъ Александровичъ, Ягайло Ольгердовичъ, Святославъ смоленскій и множество простыхъ князей, а также бояръ, слушали обѣдню въ подъ московномъ селѣ Никольскомъ, которую служилъ священникъ, прибывшій съ княземъ смоленскимъ. Мѣстный же священникъ, со своимъ причетомъ и паствой, не смотря на сѣльскій престольный праздникъ, заслышавъ о приближеніи литовцевъ, побросавъ все, бѣжали въ Кремль.

Ольгердъ, Кейстутъ и Витовтъ въ это время въ опустѣломъ домѣ священника занимались планомъ приступа. Послѣ обѣдни къ нимъ присоединились всѣ прочіе князья.

Въ полдень передъ Ольгердомъ стоялъ одинъ бояринъ, котораго онъ посылалъ для переговоровъ къ московскому князю, съ такою рѣчью.

— Скажи князю Димитрію, что онъ вѣрно забылъ, какъ въ глазахъ его я переломилъ копье о стѣны московскія *); теперь я второй разъ пришолъ поцѣловаться съ нимъ щитомъ своимъ, и мечемъ заставить исполнить его свое обѣщаніе. Пусть даромъ не проливаетъ крови своихъ народовъ, а кончитъ съ княземъ Михаиломъ по правдѣ. Пусть возвратитъ все забранное у тверскаго князя и изъ его удѣловъ выведетъ воеводъ своихъ, тогда я уйду со своей дружиной домой въ Литву; а если не захочетъ послушать моихъ словъ, то я оружіемъ посажу тверскаго князя Михаила на московскомъ княженіи,—сказалъ Ольгердъ.

Бояринъ, выслушавъ это, отправился въ Москву и черезъ нѣсколько времени возвратился съ посланцомъ отъ князя Димитрія, который подавая Ольгерду кремень, огниво и трутъ сказалъ.

— Великій князь Димитрій велѣлъ отвѣчать тебѣ такъ: крив-

*) Во время перваго нашествія Ольгерда на Москву.

Андрѣевича, а съ другой совѣтовалъ начать приступъ къ Москвѣ. Но Ольгердъ на это не согласился.

— Ты, князь Михаилъ, въ ратномъ дѣлѣ несовѣдущъ, а я состарѣлся въ бояхъ. Если послушать тебя, то значитъ идти на явную смерть, а погибели своей дружинѣ я не хочу. Зачѣмъ даромъ лить кровь людскую?... Ты, шуринъ, какъ тонувщій хватаешься за соломенку, но пора тебѣ, князь, знать, что соломенка не спасаетъ утопающаго, а сама гибнетъ съ тѣмъ, кто схватился за нее. Между двумя огнями кататься плохо, какъ разъ голову оставишь, говорилъ Ольгердъ своему шурину: дозволь мнѣ распорядиться, какъ я мыслю, добавилъ онъ внушительнымъ тономъ.

Между тѣмъ еще до совѣщанія какъ только узналъ о прибытіи помощи къ москвичамъ, Ольгердъ отдалъ приказаніе стянуть большую половину литовскаго войска къ селу Никольскому и подѣлать засѣки, смоленскимъ же и витебскимъ полкамъ днемъ занять *Поклонную гору,* а ночью сняться и обойдти съ правой стороны полки Владиміра Андреевича, что бы къ разсвѣту будущаго дня быть въ тылу ихъ. Послѣднее приказаніе было неудобоисполнимо по своей кратковременности: для такого маневра требовалось не менѣе двухъ дней, потому во первыхъ что Владиміръ Андреевичъ былъ не близко отъ *Поклонной* горы, а, во вторыхъ построилъ два крыла лѣвое и правое на большомъ растояніи, къ тому же занялъ высоты и всѣ выгодныя позиціи. Впрочемъ Ольгердъ самъ болѣе всѣхъ видѣлъ невозможность исполненія этого приказанія, потому то онъ и распорядился такъ, что бы перебѣжчики сообщили объ этомъ планѣ московскимъ союзникамъ, а тѣ, разумѣется, усилили бы правое свое крыло. Пользуясь этимъ Ольгердъ хотѣлъ неожиданно напасть на лѣвое крыло.

Послѣ военнаго совѣщанія, которое было только для формы, и на которомъ порѣшили искать мира и по возможности обороняться, если бы случилось нападеніе со стороны москвичей и ихъ союзниковъ,—послано было въ Москву нѣсколько старшихъ бояръ русскихъ, которые, явившись къ князю Димитрію, сказали:

— Великій князь Димитрій Ивановичъ! нашъ великій князь Ольгердъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ остановился въ подгородномъ твоемъ селѣ Никольскомъ, гдѣ нынче праздникъ престольный, а попа въ немъ нѣту, убѣжалъ куда то. Будь милостивъ, великій князь Димитрій, отпусти попа молебенъ отслужить угод-

нику Николаю. Потому князь Ольгердъ Гедиминовичъ самъ есть христіанинъ, и въ такой большой праздникъ не хочетъ проливать людской крови, но, желаетъ помолиться и попраздновать. Да и владыку московскаго хотѣлось бы ему видѣть, потому что онъ владыкой и у насъ на Литвѣ; благословѣнія его удостоиться, да словъ святыхъ послушать.

Вел. князь Димитрій, выслушавъ это, замѣтилъ посольству Ольгердову, что прежде полки литовскіе ходили съ своими попами, а теперь отъ чего не привели?

— Есть съ нами два попа, да обоимъ недужится что то,—отвѣчали бояре Ольгердовы.

— У меня для Ольгерда поповъ нѣту, отвѣчалъ Димитрій, а владыку ступайте сами просите, если поѣдетъ ладно, не поѣдетъ не прогнѣвайтесь: его воля, добавилъ онъ, отпуская посольство.

— Отправившись къ митрополиту Алексію (св. Алексѣю) *), бояре убѣдительно молили владыку, отправиться въ село Никольское благословить Ольгерда.

Митрополитъ Алексій внялъ ихъ просьбѣ и вслѣдъ за ними поѣхалъ въ станъ литовскій.

Извѣстившись отъ посольства, что идетъ митрополитъ, Ольгердъ и всѣ князья отправились къ нему на встрѣчу.

Первымъ къ благословѣнію подошелъ Ольгердъ, за нимъ Ягайло, послѣ Кейстутъ, Святославъ смоленскій и наконецъ Михаилъ тверской.

Витовтъ не ходилъ подъ благословѣніе, подобно своему отцу Кейстуту, который въ этихъ случаяхъ подчинялся обычаямъ христіанскимъ и никогда не смѣялся надъ той вѣрой, которую исповѣдывала мать его. Витовтъ же былъ сынъ заклятой язычницы, и къ тому же вайделотки храма Прауримы въ старой Полунги, на берегу Балтійскаго моря, гдѣ увидѣлъ ее Кейстутъ и откуда похитилъ.

При въѣздѣ владыки въ село Никольское, на колокольнѣ русскіе трезвонили во всѣ колокола.

Сперва митрополитъ Алексій заѣхалъ въ церковь Никольскую, на порогѣ которой встрѣтили его священники полковъ витебскихъ

---

*) Мощи святаго митрополита Алексія покоятся въ Москвѣ въ донскомъ монастырѣ.

— Что же тебѣ говорилъ Перкунусъ? спросилъ князь у своего конюха.

— Да вотъ что, слушай: скажи—говоритъ своему князю Ягайлѣ, что у него есть сынъ, который находится у колдуньи въ Трокахъ, пусть онъ навѣститъ его и узнаетъ о его судьбѣ злосчастной... Колдунья эта живетъ въ *мертвомъ* оврагѣ, гдѣ стоитъ одинъ одинешененъ дубъ кудрявый, на немъ гнѣздо агито, подъ дубомъ черный воронъ, а вокругъ дуба сплошный кустарникъ по всему оврагу. Когда онъ услышитъ, что его кто то зоветъ,— пусть скажетъ свое имя и колдунья выйдетъ къ нему... Вотъ что сказалъ мнѣ богъ Перкунусъ, я слово отъ слова запомнилъ...

— А отъ кого этотъ сынъ, тебѣ боги не говорили? спросилъ насмѣшливо Ягайло.

— Нѣтъ.

— Я безъ боговъ зналъ что у меня есть сынъ; только не зналъ гдѣ онъ, ну вотъ теперь отыскался. Это отъ Ригальды, она вайделоткой въ виленскомъ храмѣ Перкунуса, она должно быть и забралась въ его чурбанъ... Надоѣла она мнѣ своими происками,— заключилъ Ягайло, поворачиваясь съ боку на бокъ.

Въ это время на улицѣ послышался конскій топотъ и ржанье лошади, а черезъ минуту вбѣжалъ, запыхавшись, Витовтъ Кейстутьевичъ.

— Спасайся, Ягайло! Мы разбиты въ пухъ,—закричалъ онъ: мой отецъ попалъ въ плѣнъ, а твой съ небольшою дружиной откинутъ за Москву рѣку, село Никольское окружено со всѣхъ сторонъ, москвичи не даютъ пощады... Бѣги, Ягайло, бѣги!!...

Едва только онъ кончилъ, какъ Ягайло быстро вскочилъ съ лавки и опрометью бросился къ двери, за нимъ побѣжалъ Войдыйло. Въ дверяхъ они споткнулись другъ о друга и оба грохнулись на полъ.

Витовтъ разразился хохотомъ.

Но Ягайло и Войдыйло, не смотря на веселый хохотъ Витовта, встали на ноги и снова бросились бѣжать.

— Постой, Ягайло, постой!... Я пошутилъ,—кричалъ Витовтъ. Но герой нашъ не слыхалъ этихъ словъ и только тогда узналъ, что это шутка, когда у воротъ избы сбилъ съ ногъ своего отца Ольгерда и наткнулся на дядю Кейстута.

— Что съ тобою, Яковъ, куда ты бѣжишь? спросилъ его Оль-

гердъ. Ягайло, покраснѣвъ, разсказалъ отцу все, что говорилъ Витовтъ.

— А ты, вмѣсто того что бы приготовиться къ защитѣ, бѣжишь какъ баба не накрывъ головы шлемомъ, не опоясавшись мѣчемъ!... Плохой ты воинъ,—замѣтилъ Ольгердъ наставнительнымъ тономъ сыну, входя въ избу; забавникъ ты, Витовтъ! добавилъ онъ же, обращаясь къ племяннику, и грозясь на него пальцомъ.

Пристыженный Ягайло, подойдя къ Витовту, грозно посмотрѣлъ на него.

— Ну не сердись Ягайло, не хмурь бровей... За шутку не сердятся, не злятся,—говорилъ Витовтъ своему двоюродному брату, будешь прятаться отъ кровавой сѣчи, такъ трусомъ сдѣлаешься; добавилъ онъ, обнимая Ягайлу.

Братья помирились, Ягайло самъ началъ смѣяться надъ собою.

Небольшое помѣщеніе въ избѣ никольскаго священника, въ короткое время наполнилось удѣльными князьями. Тутъ были: Ольгердъ и Кейстутъ Гедиминовичи, съ своими сыновьями Ягайломъ и Витовтомъ, были князья: тверской Михаилъ Александровичъ (шуринъ Ольгерда) и Святославъ смоленскій.

Возвратились они назадъ вотъ по какимъ причинамъ: на половинѣ пути отъ села Никольского къ Москвѣ, ихъ встрѣтилъ гонецъ отъ сторожевыхъ заднихъ дружинъ, которыми командовалъ литовскій бояринъ Петръ Гаштольдъ—и сказалъ Ольгерду слѣдующее:

— Воевода вашъ, бояринъ Петръ Гаштольдъ бьетъ тебѣ челомъ и велитъ сказать, что двоюродный братъ московскаго князя Владиміръ Андрѣевичъ пришелъ изъ Перемышля съ великою ратью на помощь Димитрію и сталъ позади нашихъ войскъ. Съ нимъ прибыли князь Владиміръ Дмитріевичъ пронскій и полки рязанскіе, подъ стягомъ Олега Ивановича рязанскаго...»

Это извѣстіе какъ громомъ поразило литовскихъ князей и ихъ сообщниковъ. Скоро они повернули коней своихъ назадъ и возвратились какъ видѣлъ читатель, въ село Никольское для совѣщанія, на которомъ тверскій князь Михаилъ, виновникъ похода, просилъ своего шурина отдать въ его распоряженіе одну половину дружины, съ которой онъ обѣщался разгромить полки Владиміра

и смоленскихъ и множество бояръ, а также и простыхъ людей русскихъ.

Послѣ молебствія, владыка отправился въ походное помѣщеніе Ольгерда, предварительно укоривъ его за обманъ относительно поповъ. Но Ольгердъ началъ увѣрять митрополита, что въ этомъ обманѣ виноватъ не онъ, а бояре, не такъ передавшіе Димитрію желаніе Ольгерда, которое состояло, по его словамъ, единственно въ томъ, чтобы лично получить благословеніе отъ митрополита Алексія и попросить его прислать поповъ въ Литву, а не въ Никольское.

Отъ яствъ и разныхъ питій митрополитъ отказался, онъ занялся пищей духовной.

Долго онъ бесѣдовалъ о дѣлахъ православія въ Литвѣ съ владѣтелемъ ея, радовался, что на мѣстѣ языческихъ божницъ воздвигаются церкви и благодарилъ за это Ольгерда, называя его княземъ Андреемъ, первыхъ хритіанскимъ егоименемъ, которымъ нарекла его мать княгиня Ольга.

Митрополитъ совѣтовалъ Ольгерду совсѣмъ покончить съ язычествомъ, изгнать криве-кривейто изъ Вильны и объявить себя христіаниномъ передъ всѣмъ народомъ.

— Отецъ мой! говорилъ на это Ольгердъ: кривичи и безъ того знаютъ, что я христіанинъ; домъ мой полонъ христіанъ обоего пола греческаго закона; при домѣ есть церковь; княгиня Іульянія жена моя имѣетъ при себѣ множество боярынь и прислужницъ, которыя ежедневно благолѣпнымъ пѣніемъ славятъ Бога, дѣти мои, какъ сыновья такъ и дочери, всѣ христіане; мой первый совѣтникъ и утѣшитель—архимандритъ Давидъ. Такъ обо мнѣ печалиться нечего тебѣ, святой отецъ... Ты самъ былъ въ Вильнѣ, и освящалъ церковь Успенія Пресвятыя Богоматери, мною построенную *), самъ видѣлъ мое радѣніе Христу... Выгонять же криве-кривейто изъ Вильны силою еще не пора. Придетъ время, когда онъ самъ уйдетъ изъ верхней Литвы въ нижнюю, и это время

*) Церковь эта была основана Ольгердомъ и освящена въ 1348 году, св. Алексіемъ, митрополитомъ осков^c^квмъ, бывшимъ тогда митрополичьимъ намѣстникомъ, въ санѣ епископа владим¡рскаго. Въ послѣдствіи эта церковь сдѣлалась соборомъ митрополитовъ западной Руси. Во время угнетенія православныхъ католиками соборъ этотъ былъ превращенъ въ анатомическій театръ; возобновленъ М. Н. Муравьевымъ и освященъ 22 октября текущаго года.

близко, потому что въ верхней Литвѣ мало осталось язычниковъ, христіанамъ же онъ досадчикомъ быть не можетъ, потому что я больше не слушаю его. А безъ моей силы у него есть сила только въ глухой Жмуди. Послѣ такого отвѣта, Ольгердъ перевелъ разговоръ на современныя политическія событія. Представивъ митрополиту Алексію въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ несчастія тверскаго князя Михаила, Ольгердъ продолжалъ:

— Я не для того пришелъ къ Москвѣ, чтобы стѣны ея обагрить человѣческою кровью; не для грабежа и разорѣнія московскихъ волостей; но я пришелъ потребовать отъ Димитрія справедливости. Обижать шурина своего я не позволю.

Митрополитъ Алексій, замѣтилъ Ольгерду, что шуринъ его, князь Михаилъ тверской самъ во многомъ виноватъ, что отъ него всѣ бѣды происходятъ, что онъ для своей земли такой же злой врагъ, какъ самъ ханъ татарскій.

— Сѣетъ междуусобіе въ Русской землѣ, домогается московскаго княженія,—говорилъ митрополитъ Алексій, водитъ чужую рать на своихъ родичей.

Обратившись къ князю Михаилу, онъ началъ увѣщевать его. Теплыя слова назиданія маститаго старца запали въ душу князя Михаила. Сперва онъ въ рѣзкихъ словахъ оправдывался и поносилъ Димитрія, но потомъ горько заплакалъ и просилъ митрополита помочь ему.

Ольгердъ этимъ воспользовался и, обратившись къ митрополиту, сказалъ:

— Святой отецъ! Ты видишь слезы князя Михаила, это слезы раскаянія въ заблужденіи. Онъ сознаъ свою вину и плачетъ. Прости его, ты служишь Тому кто заповѣдалъ прощать даже своимъ врагамъ.

Уговори князя Димитрія покончить полюбовно распрю между имъ и Михаиломъ... Пусть возвратитъ князь Димитрій все забранное у князя Михаила и тогда я уйду изъ московской земли, не причинивъ ей никакого вреда.

— Мирить князей удѣльныхъ именемъ Христовымъ я могу, это долгъ мой, сказалъ митрополитъ; но договариваться объ условіяхъ мира не годится духовному лицу.

— Я бояръ пошлю договариваться съ Димитріемъ, а ты, святой отецъ, сперва внуши ему, что вести братоубійственную войну

грѣшно. Я больше люблю воевать словомъ, чѣмъ мечемъ. Пусть начнетъ переговоры, продолжалъ Ольгердъ. Войны я не боюсь, рать моя велика и сильна, скажи я слово своей дружинѣ и Москва къ утру будетъ сожжена... Но я этого не хочу, довольно. Я на своемъ вѣку насытился кровію, о своей смерти теперь приходится думать, да святымъ порадѣть...

— Благослови тебя Христосъ Богъ, великій князь Андрей, за такое смирѣніе... Мнѣ пріятно видѣть тебя добрымъ христіаниномъ... Ты хочешь мира съ московскимъ княземъ Димитріемъ, миръ будетъ, сказалъ митрополитъ, подымаясь въ обратный путь.

Почти до самыхъ стѣнъ Москвы митрополита Алексія провожали всѣ князья, неисключая и Витовта. Благословивъ всѣхъ ихъ, владыка далъ слово сдѣлать все въ пользу мира и вторично побывать въ селѣ Никольскомъ.

Дѣйствительно, митрополитъ Алексій явился миротворцемъ.

Въ этотъ же день, послѣ вечерень, Ольгердъ снова отправилъ посольство домогаться мира; но Димитрій сначала о мирѣ и слышать не хотѣлъ. Только на другой день, когда онъ узналъ, что ночью смоленскій и витебской полки подъ предводительствомъ Кейстута, обошли лѣвое крыло князя Владиміра Андреевича и самъ Ольгердъ укрѣпился въ селѣ Никольскомъ,—только тогда склонился на совѣтъ митрополита кончить распрю съ княземъ Михаиломъ миромъ.

Посланы были изъ Москвы бояре въ литовскій лагерь и цѣлыхъ 6 дней прошли въ переговорахъ. На седьмой день, по требованію митрополита, Ягайло и Витовтъ отправились въ Москву, какъ заложники для личною свиданія Ольгерда съ Димитріемъ. Съ московской стороны, по требованію Ольгерда, пріѣхалъ въ село Николькое самъ Владиміръ Андреевичъ, будущій герой Куликова поля. Ольгердъ его встрѣтилъ съ открытыми объятіями, и тутъ же предложилъ ему въ жены свою дочь Елену.

— Тебя, великій князь Владиміръ Андреевичъ я вытребовалъ въ заложники для того, что бы посватать тебѣ въ жены дочь мою Елену; она статна и прекрасна, умомъ и грамотѣйствомъ будетъ подъ пару тебѣ, князю храброму говорилъ Ольгердъ будущему зятю, цѣлуя его.

— Отъ такой чести я не прочь, только позволь спросить со-

гласія двоюроднаго брата Димитрія Ивановича, отвѣчалъ ему Владиміръ Андреевичъ.

— Я самъ спрошу его на свиданіи съ нимъ, а ты, мой заложникъ, пируй пока до моего возвращенія. Пріѣду съ Поклонной горы, по рукамъ ударимъ, да Богу помолимся, говорилъ Ольгердъ, отправляясь на Поклонную гору, гдѣ было назначено свиданіе великихъ князей, литовскаго и московскаго: на это время гора Поклонная была нейтральною. Здѣсь былъ наскоро разбитъ дорогой шатеръ, устланный персидскими коврами, и пушными медвѣдями. Личное свиданіе князей Ольгерда и Димитрія привело къ договору, по которому обѣ стороны заключили перемиріе до Петрова дня. Обѣ стороны размѣнялись подарками. Димитрій согласился на бракъ Елены Ольгердовичъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Но посмотримъ, что дѣлаютъ въ Москвѣ наши заложники, князья Ягайло и Витовтъ. Послѣдній, наскоро осмотрѣвъ нѣсколько достопримѣчательностей Кремля, отправился въ княжескій теремъ, гдѣ для великихъ заложниковъ устроенъ былъ пиръ. Ягайло же съ митрополитомъ Алексіемъ объѣзжалъ монастыри и церкви.

Въ дѣвичьемъ монастырѣ, который находился въ Кремлѣ, митрополитъ Алексій представилъ Ягайлѣ монахиню послушницу, только что прибывшію изъ Литвы, отъ Игуменьи Еввинскаго монастыря, находившегося въ окрестностяхъ Вильны и основанного супругой Гедимина, княгиней Еввой.

— Она прислана сюда для того, чтобы окрѣпнуть въ вѣрѣ Христовой и, сдѣлавшись хорошей христіанкой, снова возвратиться въ Литву... Она изъ язычницъ, вайделоткой была въ Вильнѣ. Вотъ она, говорилъ митрополитъ Алексій, указывая на одну монахиню.

Ягайло взглянулъ ей въ лицо и вскрикнулъ отъ удивленія: это была Ригальда.

— Ты князь Яковъ, знаешь ее? спросилъ митрополитъ Ягайлу.

— Да... видалъ въ Вильнѣ... Ее зовутъ Ригальдой,—отвѣчалъ смутившійся Ягайло.

— Прежде ее такъ звали, а теперь, въ христіанствѣ, Маріей называютъ, замѣтилъ митрополитъ.

— Какъ же она прибыла въ Москву, съ кѣмъ? спросилъ немного оправившійся, Ягайло.

— Съ гонцами отъ князя Андрея къ князю Ольгерду, отвѣчала робко Марія, такъ будемъ мы называть теперь Ригальду.

— Съ какими гонцами, когда они прибыли? спросилъ Ягайло.

— Только теперь, сдавъ намъ Марію, поѣхали на Поклонную гору къ великому князю Ольгерду, отвѣчалъ одинъ изъ священниковъ, сопровождавшихъ митрополита: они были въ Никольскомъ селѣ и не застали тамъ великаго князя Ольгерда.

— Съ лихою вѣстію они прибыли къ твоему отцу, князь Яковъ, начала Марія, и разсказала о убійствѣ 14 монаховъ францисканцевъ и Анны Гавріиловны *) Гаштольдовой, урожденной Бучацкой: жену Гаштольда убила ножомъ въ сердце наша вайделотка, которая прибѣжала послѣ въ замокъ великокняжескій и твоему брату князю Андрею во всемъ повинилась, прося за это убійство наказать ее смертью... Но князь Андрей ждетъ возвращенія боярина Гаштольда, что бы ему на руки отдать убійцу его жены.... Теперь она заперта въ угловой башнѣ верхняго великокняжескаго замка, договорила Марія.

— Какъ ее зовутъ? спросилъ Ягайло, почему то желавшій знать имя этой вайделотки.

— Ее зовутъ Поятой! отвѣчала Марія, пристально смотря въ глаза Ягайлѣ.

— Поятой!?.. закричалъ Ягайло и, схватившись за сердце, упалъ на руки къ неотлучному своему конюху Войдыйлѣ.

С. Калугинъ.

конецъ 12-й главы и 1-й части.

(Продолженіе впредь).

---

*) Историкъ Ѳ. Нарбутъ говорилъ, что она была дочь польскаго пана Гавріила Бучацкаго.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ПОѢЗДКА Г. ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА КРАЯ ВЪ КОВНУ.

Во вторникъ, 3-го сего декабря, съ утреннимъ поѣздомъ изъ Вильны, прибылъ въ Ковну г. генералъ-губернаторъ *А. Л. Потаповъ* и въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ обратно въ Вильну.

Поводомъ къ этому посѣщенію послужили тифъ и возвратная горячка, которые появились здѣсь съ осени и подъ вліяніемъ голода и сырой погоды приняли характеръ эпидеміи. Не только всѣ существующія въ Ковнѣ больницы гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, но и открытыя губернскимъ начальствомъ два временныхъ отдѣленія городской больницы, на 150 кроватей, переполнились больными.

Послѣ пріема высшаго православнаго, римско-католическаго и лютеранскаго духовенства и начальниковъ отдѣльныхъ частей военныхъ и гражданскихъ, Его Высокопревосходительство изволилъ посѣтить мужскую и женскую гимназіи, братскую школу и дѣтскій пріютъ, въ пользу котораго предоставилъ 150 руб. сер. изъ денегъ, собранныхъ отъ спектакля любителей, устроеннаго въ Вильнѣ, съ благотворительною цѣлью, супругою его. Потомъ весь день былъ посвященъ на осмотръ больницъ: городской и двухъ ея отдѣленій, еврейской, тюремной и военнаго госпиталя. Въ каждой изъ нихъ г. генералъ-губернаторъ обошелъ всѣ помѣщенія, обратилъ особенное вниманіе на помѣщеніе тифозныхъ больныхъ и ко многимъ изъ нихъ обращался со словами теплаго участія, утѣшенія и одобрѣнія.

Самымъ утѣшительнымъ результатомъ этого посѣщенія было удостовѣреніе какъ мѣстныхъ врачей, такъ и прибывшаго съ г. генералъ-губернаторомъ штабъ-доктора военнаго округа, что при всемъ своемъ эпидемическомъ характерѣ болѣзнь сдѣлалась слабѣе и уступчивѣе. Такъ какъ городскіе врачи, по свидѣтельству губернскаго начальства выказываютъ особенную ревность въ исполненіи своихъ обя-

заинностей, то г. генералъ-губернаторъ выразилъ имъ особенную признательность.

Остается добавить, что его высокопревосходительство успѣлъ осмотрѣть и столовую, устроенную ковенскимъ обществомъ для снабженія пищею голодающихъ, пожертвовалъ въ кассу столовой 100 руб. сер. и выразилъ сочувствіе мысли объ устройствѣ этой столовой.

(Ков. Губ. Впд.)

БОГОРОДИЧНАЯ ЧАСОВНЯ БЛИЗЪ Г. МИНСКА.

18 августа совершилось освященіе Богородичной часовни, находящейся въ 350 саженяхъ отъ города, по дорогѣ на Новогрудокъ 1), съ поставкою въ этой часовнѣ образа Богоматери.

Эта часовня была прежде латинскимъ столбомъ (капличка) и заключала въ себѣ деревянную фигуру латинскаго доминиканскаго монаха *Викентія*, бывшаго, какъ извѣстно, представителемъ ордена, очень враждебнаго православію. 20 апрѣля 1867 г. минскій архіепископъ Михаилъ офиціально писалъ, между прочимъ, бывшему въ то время губернатору генералъ-маіору П. Н. Шелгунову слѣдующее: «существуетъ съ 1824 г. построенный бывшимъ минскимъ вице-губернаторомъ *Фрибесомъ* каменный столбъ и въ немъ фигура латинскаго монаха доминиканскаго ордена св. Викентія. Подобная впереди города встрѣча съ изображеніемъ представителя враждебнаго православію ордена оскорбляетъ каждаго пріѣзжаго русскаго заявленіемъ, что городъ Минскъ находится подъ покровительствомъ латинскаго монаха» и далѣе предлагаетъ замѣнить эту фигуру изображеніемъ Богоматери, почитающейся испоконъ покровительницею г. Минска и изображеніе которой составляетъ гербъ города.»—Впрочемъ есть мнѣніе, что и столбъ и фигура поставлены въ память избавленія отъ какой-то эпидеміи...

Вслѣдствіе этаго заявленія генералъ-маіоръ П. Н. Шелгуновъ сдѣлалъ предписаніе городской полиціи о собраніи болѣе подробныхъ свѣдѣній по сему предмету. Полиція донесла, что Викентьев-

---

1) По польски Новогрудекъ.

скій столбъ съ фигурою «поставленъ въ давнее время матерью бывшаго въ здѣшнемъ губернскомъ правленіи совѣтникомъ, Викентія Фрибеса, въ память отклоненія его Фрибеса отъ женитьбы на дочери бывшаго у губернатора Гецевича новара Шидловскаго, что памятникъ этотъ стоитъ на землѣ, принадлежащей отставному чиновнику Викентію Савицкому, но съ чьего разрѣшенія, по давности открыть невозможно, а далѣе сказано въ донессніи: въ 1863 г. во время препровожденія мятежниковъ, нѣкоторые изъ жителей г. Минска, въ особенности молодежь католическаго исповѣданія, выходили за городъ на встрѣчу тѣмъ мятежникамъ, при означенномъ памятникѣ молились и пѣли гимны.»

Вслѣдствіе всего вышепрописаннаго б. минскій губернаторъ сдѣлалъ представленіе б. начальнику края генералъ-адъютанту Э. Т. Баранову объ упраздненіи этаго столба, съ отдачею фигуры монаха Викентія въ минскій польско-католическій каѳедральный соборъ, и объ устройствѣ изъ него часовни, съ поставкою въ нее образа Богоматери. Въ этомъ представленіи было не упущено изъ виду и слѣдующее обстоятельство: «въ настоящее время онъ (т. е. капличный столбъ) никѣмъ не поддерживается и фигура «св. Викентія пришла въ совершенную вѣтхость, такъ что при паденіи можетъ угрожать опасностью.» Графъ Барановъ разрѣшилъ это представленіе, но «съ тѣмъ, однако, чтобы и самому столбу данъ былъ благообразный видъ.» Минское православное братство сердечно отнеслось къ этому дѣлу и приняло на себя всѣ расходы по перестройкѣ часовни и устройству въ ней образа Богоматери. Оно отпустило 107 руб. на передѣлку часовни, каковая происходила подъ наблюденіемъ архитектора г. Иванова; 70 же руб. братство отпустило мѣстному живописцу г. Зотову за снятіе на жести копіи съ чудотворнаго образа Богоматери, находящагося въ минскомъ православномъ Петро-Павловскомъ соборѣ. Въ счетъ этихъ денегъ устроена превосходная рама къ образу, который съ рамою заключаетъ въ себѣ 2 арш. 10 верш. высоты и 1¼ арш. ширины.

Вчера, послѣ Божественной литургіи въ соборѣ, которую совершилъ, совмѣстно съ игуменомъ и казначеемъ архіерейскаго до-

на Иринеемъ и одинъ изъ соборныхъ священниковъ, ректоръ минской духовной семинаріи Іануарій, крестный ходъ со всѣмъ почти городскимъ духовенствомъ, въ сопровожденіи цеховыхъ знаковъ и тысячи народа, двинулся за городъ. На встрѣчу этому духовенству вышли приходскіе священники изъ Екатерининской церкви и, соединясь, пошли вмѣстѣ чрезъ весь городъ на Новогородковскій трактъ. Это духовное торжество отличалось отсутствіемъ всякой офиціозности, — это было просто духовное православно-русское торжество. Во время шествія къ часовнѣ и обратно былъ пѣтъ молебенъ Богородицѣ. По приходѣ къ часовнѣ снова былъ отслуженъ молебенъ съ многолѣтіемъ и образъ Пречистыя поставленъ въ часовнѣ. Затѣмъ вся густая толпа стала на колѣни и пропѣла: «*подъ Твою милость прибѣгаемъ!*» Во время пѣнія этаго умилительнаго гимна впервые затеплилась лампада предъ иконой Богородицы въ этомъ новомъ Ея храмѣ—лампада за нашъ Царствующій Домъ и всю Русь православную...

Гр. Кулжинскій.

ЕЩЕ НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ О ПОКОЙНОМЪ МИТРОПОЛИТѢ ІОСИФѢ.

Покойный владыка былъ большой любитель книгъ. Онъ съ особенною тщательностію слѣдилъ за русскою литературою и щедрою рукою пріобрѣталъ для своей библіотеки все, что заслуживало вниманія, какъ по части беллетристики и точныхъ наукъ, такъ и по отдѣлу богословскому. Кромѣ того, владыка не упускалъ случая выписывать и лучшія иностранныя сочиненія по различнымъ отраслямъ знанія и разнообразныя иллюстрированныя изданія—иностранныя и русскія. Библіотека его наполняетъ шесть шкафовъ, изъ коихъ два—собственно съ иллюстрированными изданіями; стоимость библіотеки простирается, какъ полагаютъ до 6,000 руб. До 1851 года библіотека эта была гораздо богаче, въ означенномъ году владыка пожертвовалъ для литовской семинаріи значительную часть ея. Въ настоящее время и остальная библіотека, въ числѣ четырехъ шкафовъ, кромѣ двухъ съ иллюстри-

рованными изданіями, должна вступить въ составъ библіотеки православной литовской семинаріи. Митрополитъ всегда заботился о томъ, чтобы воспитанники семинаріи не только умѣли твердо знать уроки, но и были бы развиты, имѣли бы охоту къ чтенію книгъ, и знали бы болѣе, нежели сколько даютъ учебники, потому и снабжалъ семинарскую библіотеку книгами. Пріобрѣтши такой значительный вкладъ, библіотека литовской семинаріи будетъ едва ли не самая лучшая не только между провинціально-губернскими библіотеками среднихъ учебныхъ заведеній, но и между столичными. Два шкафа книгъ съ иллюстрированными, весьма цѣнными изданіями, поступятъ во владѣніе одной изъ родныхъ сестеръ покойнаго митрополита.

Кромѣ книгъ высокопреосвященный владыка былъ любителемъ священныхъ изображеній и картинъ по преимуществу библейско-евангельскаго и церковно-историческаго содержанія; между ними есть и виды природы. Картины эти развѣшаны по стѣнамъ, какъ въ городскомъ митрополичьемъ домѣ, такъ и въ лѣтнемъ загородномъ домѣ покойнаго въ Тринополѣ. Всѣхъ картинъ въ лѣтнемъ и зимнемъ помѣщеніяхъ его числомъ около 200. Не говоря о цѣнности и изяществѣ многихъ священныхъ изображеній и картинъ, мы обратимъ вниманіе на одно собраніе портретовъ. Это—довольно полная коллекція дѣятелей, извѣстныхъ въ іерархіи западно-русской церкви со времени введенія здѣсь уніатскаго обряда и до настоящихъ дней. Она имѣетъ особенную важность въ научно-историческомъ отношеніи: по ней, между прочимъ, можно съ очевидностію прослѣдить, какъ съ теченіемъ времени измѣнялись одѣяніе и весь внѣшній обликъ уніатскаго духовенства, въ какую сторону оно было направляемо даже по внѣшнему своему виду и къ чему наконецъ оно пришло; по этой коллекціи можно прослѣдить, какъ прежняя православно—схимническая одежда архіереевъ превращалась въ римско-католическую сутану 1). Сначала на

1) Это длинный, почти до пятокъ достигающій полусюртукъ, полукафтанъ напереди съ разрѣзомъ, идущимъ съ верху до низу по срединѣ одежды, разрѣзъ этотъ застегивается на пуговки, обтянутыя одной съ одеждою матеріею, сѣдящія близко одна отъ другой и идущія во весь разрѣзъ съ одного конца до другаго.

сутанѣ видимъ широкій священническій поясъ, поясъ этотъ довольно долго удерживается на ней, потомъ онъ дѣлается уже, а наконецъ совсѣмъ его не видно;—можно замѣчать, какъ подстриженіе и подбритіе волосъ по-немногу, сначала бакенбардъ и усовъ, потомъ бороды и наконецъ волосъ на головѣ представило, съ измѣненіемъ одежды, совершенно остриженныхъ и съ бритымъ подбородкомъ архіереевъ уніятскаго обряда, такъ что наконецъ нельзя узнать по внѣшнему виду—ксендзъ ли то, или уніатское духовное лицо. Замѣчательно, что длинные волосы на головѣ очень долго удерживались, духовенство обрило уже усы и бороду, но все еще было съ длинными волосами на головѣ; при этомъ на головѣ виднѣется то красная, то голубая плоская шапочка римско-католическаго ксендза, извѣстная подъ названіемъ піуски, отъ слова pius. Можно видѣть, съ какою потомъ замѣчательною скоростію и почти безъ соблюденія выше изложенной послѣдовательности совершилось преобразованіе внѣшняго вида уніатскаго духовенства по возсоединеніи его съ православною церковью, по освобожденіи его отъ гнета власти и непосредственной зависимости отъ римско-католическаго духовенства,—преобразованіе состоящее въ томъ, что внѣшній видъ возвратившихся къ православію отъ уніи духовныхъ въ представителяхъ ихъ, сталъ вполнѣ православный.

Такимъ образомъ означенное собраніе портретовъ показываетъ въ лицахъ полный циклъ, пройденный извѣстною идеею объ олатиненіи внѣшняго вида уніатскаго духовенства. Всѣхъ портретовъ въ этой коллекціи числомъ 32. Почти напротивъ нихъ на стѣнѣ расположено нѣсколько картинъ, между которыми три портрета: въ серединѣ старецъ-священникъ совершенно православной внѣшности со старушкою—это отецъ и мать митрополита Іосифа, а по краямъ съ одной стороны самъ митрополитъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, но въ архіерейскомъ уже санѣ, въ 1838 году, съ панагіею, въ повседневной одеждѣ уніатскаго епископа, обритый и обстриженный; по другую сторону—тотъ же митрополитъ, только въ одеждѣ совершенно православнаго архіерея, въ 1843 году, въ клобукѣ, съ длинными волосами и полною, не подстриженною

бородою, очень похожій на своего отца. Такая группировка и положеніе цѣлаго сонма западно русскаго духовенства противъ митрополита, вождя къ православной вѣрѣ, сдѣлана съ особенною мыслію и производитъ на зрителя глубокое впечатлѣніе.

Почти всѣ картины покойнаго въ митрополичьемъ домѣ, но нѣсколько нумеровъ изъ нихъ, частію по выбору преосвященнаго викарія, частію по выбору одной изъ родныхъ сестеръ покойнаго архипастыря въ указанныхъ имъ самимъ комнатахъ, будутъ изъяты изъ общаго числа картинъ, долженствующихъ остаться въ митрополичьемъ домѣ. Коллекція портретовъ, о которой мы только что говорили, во всей цѣлости и совокупности останется въ митрополичьемъ домѣ такъ, какъ она устроена собирателемъ, ибо только въ этомъ видѣ она представляетъ научно-исторической интересъ. Иначе и быть не могло, ибо извѣстно, съ какой тщательностію покойный владыка собиралъ эти портреты, выписывалъ изъ разныхъ монастырей, добывалъ изъ частныхъ рукъ, изъ разныхъ древнехранилищъ и, по тщательномъ снятіи копій, бережно возвращалъ оригиналъ обратно.

Покойный митрополитъ Іосифъ, въ продолженіе долговременнаго управленія своею епархіею, велъ записки, въ которыхъ заключаются самыя обстоятельныя свѣдѣнія о его знаменательной дѣятельности, его сношеніяхъ съ властями и со всѣми, кого касались приснопамятныя дѣянія покойнаго іерарха; въ нихъ излагалъ онъ свои намѣренія, планы и соображенія, разнаго рода затрудненія, препятствія и столкновенія. Бумаги эти, равно и всѣ предписанія, отношенія, письма, предложенія и проч. какъ оффиціальныя, такъ и частныя, собственно его касающіяся, онъ тщательно сохранилъ. Все это имъ самимъ приведено въ порядокъ, раздѣлено на три категоріи, снабжено пространными записками собственнаго его сочиненія, доведенными до 1862 года, сложено въ одинъ сундучокъ, запечатано въ немъ, и теперь, согласно его назначенію, отправлено въ академію наукъ, для изданія въ свѣтъ по собственному усмотрѣнію академіи. На изданіе этихъ бумагъ владыка ассигновалъ изъ собственнаго капитала въ распоряженіе академіи наукъ 5000 руб.

Хорошо знавшіе покойнаго митрополита единогласно утверждаютъ, что онъ обладалъ замѣчательнымъ административнымъ тактомъ, проницательнымъ умомъ и глубокою наблюдательностію,— что онъ внимательно слѣдилъ за теченіемъ событій не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ, неусыпно наблюдалъ за своею паствою, за ея состояніемъ и отношеніемъ къ ней иновѣрцевъ. Поэтому мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что записки его должны быть исполнены самаго животрепещущаго интереса, и нельзя безъ нетерпѣнія ожидать изданія ихъ въ свѣтъ со всѣми документами, при нихъ находящимися.

Получая довольно нескудное жалованье особенно въ послѣднее время, покойный митрополитъ Іосифъ отличался благотворительностію и по преимуществу въ видахъ общественной и государственной пользы 1). Въ № 133 «Виленскаго Вѣстника» указаны нѣкоторые немногіе примѣры благотворительности покойнаго іерарха, ясно однако свидѣтельствующіе о томъ, что онъ щедрою рукою дѣлалъ пожертвованія какъ на пользу образованія юношества, такъ и непосредственно на нужды государственныя, каково наприм., упоминаемое въ означенномъ № пожертвованіе его по 2000 руб. каждогодно на потребности для русской арміи во все время севастопольской кампаніи; при этомъ онъ не забывалъ православныхъ монастырей и церквей. Капиталу, оставшагося послѣ его смерти и состоявшаго частію изъ наличныхъ денегъ, а частію изъ процентныхъ бумагъ, какъ мы слышали изъ достовѣрныхъ источниковъ, считалось въ концѣ 1862 года до 50,000 руб.

---

1) По должности митрополита, высокопреосвященный Іосифъ получалъ, а) какъ управитель литовской епархіи, состоящей, какъ извѣстно, изъ трехъ губерній—Виленской, Ковенской и Гродненской, 4000 руб., б) пожизненной пенсіи—1715 руб., в) столовыхъ, пожалованныхъ ему въ 1832 году, 343 р., г) пенсіи по двумъ орденамъ—по ордену св. Андрея Первозваннаго 800 руб. и св. Владиміра 1-й степени 600 руб., какъ архимандритъ и настоятель Свято-Духовскаго монастыря 500 руб., итого 7958 р. Помѣстья, принадлежащія покойному владыкѣ въ 1842 году, поступили въ составъ государственныхъ имуществъ; за нихъ выдавалось ему изъ казны каждогодно 1339 руб. Такимъ образомъ всего въ годъ получалось 9297 руб.

съ небольшимъ. Изъ этой суммы покойный митрополитъ 15,000 руб. завѣщалъ въ пользу ближайшихъ своихъ родственниковъ, въ количествѣ 8 лицъ; 5000 руб. завѣщалъ въ пользу православныхъ монастырей и церквей, въ количествѣ 14 мѣстъ. Между этими священными мѣстами значатся три русскія лавры—а) С.-Петербургская Александроневская. Свято-Троицкая—Сергіевская и в) Кіевопечерская; затѣмъ виленскій свято-Духовскій монастырь, котораго онъ былъ священно-архимандритомъ и который особенно любилъ, какъ неизмѣнно всегда пребывавшій въ православіи, также жировицкій Успенскій монастырь, при которомъ основано было первое училище для православнаго духовенства сѣверозападнаго края, по освобожденіи его отъ вліянія педагоговъ при главной семинаріи для римско-католическаго духовенства, и въ настоящее время при этомъ монастырѣ находится духовное уѣздное училище, и наконецъ Виленскій свято-Николаевскій каѳедральный соборъ, этимъ 6 мѣстамъ назначено по 500 руб. Кромѣ того,—Виленскому свято-Троицкому монастырю, пожайскому Успенскому монастырю и гродненскому Борисоглѣбскому, виленскимъ приходскимъ церквамъ: Николаевской и Благовѣщенской, приходской церкви въ селѣ Павловкѣ—въ Кіевской губерніи, на родинѣ покойнаго митрополита, приходской церкви въ томъ селѣ, гдѣ въ последнее время своей жизни священствовалъ родитель его, и полоцкому Софійскому собору, гдѣ впервые архіерействовалъ самъ высокопреосвященный Іосифъ, по 250 руб., съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ этихъ церквахъ ежегодно въ день смерти его совершаема была литургія, а по литургіи панихида за упокой души его и его родителей, 5,000 рублей, какъ выше упомянуто, назначено въ распоряженіе с.-петербургской академіи наукъ на изданіе записокъ съ приложенными къ нимъ документами покойнаго митрополита, 1000 руб. лей назначено на издержки по погребенію, 500 руб. назначено для раздачи братіи и служителямъ Свято-Духовскаго монастыря;—3500 руб.—на выдачу годоваго оклада жалованья всѣмъ служившимъ при митрополитѣ, собственно въ митрополичьемъ домѣ, начиная съ эконома и письмоводителя и кончая сторожами того дома; а что отъ того остается, то раздать бѣднымъ безъ различія вѣро-

исповѣданій. За полнымъ удовлетвореніемъ вышеупомянутыхъ расходовъ и назначеній, требующихъ всего 30,000 рублей, всѣ деньги, которыя могли остаться послѣ смерти высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа, назначены имъ въ пользу виленскаго и кіевскаго училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, поровну, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги пріобрѣтены были 4% непрерывно доходные билеты, а проценты съ нихъ обращаемы были бы на содержаніе въ обоихъ училищахъ пансіонерокъ изъ дочерей священническихъ или діаконскихъ, преимущественно родственницъ митрополита и ихъ потомковъ. Отъ капитала бывшаго въ 1862 г. за всѣми назначеніями, на содержаніе пансіонерокъ оставалось еще свыше 20,000 руб. для обоихъ училищъ. Если послѣ 1862 года не послѣдовало дополнительныхъ распоряженій на счетъ капитала, то съ 1862 года по настоящій могла вновь образоваться значительная сумма денегъ, которая, въ силу означеннаго распоряженія, должна поступить въ пользу кіевскаго и виленскаго духовныхъ женскихъ училищъ.

Не забыты и высшія духовно учебныя заведенія. Владыка завѣщалъ, чтобы Высочайше пожалованные ему два алмазные креста, одинъ на клобукъ архіепископскій, пожалованный ему въ 1839 году, другой пожалованный въ 1852 году, на клобукъ митрополичій, также алмазные знаки со звѣздами ордена св. Александра Невскаго, которымъ онъ награжденъ въ 1841 году, и св. Андрея первозваннаго, пожалованные въ 1862 году, препровождены были въ кабинетъ Его Императорскаго Величества съ испрошеніемъ за нихъ денегъ свыше 9000 р., на эти деньги положено имъ пріобрѣсти 4%-й непрерывно-доходный билетъ и проценты съ него обращать ежегодно на преміи за лучшія сочиненія на степень магистра воспитанникамъ 4-хъ русскихъ православныхъ духовныхъ академій, поочередно для каждой, «чтобы возбудить въ воспитанникахъ полезное соревнованіе и доставить лучшимъ изъ нихъ хотя небольшое пособіе» по окончаніи академическаго курса. Если за означенные кресты и ордена получится сумма, которая дастъ процентовъ не менѣе 300 руб., то эти 300 р. раздѣляются на двѣ преміи, и такимъ образомъ ежегодно двѣ академіи будутъ получать по 150 руб. *(Вил. Вѣст.)*

ОТНОШЕНІЕ ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО, КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ГРАФУ ПРОТАСОВУ, ОТЪ 10 ЯНВАРЯ 1855 Г.

Какъ вѣрноподданный, какъ сынъ отечества, какъ сынъ православныя церкви и какъ возсоединенный архіерей, обязанный нѣкоторою отвѣтственностью предъ возсоединенными и за возсоединенныхъ, долгомъ считаю обратить еще разъ вниманіе правительства на обстоятельства края, съ которымъ связано мое служеніе. Кажется, послѣ благословеннаго Богомъ возсоединенія уніатовъ, съ православною церковію, вскорѣ забыто, что они были для поляковъ и римскихъ католиковъ и авангардомъ, и оплотомъ противъ русской народности и православія, что возсоединеніе было для латино-польской партіи самымъ чувствительнымъ ударомъ, что эта партія должна была искать новыхъ условій для облегченія своего положенія, и что отношенія оной къ возсоединеннымъ должны были принять характеръ не только недоброжелательства, но и мести. Кажется также, латино-польскую партію сочли слабою, забывая, что она, кромѣ собственныхъ силъ, имѣетъ опору въ общей иновѣрной и иностранной партіи по видамъ религіознымъ и политическимъ. Кажется не обращено также вниманія, что страдательное совершенно положеніе, въ которое поставлены возсоединенные со времени слитія съ православною церковію, должно было и облегчить, и осмѣлить латино-польскую партію въ ея дѣйствіяхъ. Не знаю, приходилось ли кому измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что сдѣлано въ пользу этой партіи въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ. Здѣсь не намѣрен я распространяться о дѣйствіяхъ на пользу латинской іерархіи. Это дѣло прошлое и уже неисправимое. Тутъ не главное конкордатъ, мѣра политически можетъ быть необходимая. Но вообще предшествовавшія ей, сопровождавшія ее и послѣдовавшія за оною учрежденія и распоряженія клонились къ тому, чтобъ упрочить и усилить противъ прежняго римско-католическую въ Россіи іерархію. Теперь православному духовенству въ западныхъ епархіяхъ едва ли всѣхъ силъ достаточно, чтобъ бороться съ однимъ только

римско-католическимъ духовенствомъ. Но еще разъ, я не намѣренъ распространяться о семъ духовенствѣ, а обращу вниманіе на другое, постепенно въ здѣшней странѣ устроенное орудіе латино-польской партіи—гражданское чиноначаліе. Обстоятельствами вынужденъ я былъ собрать въ прошломъ мѣсяцѣ, по секрету, свѣдѣнія о числѣ чиновниковъ православнаго исповѣданія по губерніямъ Виленской и Гродненской, въ которыхъ число народа, исповѣдывающаго православную и римско-католическую вѣру, немного разнствуетъ. И вотъ что оказывается изъ свѣдѣній. Извѣстно, что православные въ сказанныхъ двухъ губерніяхъ состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ римско-католическому вѣроисповѣданію и такъ называемой польской кастѣ. Слѣдовательно православные вполнѣ зависятъ по крѣпостному праву отъ сихъ иновѣрныхъ и иногородныхъ помѣщиковъ. Чтобы въ подобное положеніе поставить и казенныхъ крестьянъ, чиновники по вѣдомству государственныхъ имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ обѣихъ палатахъ виленской и гродненской изъ 77-ми членовъ только четыре православныхъ; изъ 37-ми дѣлопроизводителей и другихъ чиновниковъ только пять православныхъ; изъ 12-ти столоначальниковъ только два православныхъ; изъ 14-ти окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, лѣсничихъ и люстраторовъ только восемь православныхъ; то-есть изъ 140 старшихъ чиновниковъ только 19 православныхъ. Если къ сему прибавить, что по сказаннымъ двумъ губерніямъ, всѣ 18 губернскіе и уѣздные предводители дворянства иновѣрцы, а въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный, то ясно, что всѣ православные обѣихъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ, въ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ своего быта. Чтобъ уравновѣсить это преобладаніе иновѣрной ближайшей власти надъ православными, едва-ли достаточно было-бы всей попечительности мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, при самомъ лучшемъ и надежномъ составѣ ихъ. Но вотъ каковъ на дѣлѣ этотъ составъ. При генералъ-губернаторѣ: правитель канцеляріи, старшіе и младшіе секретари, помощники секретари и прочіе чиновники канце-

ляріи, въ числѣ 21-го, всѣ иновѣрцы, за исключеніемъ одного помощника секретаря, православнаго; только въ числѣ адъютантовъ, дежурныхъ офицеровъ и чиновниковъ особыхъ порученій есть шесть православныхъ на пять иновѣрцевъ. При обоихъ гражданскихъ губернаторахъ, въ числѣ правителей канцелярій, чиновниковъ особыхъ порученій, а также старшихъ и младшихъ помощниковъ правителей канцелярій, девять православныхъ на 30 иновѣрцевъ. Въ обоихъ губернскихъ правленіяхъ, въ числѣ членовъ, секретарей, прочихъ чиновниковъ и столоначальниковъ есть 39 иновѣрцевъ и только 11 православныхъ. Такимъ образомъ высшее управленіе двухъ губерній состоитъ изъ 27-ми только православныхъ и изъ 84-хъ иновѣрческихъ старшихъ чиновниковъ. Въ такой же пропорціи находится власть по уѣздамъ. Въ числѣ городничихъ и земскихъ исправниковъ, которые должны быть, кажется, по положенію въ здѣшней странѣ, русскіе и православные, уже третья ихъ часть по Виленской и Гродненской губерніи изъ иновѣрцевъ. Письмоводителей при городничихъ 5 православныхъ, а 11 иновѣрцевъ. Засѣдателей и секретарей по земскимъ судамъ 10 православныхъ, а 40 иновѣрцевъ; становыхъ приставовъ 9 православныхъ, и 57-ми иновѣрцевъ. То есть на 165 старшихъ уѣздныхъ чиновниковъ исполнительной власти только 47 православныхъ. Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ, нежели правительственная и исполнительная. По четыремъ палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда виленскимъ и гродненскимъ: въ числѣ 18 членовъ только 5 православныхъ, въ числѣ 26 секретарей и другихъ чиновниковъ только 1 православный, въ числѣ 20 столоначальниковъ нѣтъ ни одного православнаго. По всѣмъ уѣзднымъ судамъ обѣихъ губерній 2 православныхъ и 59 иновѣрныхъ членовъ и тоже 2 православныхъ секретаря, а 14 иновѣрныхъ. То есть изъ 141 старшихъ чиновниковъ по судебной части, только 10 православныхъ. Такимъ же образомъ замѣщены старшія должности и по другимъ вѣдомствамъ. Изъ числа 170 членовъ обѣихъ казенныхъ палатъ, ихъ секретарей и чиновниковъ особыхъ порученій, ихъ бухгалтеровъ, контролеровъ, столоначальниковъ и другихъ чиновниковъ, также

уѣздныхъ казначеевъ съ ихъ помощниками, бухгалтерами и журналистами, православныхъ всего на все только 8. Изъ числа 18 членовъ, секретарей, старшихъ чиновниковъ и столоначальниковъ обоихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, православныхъ только 4. Изъ числа 20 членовъ, секретарей, инженеровъ, архитекторовъ, землемѣровъ и другихъ старшихъ чиновниковъ по обѣимъ строительнымъ и дорожнымъ коммиссіямъ,—тоже православныхъ только 4. Изъ числа 26 членовъ и старшихъ чиновниковъ по окружному управленію III округа корпуса инженеровъ путей сообщенія православныхъ только 8. Изъ числа 25 губернскихъ и уѣздныхъ почтмейстеровъ съ ихъ помощниками только 6 православныхъ. Изъ числа 21 губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и стряпчихъ только 4 православныхъ. Изъ числа 26 членовъ человѣколюбиваго общества и управляющихъ семью виленскими богоугодными заведеніями только 2 православныхъ, изъ числа же 53 членовъ врачебныхъ управъ, а также уѣздныхъ и другихъ штатныхъ врачей нѣтъ ни одного православнаго. Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ вышепоименованныхъ по Виленской и Гродненской губерніямъ, изъ иновѣрцевъ 723, изъ православныхъ 140, то есть менѣе шестой части всѣхъ чиновниковъ. Между иновѣрцами едва десятая часть приходится на протестантовъ и магометанъ, остальные всѣ римскіе католики. Въ низшемъ слоѣ чиноначалія эта пропорція еще менѣе благопріятна православнымъ. Но эта ариѳметическая пропорція между православными и иновѣрными чиновниками далеко еще не представляетъ дѣйствительнаго преобладанія сей послѣдней массы. Тѣми же способами, которыми латинопольская партія съумѣла занять, по преимуществу, своими людьми должностныя мѣста, она умѣетъ управлять назначеніемъ или устраненіемъ самихъ православныхъ чиновниковъ по своимъ видамъ, а небольшое число самостоятельныхъ ей легко вводить въ заблужденіе, задабривать или устрашать. Ясно, что при подобномъ составѣ чиноначалія, самые благонамѣренные и прозорливые начальники едвали могутъ устоять противъ общаго теченія. Такимъ образомъ православное населеніе Виленской и Гродненской губерній, числомъ почти въ 700,000 народа, зави-

ситъ почти совершенно отъ произвола римлянъ, господствующихъ надъ онымъ посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстныхъ властей. Духовенство православное въ той же зависимости и по средствамъ своихъ прихожанъ, и по необходимымъ житейскимъ потребностямъ. Нужно дѣло особенной ясности, чтобъ можно его повести съ успѣхомъ, иначе оное замнутъ или происками, или ябедой, или проволочкой. Самое дѣло, выигранное офиціально обращается обыкновенно не въ пользу выигравшаго и не въ пользу православія. Выигравшему возместятъ косвенными средствами, а дѣло самое чистое представятъ въ общемъ мнѣніи въ видѣ неблагопріятномъ православію и православному духовенству, такъ что самое благоразуміе требуетъ, по большей части, молчанія и долготерпѣнія. Естественно, что въ такомъ положеніи дѣлъ могутъ быть покойны тѣ только изъ православнаго духовенства, которые потворствуютъ видамъ преобладающей латино-польской партіи; усердные же подвижники и исполнители своего долга, необходимо должны быть предметомъ недоброжелательства и происковъ той партіи. Я не говорю о себѣ: участь свою уже предалъ я на волю Провидѣнія. Но, кажется, всякая мѣстность, гдѣ бы 700,000 православныхъ находились въ подобномъ положеніи, должна бы обратить вниманіе, а чтожъ литовская епархія, которая находится въ исключительномъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ? Въ другихъ западныхъ епархіяхъ масса православнаго народонаселенія господствуетъ надъ малочисленнымъ иновѣрнымъ населеніемъ; въ литовской 700,000 православныхъ разбросаны по тремъ губерніямъ среди полутора милліона однихъ римскихъ католиковъ. Въ другихъ епархіяхъ число возсоединенныхъ немногочисленно въ сравненіи съ древне-православными, а слѣдовательно удобно можетъ быть направляемо и охраняемо; въ литовской вся паства почти исключительно состоитъ изъ возсоединенныхъ. Самые возсоединенные въ другихъ епархіяхъ не столько отступили отъ русской народности и постановленій восточныя церкви, какъ въ литовской, бывшей преимущественно подъ продолжительнымъ вліяніемъ иновѣрчества и иноземства. Очевидно, что я имѣю и большое пра-

во и большую обязанность просить правительство о преимущественномъ охраненіи литовской паствы отъ вліянія господствующихъ здѣсь чуждыхъ элементовъ. Мнѣ одному это не по силамъ. Но не одно положеніе православной паствы въ здѣшней странѣ заставило меня изъяснить теперь все прописанное. Я не разъ о томъ представлялъ и боюсь не наскучилъ ли уже. Не забота также о русской народности въ этой странѣ меня къ тому побудила. Какъ ни больно, что 10-ть милліоновъ русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ подчиняются вновь болѣе и болѣе преобладанію 40 или 50 т. такъ-называемыхъ польскихъ семействъ, а тѣмъ самымъ и польской партіи посредствомъ латинскаго духовенства, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ чиноначалія, но все это со временемъ измѣнилось бы при первомъ вѣрномъ взглядѣ правительства. Теперь дѣло не о православіи, не о народности западныхъ губерній, но о настоящемъ политическомъ положеніи государства, и молчаніе съ моей стороны объ указанномъ выше было бы преступно. Не мнѣ одному извѣстно, что уже наканунѣ послѣдняго польскаго мятежа еще не вѣрили людямъ, предостерегавшимъ объ ономъ. Кто же можетъ увѣрить, что латино-польская партія не имѣла въ виду нынѣшнихъ событій при устройствѣ, какъ выше видно, столь сильнаго своего преобладанія въ здѣшней странѣ? Я не говорю, чтобъ эта партія сама собою была теперь столько сильна матеріально, дабы слишкомъ безпокоить правительство. Но въ случаѣ движенія на Россію всего запада, не приготовлено ли въ здѣшней странѣ для враговъ самое благопріятное управленіе? и не лишено ли правительство нужныхъ орудій для полезнаго въ ней дѣйствія во все теченіе могущихъ продолжаться военныхъ происшествій и въ случайныхъ обстоятельствахъ? Объ этомъ, кажется, стоитъ подумать! Стоитъ подумать и о томъ, что гражданское управленіе не формируется такъ скоро и удобно, какъ переформированъ литовскій корпусъ въ 1830 году. Мнѣ случилось слышать, будто поддерживающіе латино-польскую партію указываютъ на Финляндію и остзейскія губерніи. И смѣшно и больно! Нужно слишкомъ много доброй воли или слишкомъ мало знанія здѣшней страны, чтобъ

находить между сими мѣстностями какое-либо отношеніе. Сохрани Господи, чтобъ все прописанное выше перетолковано было во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ поляковъ и латинянъ. Они не менѣе другихъ могутъ служить государству, съ честью и пользою, въ рядахъ русскаго воинства и въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ по областямъ. Но въ здѣшней странѣ они связаны личными соотношеніями, связаны общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ не на Россію, а на Польшу, и по необходимости должны (разумѣется не безъ исключеній) быть орудіями видовъ латино-польской партіи и римскаго духовенства. Пишу это вашему сіятельству не какъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, но какъ ближайшему слугѣ Государя Императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи какого-нибудь митрополита Іосифа, или 700 тыс. возсоединенныхъ. Теперь не въ томъ дѣло, пріятнѣе ли и удобнѣе здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой и съ вліяніемъ, но въ томъ, чтобъ 10-ти милліонную массу русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ обезпечить на пути долга, при всякихъ могущихъ возникнуть случайностяхъ и охранять ее отъ чуждаго вліянія. Ссылаюсь на совѣсть каждаго непредубѣжденнаго, можетъ ли онъ иначе, какъ я, смотрѣть на постепенное усиленіе въ здѣщней странѣ латино-польской партіи? Впрочемъ, можетъ статься, правительство во всемъ этомъ имѣло въ виду особыя цѣли и обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя. Въ семъ предположеніи мысли мои я представляю секретно-конфиденціальпо, чувствуя, что исполнилъ долгъ свой по совѣсти и по крайнему моему разумѣнію.

(С.-Пет. Вѣд.)

ВИЛЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ СВ. МАРІИ МАГДАЛИНЫ.

Виленскій женскій православный монастырь во имя св. Маріи Магдалины основанъ по иниціативѣ литовскаго митрополита Іосифа, осуществившейся въ концѣ 1864 г., благодаря дѣятельному участію и стараніямъ графа Муравьева. Съ свойственною ему

энергіею графа Муравьевъ рѣшилъ осуществить смѣлую мысль о перенесеніи въ Вильну изъ Москвы цѣлой монастырской общины почти 60 сестеръ во всей неприкосновенности ея московскаго устройства. Кромѣ общей для всѣхъ нашихъ монастырей цѣли служить оплотомъ православія въ краѣ, женскій монастырь въ Вильнѣ требовался еще по особымъ причинамъ и имѣетъ свои, такъ сказать, спеціальныя задачи. Для русскихъ сиротъ, для воспитанія дѣтей бѣдныхъ церковно-служителей и служащихъ въ краѣ не было почти никакихъ учрежденій, такъ какъ нельзя считать существующими для русскихъ виленскія благотворительныя заведенія, до сихъ поръ находящіяся въ рукахъ поляковъ. Самый доступъ въ эти заведенія былъ почти закрытъ для русскихъ, не говоря уже о томъ, что немногія русскія дѣти, находившія въ нихъ пріютъ по какому-либо особому случаю, ополячивалис въ нихъ. Графъ Муравьевъ рѣшилъ дать средства монастырю и поставить ему въ обязанность содержаніе пріюта для сиротъ православнаго духовенства и дѣтей бѣдныхъ русскихъ чиновниковъ. Пріютъ, открытый при монастырѣ въ концѣ прошлаго года, приготовляетъ своихъ воспитанницъ къ должности наставницъ въ народныхъ училищахъ. Въ послѣднемъ изъ трехъ двухъ-годичныхъ классовъ пріюта воспитанницы будутъ практически усвоивать себѣ лучшіе способы народнаго обученія. Монастырь старается также приготовить воспитанницъ къ будущей трудовой сельской жизни. На содержаніе пріюта монастырь удѣляетъ не меньше 2,000 р. с. При открытіи пріюта въ него поступили на казенное содержаніе 11 дѣвочекъ, на своекоштное 7 и приходящихъ 4. Затѣмъ монастырь св. Маріи Магдалины—единственное убѣжище въ краѣ для евреекъ, принимающихъ православіе. Дѣвушка, рѣшившаяся оставить еврейство, бѣжитъ обыкновенно подъ защиту священника или чиновника; затѣмъ ее пересылаютъ въ Вильну съ нужными предосторожностями, иногда даже съ конвоемъ, чтобы евреи не отбили дорогою; въ Вильнѣ консисторія передаетъ дѣвушку маріинскому монастырю для укрѣпленія ея въ православіи. Дѣвушекъ, вырывающихся изъ страшной духоты талмудической жизни преимущественно въ слѣдствіе долгаго житья

съ русскими, монастырь старается пристроить къ мѣсту и ни въ какомъ случаѣ не отпускаетъ новообращенныхъ на всѣ четыре стороны, причемъ гибель ихъ была бы неизбѣжна. Фанатики талмуда не остановятся ни предъ какими средствами, чтобы показать на дѣлѣ, до чего можетъ «довести еврейку принятіе православія.» Въ монастырѣ нашли уже пріютъ болѣе сорока евреекъ, и всѣ онѣ такъ или иначе устроены, равно какъ и немногіе католички, принявшія православіе въ маріинской обители. Ходитъ слухъ, пишутъ въ *Совр. Лѣтописи*, откуда мы и заимствуемъ эти свѣдѣнія, что теперешнія обстоятельства монастыря могутъ заставить общину его сестеръ просить о возвращеніи ихъ въ Москву. Обстоятельства эти—недостатокъ средствъ содержанія его въ тамошнемъ краѣ.

(Веч. Газ.)

КЪ ЗАБОТАМЪ О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ХРАМОВЪ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Положеніе православныхъ церквей на западной и южной окраинахъ государства до недавнихъ лѣтъ было почти вовсе неизвѣстно внутри Россіи. У насъ не знали, что въ дѣлѣ устройства православныхъ церквей существуетъ рѣзкая разница въ разныхъ областяхъ русской земли. Подъ Москвой, напримѣръ, въ Нерехотскомъ уѣздѣ со многихъ пригорковъ видны свыше тридцати каменныхъ церквей, разбросанныхъ по самымъ незначительнымъ селамъ, а на югѣ: напримѣръ, въ Таврической губерніи, встрѣчаются безъ церкви большія села въ нѣсколько тысячъ жителей; въ западномъ краѣ многія церкви крыты соломой и однимъ лишь крестомъ отличаются отъ окружающихъ избъ. За ветхостію иныхъ церквей въ нихъ прекращено богослуженіе. Во внутреннихъ губерніяхъ не могутъ составить себѣ понятіе о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои происходятъ отъ небреженія къ устройству церквей. На югѣ оно привело къ вопіющимъ явленіямъ, коихъ недавно слегка, не вполнѣ зная дѣло, коснулись наши газеты, толкуя о сектѣ штундовцевъ, распространившейся будто бы въ се-

леніяхъ сосѣднихъ колоніямъ выходцевъ изъ Германіи. Вотъ что приходилось мнѣ слышать отъ людей знающихъ мѣстность. Большія села Таврической губерніи не имѣютъ церквей и приписаны не рѣдко за 30 верстъ и больше. При затруднительности тамошнихъ сообщеній во всѣ времена года, кромѣ лѣта, жители приписанныхъ селъ почти не посѣщаютъ приходской церкви, почти не имѣютъ сношеній съ своимъ духовенствомъ. Безъ церкви, безъ школы, несчастный православный людъ опускается во всѣхъ отношеніяхъ, что вы замѣтите тотчасъ по крайне жалкому виду православнаго поселка, сравнительно съ цвѣтущимъ состояніемъ сосѣдней нѣмецкой колоніи. Крестьяне, болѣе другихъ волнуемые религіозными инстинктами, обращаются въ эти колоніи съ просьбой почитать имъ Библію, перевести псалмы и пр. Если бы колонисты изъ Германіи обладали духомъ прозелитизма и менѣе презирали туземцевъ, они давно бы надѣлали изъ сихъ послѣднихъ множество менонистовъ, гернгутеровъ и пр. Но колонисты тщательно воздреживались отъ пропаганды. Секта штундовцевъ, читающихъ Библію и распѣвающихъ псалмы по-нѣмецки, вѣроятно, образовалась въ поселкахъ, такъ-называемыхъ на мѣстѣ, мальчиковъ. Колонисты нѣмецкаго происхожденія берутъ себѣ въ работники мальчиковъ изъ туземцевъ съ самаго малаго возраста, и часто на условіи, чтобы напятый жилъ въ работникахъ пока ему не исполнится 21 годъ, и съ тѣмъ, чтобы онъ получилъ почти все вознагражденіе за всѣ годы въ концѣ найма. Эти работники-мальчики усвоиваютъ себѣ нѣмецкій языкъ, порядки, обычаи, одежду колонистовъ. Изъ нихъ-то образовалось нѣсколько поселковъ, соперничающихъ въ благосостояніи съ колоніями. Но главная бѣда не въ мальчикахъ, не въ штундовцахъ. Когда послѣ выселенія татаръ въ Турцію, хлынули въ Таврическую губернію переселенцы изнутри Россіи, между ними явились и шалопуты. Они нашли готовую почву для пропаганды, почти одичалый людъ. Секта шалопутовъ стала сильно распространяться, и за тѣмъ пошли оскопленія малой и большой печати. Часть прежнихъ жителей православнаго закона, перепуганная уродствомъ и захватывавшимъ иногда то одного, то другаго члена семьи, умо-

дяяла налальство о заступничествѣ и о высылкѣ шалопутовъ. На летало сѣдствіе за слѣдствіемъ. Мпѣ извѣстно чѣмъ кончилась борьба администраціи. Между тѣмъ отъ людей весма свѣдущихъ приходилось слышать, что на постройку церквей въ иныхъ салахъ были собрапы и ассигнованы значительныя суммы, по переписка яо дѣлу затянулась на много лѣтъ. Извѣстно, что еще недавно производство построекъ было обставлено у насъ непроходимыми затрудненіями и стѣсненіями. Надо замѣтить еще, что православное духовенство на югѣ не рѣдко пользуется такимъ вліяніемъ, которое весьма желательно бы видѣть почаще во внутреннихъ губерніяхъ. Все сказанное относится впрочемъ къ бывшему за нѣсколько лѣтъ назадъ; теперешнее положеніе дѣлъ въ Таврической губерніи мнѣ неизвѣстно.

Запущеніе православныхъ церквей въ западномъ краѣ было одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ, помощію коихъ ополячившееся дворянство, вотъ ужо котрвый вѣкъ, создаетъ всяческія бѣдсѣвія и волненія для западно-русскаго народа, этого истаог народа-мученика. Крѣпостное право, сложившееся въ западныхъ губерніяхъ, по своей тягости, не можетъ быть и сравниваемо съ крѣпостью во внутреннихъ губерніяхъ. Почти всѣ западно-русскіе крестьяне были доведены до нищеты не виданной внутри Россіи; они не могли удѣлять ни копѣйки на свои храмы. Тщетно императоръ Николай I старался склонить ополяченныхъ помѣщиковъ къ возобновленію церквей: почти вдздѣ онѣ остались въ развалинахъ. Православное духовенство терпѣло отъ пановъ всевозможныя гоненія и притѣсненія. По неимѣнію помѣщеній для причта, многіе священики нанимали клѣтушкп въ жидовскихъ корчмахъ, что и о сю пору пе вездѣ прекратилось. Выданную имъ субсидію на устройство помѣщеній для причтовъ паны растратили, а газета *Вѣсть* вопіетъ по поводу взысканія теперь недоимокъ по церковнымъ постройкамъ.

Въ прошлогоднемъ воззваніи къ жертвователямъ отъ преосвященнаго Саввы, епископа полоцкаго и витебскаго, мы читаемъ:

»Многія изъ сельскихъ церквей пришли въ такую ветхость, что угрожаютъ паденіемъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ, по ихъ со-

вершенной ветхости, съ давняго времени прекращено богослуженіе и прихожане или вовсе остаются безъ богослуженія, или, для удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, обращаются къ сосѣднимъ латинскимъ костеламъ.

«При крайней бѣдности бѣлорусскаго населенія, находившагося столь долгое время подъ тяжкимъ угнетеніемъ польскаго владычества, нѣтъ никакой надежды на матеріальную помощъ самихъ прихожанъ.»

Таково о сю пору положеніе церквей въ западномъ краѣ!

Заботы правительства объ этихъ церквахъ начались собственно въ началѣ нынѣшняго царствованія. Въ 1858 году рѣшено устранить помѣщиковъ отъ заботъ по устройтсву церквей въ ихъ имѣніяхъ и передать дѣло въ руки администраціи, съ тѣмъ чтобы оно велось частію на пособія отъ казны, частію на пожертвованія собираемыя со всѣхъ концовъ русской земли. Понятно, что въ 1858 году никакой роли въ дѣлѣ не могло быть предоставлено симимъ прихожанамъ, состоявшимъ почти исключительно изъ крѣпостныхъ.

Результаты по устройству церквей, достигнутые на частныя средства, по частной иниціативѣ, оказывающіеся громадными за 10 лѣтъ, подробно изложены въ отчетѣ П. Н. Батюшкова, завѣдывевшаго церковно-строительнымъ дѣломъ въ западномъ краѣ, (См. № 4 *Современной Лѣтописи* 1868 г.) Достаточно напомнить читателямъ, что частныхъ пожертвованій деньгами собрано было 416 тысячъ рублей, разныхъ церковныхъ принадлежностей почти на милліонъ рублей, книгъ до 50 тыс. экземпляровъ, и все это разослано въ 4.120 пунктовъ края. Эта помощь дорога еще тѣмъ, что она приходила вовремя, въ нужную минуту.

Г. Батюшковъ сообщаетъ, что казенныя пособія, отпущенныя съ 1858 по 1867 годъ, достигли цифры 2.174. 872 руб. или около 2½ тысячъ рублей на церковь. Вотъ объ этихъ-то пособіяхъ для Виленской и Гродненской губерній будетъ наша рѣчь.

Въ 1858 году на постройку и возобновленіе церквей полагалось сдѣлать заемъ изъ кредитныхъ учрежденій, съ тѣмъ чтобъ

онъ былъ покрытъ изъ доходовъ приходскихъ имѣній, въ которыхъ церкви доведены панами до разрушенія. Сумма, ассигнованная на постройки, по необходимости была довольно ограниченна, и на первый разъ рѣшили сосредоточить всѣ усилія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ западномъ краѣ церкви строились возобновлялись сначала почти исключительно въ Минской, Витебской и Могилевской губерніяхъ,

Графъ Муравьевъ, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ край, обратилъ вниманіе на то, что исправленіе церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Виленской и Гродненской губерній почти вовсе не начиналось. Независимо отъ помощи этому дѣлу изъ суммъ собранныхъ графомъ Муравьевымъ и бывшихъ въ его распоряженіи, онъ испросилъ въ 1864 году ассигнованіе отъ государственнаго казначейства собственно для церквей Виленской, Гродненской и Ковенской губерній 500 тысячъ рублей разсроченныхъ на 5 лѣтъ. Я говорю здѣсь о томъ Высочайшемъ повеленіи, которое упомянуто въ письмѣ П. Н. Батюшкова, напечатанномъ въ № 282 *Московскихъ Вѣдомостей* 1867 года и написанномъ по поводу сообщенныхъ газетами извѣстій о чрезвычайныхъ затрудненіхъ, испытанныхъ церковно-строительнымъ дѣломъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, въ прошломъ году.

Графъ Муревьевъ взялъ постройки въ этихъ гуаерніяхъ въ свое непосредственное завѣдываніе. Онъ стрался вести дѣло при участніи самихъиприхожанъ. Приходскіе церковные совѣты обсуждали средства къ устройству церкви, вызывали пожертвованія прихожанъ деньгами, матеріалами, исполненімъ части работъ и пр. Совѣты дѣйствовали подъ ближайшимъ наблюденіемъ комитетовъ; главное руководство дѣломъ лежало на губернскихъ комитетахъ.

Въ восточныхъ губерніяхъ края слѣдовали обыкновенному подрядному порядку. По разсмотрѣніи и утвержденіи проекта и смѣты въ Петербургѣ, на мѣстѣ постройка производилась подъ наблюденіемъ губернаторовъ и командируемыхъ чиновниковъ. Особая коммиссія, отправленная Муравьевымъ въ помянутыя губерніи, а также посыланные имъ чиновники указывали на неудов-

летворительность обыкновеннаго порядка построекъ. Нѣкоторыя изъ недавно построенныхъ церквей оказывались будто бы поврежденными; подрядчики-евреи слишкомъ мало заботились о прочности постройки и доброкачественности матеріаловъ. Не знаю въ какой мѣрѣ все это справедливо, но здѣсь всѣмъ извѣстно, что графъ Муревьевъ полагалъ нужнымъ передать въ его завѣдываніе устройство церквей во всѣхъ губерніяхъ сѣверо-западнаго края. Вопросъ поднятый графомъ Муравьевымъ разрѣшенъ въ смыслѣ его мнѣній вышедшими недавно правилами, въ которыхъ заведенный имъ порядокъ, въ главныхъ чертахъ, принятъ для всѣхъ девяти западныхъ губерній (*Сѣверная Почта № 22*).

Муравьевъ взялся за устройстсо церквей съ чрезвычайнымъ рвеніемъ, но это было уже не задолго предъ его отъѣздомъ изъ Вильны. Онъ успѣлъ повести дѣло въ такихъ размѣрахъ, что ежегодной статысячной субсидіи было на то недостаточно. Онъ успѣлъ получить всего 30 тыс. рублей въ счетъ ассигнованныхъ 100 тысячъ, но за то разрѣшилъ взять заимобразно большія суммы изъ процентныхъ сборовъ. Нужда была вопіющая: до сихъ поръ вѣдь не рѣдки церкви» недоступныя для богослуженія»‘ какъ выражаются въ Вильнѣ. Широкій размѣръ дѣла опредѣлился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣлись средства подъ рукой въ процентномъ сборѣ. Въ концѣ года генералу Кауфману пришлось зачислить такъ-называемымъ дѣйствителнымъ расходомъ довольно значительныя заимствыванія изъ процентныхъ сборовъ.

Въ 1866 году эти сборы вышли изъ распоряженія генералъ-губернатора. Окончаніе начатыхъ построекъ и немногія новыя работы старались распредѣлить такъ, чтебы обойдтись 100 тыс. руб., асигнованными по Высочайшему повелѣнію 1864 года.

Отсюда начинаются затрудненія въ церковно-строительномъ дѣлѣ Виленской и Гродненской губерній.

Здѣшніе губернскіе комитеты, кажется, долго не знали, что предстоитъ сокращеніе отпускаемой по росписи 450-тысячной суммы на церковныя постройки всего западнаго края до размѣра 300 тысячъ рублей. Нѣкоторые ожидали, что на Виленскую и Гродненскую губерніи, вслѣдствіе повелѣнія 1864 г., а также въ ви-

ду того, что къ дѣлу лишь приступають, что оно начато широко, все-таки будетъ назначено 100 т. р. Въ Петербургѣ же, кажется, не было извѣстно въ точности, въ какихъ именно размѣрахъ поведено устройство церквей: оно находилось, какъ мы сказали, въ непосредственномъ распоряженіи генералъ-губернатора.

И вотъ весной прошелъ слухъ, что министерство не можетъ опредѣлить въ 1866 году на Виленскую и Гродненскую губерніи болѣе 50 тысячъ рублей. Говорили, будто остальные 250 тысячъ рублей будутъ распредѣлены въ другихъ губерніяхъ по утвержденнымъ проектамъ. Помнится, что особенно поминали соборы въ Житомірѣ и еще гдѣ-то. Распространившійся слухъ произвелъ тяжкое впечатлѣніе. Не было никакой возможности обойдтись 50-ю тысячами рублей, тѣмъ болѣе что начались обращенія въ православіе цѣлыхъ населеній, потребовавшія немедленной передѣлки костеловъ на церкви. Изъ отчета оберъ-прокурора извѣстно, что въ литовской епархіи открыто 19 новыхъ приходовъ. Толковали тогда, что широкій и горячій приступъ къ дѣлу произвелъ сильное впечатлѣніе на крестьянскій людъ, особенно на католиковъ, и что остановка построекъ, кромѣ неизбѣжныхъ убытковъ, могла вызвать реакцію. Въ этихъ словахъ есть достаточная доля правды, благодаря особенно прискорбному настроенію здѣшняго католическаго духовенства, не упускающаго случая воспользоваться всякимъ нашимъ затрудненіемъ.

Къ счастію, разнесшійся слухъ не оправдался, какъ видно изъ упомянутаго письма г. Батюшкова, въ 1866 г. отпущено тогда 92.902 руб. Все-таки многія работы не могли быть исполнены или оплачены по условіямъ, такъ какъ передѣлки костеловъ на церкви потребовали большихъ средствъ. Нѣкоторыя работы исполнены на заимствованіе изъ средствъ назначавшихся на другое употребленіе или пожертвованныхъ на другія церкви, какъ напримѣръ, въ Вишневѣ Ошмянскаго уѣзда, Голомыслѣ Лидскаго уѣзда, и проч. Къ сожалѣнію, потребовалось нѣсколько дополнительныхъ работъ для иныхъ построекъ, напримѣръ, въ Дубину и другихъ церквей Ошмянскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, въ 1867 году, требовались значительныя

суммы какъ на производство начатыхъ работъ, такъ для уплаты долговъ и возврата заимствований. Администрація приказала собрать полныя свѣдѣнія и отправила ихъ въ Петербургъ. Дальше я могу говорить съ большею увѣренностью, такъ какъ о ходѣ построекъ 1867 года приходилось слышать безконечные то ки людей весьма компетентныхъ,

На окоочаніе начатыхъ построекъ въ Гродненской губерніи, въ 1867, требовалось 45 тысячъ рублей и кромѣ того на самыя нужныя постройки и исправленія, необходимость коихъ была признана по представленіямъ губернатора и для коихъ частью заготовлены матеріалы, считали, кажется, 54 тысяче рублей.

По Виленской губерніи на начатыя работы требовалось до 83 тысячъ р. и около 56 тысячъ р. нужны бы были на новыя.

Вообще по двумъ губерніямъ на начатыя постройки требовалось свыше 127 тысячъ р.. а для новыхъ исчислено около 100 тысячъ р.

Ожидать отпуска громадной суммы 237 тысячъ р., конечно, не было возможности, и здѣсь толковали, что хотятъ отложить всѣ проектированныя нывыя постройки и просить лишь отпуска 127 тысячъ р. на неотложное продолженіе начатыхъ работъ.

Кажется, въ апрѣлѣ въ Вильнѣ были порадованы извѣстіемъ о первомъ отпускѣ нужныхъ денегъ, но вскорѣ узнали, что полученъ кредитъ на 10 тысячъ рублей, назначенныхъ для передѣлки костеловъ переимущественно въ Минской губерніи, гдѣ шли массами присоединенія католиковъ къ православію. Говорятъ, изъ этихъ 10 тысячъ рублей до 7 тысячъ ушло на Минскую губернію...

Въ началѣ мая интересующіеся дѣломъ, особенно архитекторы и подрядчики, просіяли: 35 тысячъ р. пришли: 20 тысячъ на Виленскую и 15 тысячъ на Гродненскую. А главное утвеждали, что вся остальная сумма, до 127 тысячъ р., нужная на продолженія начатыхъ построекъ, будетъ отпущена въ теченіе лѣта.

Затѣмъ къ концу августа обращены на работы по церквамъ Виленской и Гродненской губерній еще 30 тысячъ р. Говорили, что они взяты изъ назначавшихся на второразрядныя постройки

Витебской, Могилевской и Минской губерній, неуспѣвшія получить утвержденія.

Полученіе 65 или 68 тысячъ р. вмѣстѣ съ 11.300 р., отпущенными изъ процентнаго сбора (см. письмо г. Батюшкова), не могли не произвести величайшихъ затрудненій, тѣмъ болѣе что работы велись въ ожиданіи полнаго отпуска 117 тысячъ р.

Изъ числа полученныхъ 34—40 тысячъ р. для Виленской губерніи, въ ней, по множеству начатыхъ работъ, можно было удѣлить изъ обоихъ полученій на каждую церковь вдвое, втро и еще меньше чѣмъ требовалось по производимымъ работамъ. Изъ втораго полученія на церкви въ Лидскомъ уѣздѣ не пришлось ничего. Начатую постройку, въ случаѣ надобности, прерываютъ обыкновенно лишь при извѣстномъ размѣрѣ исполненныхъ работъ; иначе неизбѣжны поврежденія выстроеннаго и порча заготовленныхъ матеріаловъ. Во избѣжаніе такихъ золъ, а также для разчета съ подрядчиками, предъявляющими справедливыя претензіи по заключеннымъ условіямъ и исполненнымъ работамъ, потребовались чрезвычайныя усилія. Говорятъ, будто одного изъ подрядчиковъ принуждены были взять для прокормленія при полиціи; но кажется это преувеличено. Чиновники старались помочь затрудненіямъ, затрачивая собственныя деньги.

Администрація, въ виду случившагося, тотчасъ стала просить о дополнительныхъ отпускахъ, и въ декабрѣ разрѣшенъ отпускъ еще 50.000 рублей *въ счетъ кредита на настоящій годъ*.

Нельзя не надѣяться, что подробный и по необходимости довольно скучный разказъ нашъ устранитъ возможность пререканій, о которыхъ упоминаетъ П. Н. Батюшковъ въ своемъ письмѣ. Затрудненія вышли потому, что заботы по устройству церквей въ западномъ краѣ были разъединены: онѣ раздѣлялись между Петербургомъ и Вильной. И тутъ и тамъ могли не имѣть полныхъ свѣдѣній о всемъ объемѣ и ходѣ дѣла. Вновь изданныя правила въ извѣстной мѣрѣ сосредоточили дѣло по устройству церквей въ западномъ краѣ въ рукахъ генералъ-губернаторовъ.

До сихъ поръ казенныя пособія, назначаемыя по росписи на церковно-строительное дѣло въ западныхъ губерніяхъ, старались

распредѣлять равномѣрно между всѣми девятью губерніями, но на дѣлѣ приходилось дѣлать въ Виленскую и Гродненскую губерніи болѣе значительные отпуски и даже прямо переводить для нихъ суммы уже опредѣленныя на другія губерніи края. Равномѣрное распредѣленіе пособій представляетъ большія неудобства.

1) Возобновленіе церквей въ Виленской и Гродненской губерніяхъ началось лишь три или четыре года тому назадъ и требуетъ большой помощи.

2) Въ этихъ губерніяхъ, а также въ Минской, совершались значительныя обращенія въ православіе, требующія передѣлки костеловъ на церкви. Въ тѣхъ же губерніяхъ закрываются нѣкоторые костелы по излишеству, потому что передѣланы изъ захваченныхъ цевквей, о чемъ производятся иски православнымъ духовенствомъ (иные захваты относятся къ сороковымъ годамъ этого столѣтія).

3) въ указанныхъ губерніяхъ начаты большія работы, и размѣръ ихъ не можетъ быть сокращенъ сразу. Отъ прошедшаго года остаются значительные долги.

4) По всей справедливости, помѣщики, доведшіе церкви до разоренія, должны нести на себѣ значительную долю расходуемыхъ казной пособій, что удобно достигается опредѣленіемъ на церковно-строительное дѣло части будущихъ процентныхъ сборовъ.

Отчетъ П. Н. Батюшкова оканчивается извѣщеніемъ, что онъ не можетъ болѣе принимать заявленія о нуждахъ церквей; церковно-строительное управленіе по западному краю, которымъ онъ завѣдывалъ, упразднено новыми правилами. Между тѣмъ у П. Н. Батюшкова сосредочивались пожертвованія не одного Петербурга; но со всей Россіи, за послѣднее время даже церкви, передѣлываемыя изъ костеловъ, не могли бы быть освящены безъ церковныхъ принадлежностей, на которыя не достаетъ средствъ. Нельзя не пожелать, чтобы въ Петербургѣ кто-нибудь взялъ на себя сборъ пожертвованій, какъ это дѣлаетъ напримѣръ И. И. Четвериковъ въ Москвѣ, которому такъ много обязаны здѣшнія церкви.

Виленскій Старожилъ.

ВОПРОСЪ О МѢСТНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ ЮГОЗАПАДНАГО КРАЯ.

Въ брошюрѣ, недавно отпечатанной въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: *„Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи,“* за главой о католицизмѣ, какъ главной опорѣ польской національности въ Россіи, слѣдуетъ небольшая глава о православномъ духовенствѣ западнаго края, озаглавленная „бывшее *уніатское* духовенство.“ По поводу появленія этой брошюры, въ мѣстномъ правительственномъ органѣ „Кіевлянинѣ“ помѣщена (№ 131-й 1868 года) передовая статья, въ которой весьма разумно указаны ошибки автора сказанной брошюры. Считаемъ необходимымъ познакомить мѣстное православное духовенство какъ съ обвиненіемъ, взводимымъ на него неизвѣстнымъ авторомъ брошюры, такъ и съ апологіею православ. клира, за которую нельзя не поблагодарить редакцію „Кіевлянина.“ „Нѣсколькими фразами главы авторъ кидаетъ серьозное обвиненіе въ лицо всему западнорусскому православному духовенству, обвиненіе,—мы полагаемъ, *теперь* слишкомъ безосновательное. Вотъ что говоритъ авторъ:

Мѣстное духовенство и нынѣ не перестало говорить по-польски съ своими женами и съ крестьянами, въ содѣйствіи которыхъ нуждается для обработки полей своихъ. Никогда не видя, какъ служитъ и совершаетъ разные обряды чисто русское духовенство, священникъ старается, по своему крайнему уразумѣнію, подлѣлываться подъ русско-православный ладъ, и не зная, хорошо-ли онъ исполняетъ новую роль свою, не увѣренъ въ себѣ, робокъ, низкопоклоненъ и льститъ всѣмъ, а преимущественно мѣстному гордому дворянству. Большая часть нынѣшнихъ дѣятелей родилась въ уніатствѣ, т. е. чистыми поляками (??); въ извѣстномъ уже возрастѣ, въ семинаріяхъ или по выходѣ изъ нихъ, они были передѣланы въ православныхъ, оставаясь по языку, нравамъ и обычаямъ поляками; наконецъ въ 1864 году имъ велѣно быть русскими, и они, очень хорошо понимая, что ихъ существованіе связано съ существованіемъ русскаго правительства въ западномъ краѣ, стараются быть русскими; но всѣ эти передѣлки дѣлались только по указамъ, безъ руководителей, техниковъ и спеціалистовъ, которые бы словомъ и примѣромъ ставили каждаго на указанное ему православіемъ и правительствомъ мѣсто.“

Какъ выходъ изъ этого „крайне неловкаго и почти постыднаго положенія,“ авторъ предлагаетъ переселеніе въ западный край священниковъ изъ центральной Россіи, среднимъ числомъ по три на уѣздъ, съ назначеніемъ ихъ благочинными и съ предоставленіемъ имъ другихъ льготъ и преимуществъ. Безъ того же, говоритъ онъ, „никакая сила не искоренитъ полонизма вошедшаго еще въ нѣдрахъ матерей въ организмъ тамошняго (западнорусскаго) духовенства.“

Прежде всего, авторъ сильнѣйшимъ образомъ ошибается, считая „уніатовъ“ и „чистыхъ поляковъ“—за одно и то-же. Это далеко не вѣрно, и исторія, равно какъ и современная дѣйствительность, можетъ убѣдить его, что взглядъ шляхетныхъ и урожоныхъ пановъ на уніатовъ врядъ-ли чѣмъ отличался отъ взгляда ихъ на „схизматиковъ“, т. е. православныхъ, а также и въ томъ, что принадлежность къ уніатской церкви отнюдь не предполагаетъ отреченія отъ русской народности и полнаго ополяченія. Вспомнимъ хоть луцко-дубенскую коммиссію 1788 года. Преслѣдованіямъ поляковъ, т. е. тамошней шляхты, подвергались уніатскіе (православныхъ тамъ почти не было) священники, на равнѣ съ уніатами же хлопами, по подозрѣнію въ сочувствіи ихъ русскому народу, православно-русскому козачеству и православно-русскому государству. Ихъ подозрѣвали въ сообществѣ съ раскольниками - пилипонами, яко-бы возбуждавшими народъ къ возстанію противъ пановъ. Это подозрѣніе было на столько сильно и казалось на столько основательнымъ (хотя основательность обвиненій и не была никогда положительно доказана), что предводители конфедераціи осмѣлились обвинить даже высшее духовенство—епископовъ, которые вынуждены были вслѣдствіе этого издать особое оправдательное посланіе, съ увѣщаніемъ духовенству воздерживаться отъ вмѣшательства въ неподлежащія вѣдѣнію дѣла. Иные священники, какъ напр., уніатъ-же Бондаревскій, поплатились жизнью, за то только по преимуществу, что они были уніаты. Врядъ-ли ихъ можно, поэтому, отождествлять съ поляками, да еще *чистыми*.

Аналогическое до нѣкоторой степени явленіе представляетъ въ настоящее время Галичина. Кто составляетъ въ ней главную опору русской народности? Кто единственно

поддерживалъ въ теченіе долгаго времени народное самосознаніе и противодѣйствовалъ окончательному ополяченію восточной Галиціи? Уніатское духовенство. Изъ какой среды вышли дѣятели, содѣйствіе которыхъ оказывается теперь небезполезнымъ и для русскаго правительства, напр. Я. Ф. Головацкій и о. М. Куземскій?—Изъ среды тѣхъ же людей „ritus græco-uniti,“ которыхъ авторъ „Послѣдняго слова“ ставитъ на равнѣ съ противодѣйствующими русскому дѣлу поляками....

Но если бы принадлежность къ уніи и составляла признакъ полонизма (что въ прежнее время было до нѣкоторой степени вѣроятно), то и тогда нельзя обвинять такъ голословно западно-русское духовенство, какъ это дѣлаетъ авторъ. Не говоря уже о томъ, что въ юго-западномъ краѣ, и особенно въ такъ называемой Украинѣ, во время присоединенія этого края къ Россіи было немалое число священниковъ не-уніатовъ, и что унія имѣла здѣсь вообще очень мало послѣдователей,—„нынѣшніе духовные дѣятели“ по большей части принадлежатъ времени болѣе новому, когда унія перестала уже существовать въ западномъ краѣ. Зная довольно близко бытъ и характеръ здѣшняго духовенства, мы можемъ утверждать, не опасаясь ошибиться, что въ средѣ его нѣтъ людей съ серьознымъ уніатскимъ и польскимъ оттѣнкомъ. Правда, что въ недавнее время можно было услышать полупольскую рѣчь среди семейства священника, особенно на Подольи и въ западной Волыни. Но авторъ „Послѣдняго слова“ ошибается, думая, что это доказываетъ внутренній полонизмъ самаго здѣшняго духовенства. Къ польскому языку они привыкли по необходимости. Пока языкъ этотъ слышался вездѣ между людьми вліятельными, и въ судѣ и въ школѣ, и въ частной жизни; пока не было увѣренности, что съ вами врядъ ли станутъ и говорить, если вы обратитесь по русски, а не по польски,—трудно было не знать и не употреблять этого языка. Но какъ только измѣнились обстоятельства, какъ только русскій языкъ получилъ надлежащее ему мѣсто и значеніе,—польщизна выходитъ рѣзко и замѣтно изъ употребленія между духовенствомъ нашего края.

Польщизна эта была ему прямо навязана самымъ складомъ мѣстной жизни, и говоря иногда по-польски, оно тѣмъ не

менѣе всегда отличалось сочувствіемъ русскому дѣлу. Лучше всего доказываетъ это исторія послѣдняго возстанія и особенно тотъ фактъ, что крестьяне, оказывавшіе вообще такую подозрительность по отношенію къ всему не-мужицкому, видѣвшіе вездѣ обманъ и измѣну,—въ сомнительныхъ случаяхъ всегда съ полнымъ довѣріемъ обращались къ духовенству. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы отношенія ихъ къ нему были вообще удовлетворительны: вспомнимъ 1855 годъ...

Въ крайнемъ даже случаѣ, если бы между мѣстнымъ духовенствомъ замѣчались какіе либо слѣды полонизма, мы не думаемъ, чтобы этому могло пособить предлагаемое авторомъ средство—переселеніе изъ внутреннихъ губерній нѣсколькихъ десятковъ священниковъ въ западный край. Во-первыхъ, насколько позволяютъ судить имѣющіяся въ литературѣ данныя, духовенство центральной Россіи стоитъ въ отношеніи образованія ничуть не выше, если не ниже духовенства западно-русскаго. Но только люди, изображающіе русское сельское духовенство въ мрачныхъ краскахъ, какъ напримѣръ авторъ книги „Сельское Духовенство въ Россіи,“ но и противники ихъ даютъ основаніе думать такимъ образомъ (см. напримѣръ „Мысли свѣтскаго человѣка о сел. духовенствѣ въ Россіи).“ Мало того: священнику приходится имѣть дѣло не съ мертвой буквой, не съ бумагами, а съ жизнью, съ дѣйствительностью. Здѣсь мало одного образованія; нужно еще знакомство съ характеромъ среды, нужно знаніе людей, съ которыми имѣешь дѣло; безъ этого невозможно никакое вліяніе со стороны духовника на своихъ прихожанъ, или со стороны, напримѣръ, благочиннаго на подвѣдомственныхъ ему священниковъ.

Мы думаемъ, что для русскаго дѣла въ западномъ краѣ было-бы гораздо полезнѣе въ этомъ отношеніи поднятіе вообще умственнаго и нравственнаго уровня *мѣстнаго* православнаго духовенства. Улучшеніе учебной части духовнаго вѣдомства, обезпеченіе сельскихъ священниковъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ чтобы они были вполнѣ независимы отъ поляковъ-помѣщиковъ, измѣненіе характера землевладѣнія и всей вообще жизни мѣстнаго образованнаго общества, — все это, мы думаемъ, окончательно изгладитъ всякій слѣдъ поло-

низма въ духовенствѣ нашего края; и гораздо бы лучше 160,000 рублей, которыя, по расчету автора, потребовались бы на проэктируемыя имъ переселенія, употребить на выполненіе упомятутыхъ мѣръ, болѣе радикально могущихъ способствовать успѣху русскаго дѣла въ западномъ краѣ."

Къ сказанному въ „Кіевлянинѣ," можно бы прибавить еще многое въ доказательство несостоятельности мнѣній автора „Послѣдняго слова о польскомъ вопросѣ." Танцуя и костюмируясь на кіевскихъ балахъ, онъ видно не изучилъ ни жизни самаго православ. духовенства, ни его исторіи въ югозападномъ краѣ, и обнаруживаетъ относительно этого предмета крайнее невѣжество. Авторъ упрекаетъ православное духовенство и въ полонизмѣ и въ неумѣньи совершать богослуженіе по православному уставу. „Мѣстное духовенство, говоритъ онъ, и нынѣ не перестало говорить по польски съ своими женами и крестьянами." Такъ какъ авторъ распространяетъ это и на кіевскую губернію, то пусть онъ вѣдаетъ, что польскій языкъ мало знакомъ священникамъ и крестьянамъ черкасскаго, чигиринскаго, звенигородскаго, кіевскаго и значительной части уманскаго уѣзда; онъ далеко не свой многимъ священникамъ другихъ уѣздовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ относителвно нашего духовенства, пусть авторъ брошюры потрудится прислушаться къ рѣчи семинаристовъ въ Кіевѣ: на какомъ языкѣ они бесѣдуютъ между собою, и узнаетъ, что хотя большая часть изъ нихъ понимаютъ польскую рѣчь, но никто изъ нихъ не говоритъ по-польски, рѣдкіе могутъ объясниться на этомъ языкѣ и потому говорятъ всегда порусски, а иногда, въ разговорѣ о предметахъ неважныхъ, и на мѣстномъ народномъ малорусскомъ нарѣчіи. Но одного знанія мѣстнымъ правосл. духовенствомъ польскаго языка, полагаемъ, нельзя поставить въ вину ему, скажемъ болѣе: мѣстное правосл. духовенство даже обязано знать языкъ иновѣрнаго племени, которое морально доселѣ преобладало въ этомъ краѣ и продолжаетъ свои усилія во вредъ православной церкви, должно знать этотъ языкъ, чтобы ограждать православныхъ мірянъ отъ латинской пропоганды и съ своей стороны воздѣйствовать на членовъ латинской церкви. Съ этою конечно цѣлію, т. е. для миссіонерскихъ потребностей, польскій языкъ до 1843 г., былъ

допущенъ свят. сvнодомъ въ число предметовъ семинарскаго курса въ югозападномъ краѣ и въ кіев. духов. академіи. Да и не страннымъ ли кажется требованіе незнанія православнымъ здѣсь клиромъ польскаго языка, когда Римъ готовитъ миссіонеровъ съ знаніемъ мѣстныхъ нарѣчій всего земнаго шара? Не такъ разсуждали наши предки, которые считали дѣломъ благоразумія знать оружіе своихъ враговъ; довольно упомянуть, что всѣ кіевскіе митрополиты съ Петра Могилы до преосв. митрополита Серапіона знали польскую литератуту и польскій языкъ весьма основательно; митрополитъ Евгеній выучился польскому языку уже по прибытіи на кіевскую паству. При назначеніи въ 1785 г. архимандрита Виктора *Садковскаго* во епископа для православныхъ обитателей югозападнаго края, состоявшаго тогда, кромѣ Кіева, подъ польскимъ владычествомъ, правительство русское имѣло въ виду и знаніе имъ польскаго языка. Нѣтъ нужды разъяснять здѣсь, насколько знаніе польскаго языка пригодилось м. Петру Могилѣ и его преемникамъ на кіев. каѳедрѣ, а также другихъ духовнымъ лицамъ здѣшняго края, которые считали весьма полезнымъ издавать на польскомъ языкѣ и полемическія сочиненія противъ отступленій латинской вѣры. У насъ горюютъ, что духовенство казанской епархіи, живя среди татаръ, не знаютъ татарскаго языка, и потому не имѣетъ возможности противодѣйствовать совращенію въ магометанство крещенныхъ татаръ; а духовенство югозападнаго края обвиняется за знаніе польскаго языка... Знаютъ ли эти господа, кому они помогаютъ своимъ крикомъ противъ православнаго духовенства и требованіемъ его выселенія изъ здѣшняго края? Это крикъ или лучше блеяніе *панургова стада*.

Авторъ брошюры говоритъ, что большая часть нынѣшнихъ дѣятелей родилась въ уніатствѣ, въ извѣстномъ уже возрастѣ, въ семинаріяхъ и по выходѣ изъ нихъ они были передѣланы въ православныхъ." Можемъ документами и метрич. книгами доказать, что изъ 1300 православ. священниковъ кіев. епархіи едва 4-ре родились въ уніатствѣ; и послѣдніе остатки уніи здѣсь изглаждены въ 1838 г., когда возсоединены были 14-ть уніатскихъ приходовъ радомысльскаго уѣзда. Но и въ 18 вѣкѣ, унія мало привилась къ здешнему духовенству. До 1740 года

уніи въ кіевской епархіи, вовсе не было; съ 1740 до 1792 г. мѣстное православное духовенство крѣпко боролось съ уніей и повременамъ проявляло мученическіе подвиги; около 1770 года значительная часть кіевской епархіи, оставленная безъ архипастырей, гонимая, насилуемая, принуждена была принять подчиненіе Риму, но не уніатскую обрядность и не уніатскій духъ; по чему при первой вѣсти о свободѣ вѣры пастыри церкви не только сами объявили себя православными, но послужили везсоединенію съ правосл. церковью подольской и волынской епархій, не убоявшись всѣхъ козней могущественнаго въ то время въ краѣ полонизма.

По словамъ автора брошюры, духовенство здѣшняго края никогда не видѣло, какъ совершаетъ разные обряды чисто русское духовенство и только старается по своему крайнему разумѣнію, поддѣлываться подъ русско-православный ладъ. Въ отвѣтъ автору скажемъ: мѣстное православное духовенство совершаетъ обряды такъ точно, какъ совершаются они въ полтавской, черниговской и харьковской губерніяхъ, гдѣ никогда не было уніи; въ совершеніи обрядовъ оно руководствуется древнимъ преданіемъ и уставомъ церкви, и полагаемъ, что православные обряды переходили съ юга на сѣверовостокъ Россіи, а не обратно. Разность при совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ между великорусскими и малорус. губерніями весьма незначительна и не противорѣчитъ ни догматамъ православія, ни духу церкви, а произошла она вслѣдствіе историч. жизни сѣверной и южной митрополій русскихъ, по ихъ раздѣленіи, когда одна изъ нихъ стала независимой отъ константинопольской каѳедры, а другая долго еще сохраняла тѣсную связь съ цареградскою патріархіей. Путешествующіе въ Іерусалимъ и на Аѳонъ встрѣчаютъ здѣсь именно тѣ не большія особенности обрядовъ, которыя составляютъ кажущуюся разность между великорусскими и малорусскими епархіями и которыя людьми малосвѣдущими въ установленіяхъ церковныхъ ставятся въ упрекъ священнослужителямъ югозападнаго края, какъ будто остатки уніи. Думаемъ, что одна область въ отношеніи совершенія обрядовъ не можетъ быть правиломъ для другой, а та и другая должна справляться съ уставомъ церкви, исторіей, ученіемъ вѣры и преданіемъ; только Арсеній Сухановъ и

раскольничій попъ Алексѣевъ обзывали грековъ неправославными и отъ латинянъ заимствованнымъ все то, что казалось имъ не согласнымъ съ обычаями тогдашней московской патріархіи.

Авторъ наконецъ требуетъ или выселенія мѣстнаго правос. духовенства изъ югозападнаго края, или присылки къ нему изъ центральныхъ губерній „руководителей, духовныхъ техниковъ, спеціалистовъ.“ Мы позволяемъ себѣ спросить автора, откуда же если не съ юга Россіи вышли извѣстные руководители и спеціалисты духовные: Филоѳей Лещинскій—просвѣтитель Сибири, сотрудники патріарха Никона—Епифаній Славенецкій и Арсеній Сатановскій, Патріархъ Іоакимъ, Стефанъ Яворскій, св. Димитрій ростовскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій и многіе другіе пастыри 17-го и-18 вѣка? Не они ли были великими руководителями росс. церкви, провозвѣстниками вѣры? Не они ли, при содѣйствіи вызванныхъ съ юга Россіи, и преимущественно изъ Кіева, учителей основали духовныя училища во всѣхъ почти великорусскихъ епархіяхъ, трудились въ обличеніи раскола и воспитали новое поколѣніе пастырей и святителей церкви россійской, наказанныхъ во всякой премудрости и разумѣ духовномъ! Скажутъ то было другое время, а нынѣ иное? Но когда сильнѣе было вліяніе уніи на югѣ Россіи—въ 17 и 18 или въ 19 вѣкѣ? Конечно въ 17 и 18 вѣкѣ. Югъ Россіи однакожъ и не безъ духовныхъ руководителей изъ великорус. губерній; высшее руководство въ южныхъ епархіяхъ именно принадлежитъ нынѣ уроженцамъ великорусскихъ губерній, которые благочестно занимаютъ святительскія каѳедры Кіева, Волыни и Каменца-Подольскаго, да и предмѣстники ихъ не были родомъ изъ западнаго края; есть въ краѣ, и преимущественно въ губерн. городахъ, протоіереи и священники изъ великорус. губерній, а въ числѣ ихъ получившіе академическое образованіе занимаютъ старшія мѣста епархіальной службы. Но какъ архипастыри наши, такъ и упомянутые сослужители ихъ, не дѣлали заявленій, подобныхъ заявленіямъ автора брошюры, человѣка вращавшагося въ свѣтскомъ мірѣ и только по особымъ случаямъ иногда обращавшаго на церковь и духовенство свое малоопытное въ духовныхъ дѣла око.

Заявленіе его и не новость. Извѣстно, что мысль о выселеніи мѣстнаго православнаго духовенства изъ югозападнаго края пущена была въ ходъ въ 1865 году, въ одно время съ тревожными слухами о неустройствахъ крестьянскихъ обществъ, грабежѣ помѣщичьей собственности и необходимости употребить противъ крестьянъ военныя экзекуціи. Кому собственно она принадлежала, неизвѣстно пока; но можно догадываться, что ее хитро измыслили тѣ господа, которые съумѣли сдѣлать пугало изъ дурачества нѣсколькихъ мальчишекъ, нарядившихся въ малорос. свитки, измыслили, чтобы возбудить подозрѣніе правительства противъ его подданныхъ, ближайшихъ къ полякамъ, и тѣмъ избавить послѣднихъ отъ опаснаго для нихъ сосѣдства; ловко проведена была эта мысль между мѣстными властями и даже успѣли пропустить ее въ высшія правительственныя сферы.

И дѣйствительно, дѣло стоило того, чтобы о немъ похлопотать. Опасны крестьяне для пановъ, но они быдло малограмотное; а вотъ гораздо опаснѣе православное духовенство, которое знаетъ языкъ и нравы польскаго шляхетства, въ вѣковой борьбѣ изучило польщизну и ея манеры, стоитъ близко къ простому народу и имъ руководитъ, будучи вполнѣ предано своему русскому правительству. И такъ нужно заподозрить это духовенство, обозвавъ его ополяченнымъ и невполнѣ православнымъ, за тѣмъ замѣстить его такимъ духовенствомъ, которое не скоро еще успѣетъ сблизиться съ народомъ, не зная ни его языка, ни его обычаевъ; а главное—нужно здѣсь такое духовенство, которому неизвѣстенъ польскій языкъ и шляхетные нравы, — нужно духовенство, которое долго еще было бы для пановъ безвреднымъ. Паны могли даже безразсудно питать надежду, что мѣстное православное духовенство, не соблазнившееся въ 1863 году польскими воззваніями къ братству съ поляками, кинется теперь само въ ихъ объятія, въ огорченіи отъ несправедливаго противъ себя подозрѣнія и въ виду опасности выселенія изъ родной страны ни за что, ни про что. Къ счастію, святѣйшій сѵнодъ вполнѣ разгадалъ проектированную мѣру и не нашелъ съ своей стороны возможности дѣлать какія либо распоряженія къ ея осуществле-

нію *), признавъ, согласно съ заключеніемъ іерарха, преемственно болѣе 25-ти лѣтъ управляющаго епарьіями юго-зап. края, и согласно съ мнѣніемъ преосвященныхъ волынскаго и подольскаго, что духовенство этого края „способное и благонадежное, стоитъ недремлющимъ стражемъ православія въ своемъ мѣстѣ, и если у него достало силъ и умѣнья сохранить вѣру и народность въ мѣстномъ русскомъ населеніи при польскомъ иновѣрномъ и изувѣрномъ правительствѣ, то тѣмъ болѣе оно съумѣетъ, при помощи Божіей, сберечь и укрѣпить ту и другую при державномъ покровительствѣ благочестивѣйшихъ самодержцевъ Россіи, въ которой православіе, самодержавіе и народность не престаютъ считаться коренными основами государственной жизни. Подобная замѣна туземныхъ священниковъ по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ признана даже существенно вредною, не говоря о томъ, что этою мѣрой, по мнѣнію св. сѵнода, жестоко, безъ всякой нужды и причины, было бы оскорблено все мѣстное духовенство.

Въ заключеніе считаемъ неизлишнимъ привести фактъ изъ мѣстной исторіи. Въ 1794 году, по присоединеніи къ Россіи югозападнаго края и возстановленіи въ немъ православія, въ минскую епархію вызваны были древне-православные священники изъ смоленской епархіи, но чрезъ полгода св. сѵнодъ призналъ необходимымъ возратить ихъ обратно на свои мѣста по причинамъ, изъясненнымъ обстоятельно въ синодальномъ по сему случаю указѣ, такъ какъ они оказались не пригодными для имѣвшейся при отправленіи ихъ туда цѣли.

(Кіев. Еп. Вѣд.)

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ ПАПСКАГО ПРИГЛАШЕНІЯ НА ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ **).

На дняхъ распространился въ Петербургѣ слухъ, что папское приглашеніе явиться на римскій вселенскій соборъ получено между прочимъ и нашимъ святѣйшимъ Синодомъ, который будто бы

*) Указъ св. сѵнода отъ 5 сентября 1866 года.

**) См. кн. 7 и 8 «Вѣст. Зап. Россіи»

готовить отвѣтъ на это приглашеніе. Мы очень радуемся этому слуху, если онъ справедливъ, тѣмъ болѣе, что приписываемое Синоду намѣреніе отвѣчать папѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому возрѣнію на это дѣло, какое мы недавно еще высказали на страницахъ „Современнаго Листка.“ Но категорическій отказъ принять участіе въ соборѣ, заявленный уже протестантскими обществами, равно какъ слухъ о несогласіи на то со стороны православныхъ церквей, дошедшій до папы путемъ печати и другими, этотъ слухъ по видимому весьма непріятно подѣйствовалъ на папу. Разсказываютъ, что святой отецъ, не особенно надѣявшійся на успѣхъ своей попытки, все-таки, какъ онъ выразился, не ожидалъ, чтобы его голосъ „былъ до такой степени заглушенъ шумомъ житейскихъ дѣлъ, занимающихъ собою міръ“ и въ этомъ ему представляется дурной знакъ.

Очевидно, римскій первосвященникъ избралъ невѣрную точку зрѣнія на отказъ не-католиковъ—принять участіе въ такомъ чисто-римскомъ торжествѣ, какимъ долженъ быть предполагаемый вселенскій соборъ. Кажется, что протестанты съ достаточною ясностію высказались, что они въ желаніи папы возсоединить ихъ съ католицизмомъ видятъ посягательство на свободу своей совѣсти и на цѣлость своего исповѣданія. Еще на дняхъ верховный евангелическій совѣтъ въ Берлинѣ адресовалъ къ различнымъ консисторіямъ своего исповѣданія посланіе, гдѣ, указывая на притязаніе папы быть верховнымъ главою всѣхъ христіанъ, въ томъ числѣ и протестантовъ, совѣтъ энергически отвергаетъ попытку папы, какъ незаконное посягательство на протестантскую церковь, тѣмъ болѣе, прибавляетъ совѣтъ, что въ попыткѣ папы нѣтъ даже и тѣни желанія сдѣлать шагъ впередъ на поприщѣ евангельской истины. Въ этомъ менѣе всего можно видѣть вліяніе житейскаго шума. Тутъ одно желаніе—отстоять неприкосновенность вѣры, основанной, какъ сказано въ томъ же посланіи, на непреложномъ словѣ Божіемъ и запечатлѣнной кровію ея исповѣдниковъ. Папѣ, повидимому, и въ голову не приходитъ, чтобы другіе могли имѣть въ виду иныя цѣли и иныя основанія, кромѣ житейскихъ, при сохраненіи и поддержаніи несогласныхъ съ нимъ вѣрованій. Ужъ не оттого ли это происходитъ, что въ самомъ католицизмѣ замѣтна значительная доля житейскихъ попеченій? По правдѣ сказать, когда видишь, какъ энергически человѣкъ от-

станваетъ свою свѣтскую власть, какъ онъ вмѣшивается въ житейскія дѣла другихъ людей, какъ вся его дѣятельность проникнута элементомъ, чуждымъ духу Христову, и какъ царство его всѣми своими сторонами принадлежитъ міру сему, когда видишь все это, то невольно приходитъ на мысль, что не тотъ ли, кто упрекаетъ другихъ въ излишней преданности житейскимъ дѣламъ и въ подчиненіи себя вліянію житейскаго шума, грѣшитъ больше всего съ этой стороны? Вся исторія католицизма разрѣшаетъ впрочемъ этотъ вопросъ съ безпристрастіемъ которое не всегда отличаетъ воззрѣнія римскаго престола.

Недавно ультрамонтанская газета „Monde,“ желая испробовать послѣднее средство къ убѣжденію „схизматическихъ“ епископовъ, прибѣгла къ системѣ устрашенія. Она указала имъ на страшную опасность, которая будто бы грозитъ всему Востоку со стороны Россіи. „Если греки, говоритъ іезуитскій органъ, неукротимые въ своей гордости, откажутся открыть глаза на истину, то тѣмъ хуже будетъ для нихъ, потому что никакая человѣческая сила не въ состояніи предохранить ихъ отъ угрожающей имъ опасности. Россія точитъ на нихъ зубы, Россія хочетъ поглотить ихъ; она стремится впередъ въ Азіи, грозитъ въ Европѣ, подкапывается подъ Турцію, бьетъ на проломъ Австрію, строитъ козни въ Аѳинахъ, раздуваетъ огонь въ Букарештѣ, оцѣпляетъ весь Востокъ громадною сѣтью своей политики. Спасеніе для народовъ греческихъ и болгарскихъ можетъ прійти только съ Запада. Если они хотятъ сохранить нѣкоторую свободу, если имъ претитъ, чтобы ихъ древняя церковь подчинила свою независимость приказамъ драгунскаго полковника, засѣдающаго въ Петербургѣ, и чтобы ихъ епископы были низведены на степень русскихъ мужиковъ (des mougiks russes), то они должны примкнуть къ Риму, который одинъ на столько могуществень, чтобы прикрыть нхъ своимъ покровительствомъ, на столько независимъ, чтобы обезпечить ихъ свободу, на столько возвышенъ, чтобы сохранить принадлежащія имъ преимущества, не испытывая при томъ никакого чувства зависти.“

Газета „Nord,“ указывая на приведенный аргументъ „Monde'a,“ справедливо замѣчаетъ, что этотъ знаменитый драгунскій полковникъ (теперь ужъ драгунскій, а прежде былъ гусарскій), что этотъ полковникъ составляетъ резервъ, тяжелую кавалерію ультрамонтанскихъ газетъ въ ихъ походѣ для обращенія восточныхъ

христіанъ къ римской церкви. Тертый и перетертый впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, аргументъ этотъ, продолжаетъ „Nord," не произвелъ еще ни одного прозелита между греческими христіанами Турціи, что не совсѣмъ свидѣтельствуетъ въ пользу его убѣдительности. Да, и мы тоже не считаемъ этотъ аргументъ очень убѣдительнымъ. Кромѣ того, мы находимъ въ этомъ аргументѣ нѣчто другое: иногда мы приписывали эти толки про гусарскаго или драгунскаго полковника, сопровождаемые страшилищемъ русскаго преобладанія на Востокѣ, только невѣжеству западной печати вообще и римско-католической въ частности: но теперь, вдумавшись во всѣ эти толки хорошенько, мы необинуясь приписываемъ ихъ крайней недобросовѣстности борцовъ ультрамонтанства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно въ этомъ нагроможденіи нелѣпостей видѣть что нибудь, кромѣ недобросовѣстнаго желанія морочить западную публику. Постоянно толковать о завоевательныхъ планахъ Россіи на Востокѣ, о ея желаніи поглотить Европу и Азію, это не то, что выдавать за дѣйствительность бредъ собственнаго воображенія; нѣтъ, это значитъ намѣренно надувать своихъ простодушныхъ читателей. Для людей, занимающихся политикой, очень ясны дѣйствія Россіи на Востокѣ и въ нихъ столько же видно желанія завоевать Востокъ, сколько и намѣренія покорить всю Европу. И такъ, мы утверждаемъ, что газета „Monde," которая не можетъ не знать этихъ дѣйствій, располагая всѣми къ тому средствами, что эта іезуитская газета намѣренно вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе. Но эта неблагонамѣренность еще яснѣе выступаетъ въ толкахъ о драгунскомъ или гусарскомъ полковникѣ. Покойный графъ Протасовъ, который дѣйствительно былъ когда-то гусарскимъ полковникомъ, умеръ давнымъ давно, и съ тѣхъ поръ ни одинъ полковникъ не былъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго Синода. „Monde'у" это не можетъ не быть извѣстно. Зачѣмъ же говорить про то, чего нѣтъ въ дѣйствительности? Не значитъ ли это опять морочить публику, и въ какомъ же дѣлѣ? Въ дѣлѣ соединенія церквей, въ возстановленіи единства между членами христіанскаго міра!! Но развѣ можно ложь сдѣлать орудіемъ истины? Православная церковь ежедневно молится о „соединеніи всѣхъ," а римско-католическіе писатели, для той же цѣли, прибѣгаютъ къ обману! Какая ужасающаяся разница! И какъ этотъ образъ дѣйствій доказываетъ, что вовсе не тѣ высокія цѣ-

ли имѣются въ виду въ этихъ убѣжденіяхъ къ примиренію, какія выставляются на показъ. Нѣтъ, въ этомъ видно лишь желаніе захвата и преобладанія; желаніе усилить себя на счетъ Востока и поддержать колеблющійся Римъ, выставляемый однакоже, какъ могущественное орудіе къ обезпеченію свободы Востока!

Досадно, а больше жалко и смѣшно бываетъ смотрѣть, когда человѣкъ, когда-то знатный, богатый, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, но потомъ, благодаря обстоятельствамъ и больше всего своимъ ошибкамъ и заносчивости, потерявшій все—и богатство, и вліяніе, продолжаетъ, однако-же, по временамъ съ людьми, хорошо знающими его настоящее положеніе, держать себя важно, обѣщать, имъ свое покровительство и даже денежную помощь, а къ нѣкоторымъ лицамъ позволяетъ даже оказывать высокомѣрное презрѣніе. Именно въ подобномъ положеніи представляетъ намъ римско-католическую церковь ультрамонтанская газета „Monde," когда, по поводу приглашенія папою восточныхъ епископовъ на соборъ, самоувѣренно утверждаетъ, что „греки не могутъ отказаться взглянуть на эту римскую церковь, нѣкогда столько ими оскорбляемую, но всегда непоколебимую и цвѣтущую, пользующуюся уваженіемъ всего міра, тогда какъ ихъ церковь, отдѣлившись отъ средоточія единства, потеряла свою жизнь, силу, вѣдѣніе, чистоту нравовъ, достоинство своего характера, и все больше и больше подпала зависимости отъ свѣтскихъ властей и презрѣнію народовъ." Слушая эти увѣренія, можно подумать, что ультрамонтанскій листокъ имѣетъ читателями своими современниковъ Григорія VII и Иннокентія III, когда императоры и короли, народы и царства христіанскаго міра, за исключеніемъ разслабленной византійской имперіи и неизвѣстныхъ княжествъ: кіевскаго, рязанскаго, новгородскаго и т. д., благоговѣйно преклонялись предъ могуществомъ римскаго первосвященника, и когда онъ могъ двинуть весь западъ на покореніе востока и въ самой Византіи основать „Латинскую имперію." Три послѣдніе вѣка съ половиною, когда римская церковь постоянно теряла, и современныя намъ событія не существуютъ для органа римской церкви, и онъ, живя своими воспоминаніями на пять вѣковъ, обращается къ грекамъ съ угрозою лишить ихъ своего единственно возможнаго для нихъ покровительства и защиты отъ неминуемой гибели. „Если бы

греки, необузданные въ своей гордости, отказались, открыть глаза свои предъ истиною, то это было бы тѣмъ хуже для нихъ, потому что никакая сила человѣческая не можетъ тогда спасти ихъ отъ угрожающей имъ опасности. Россія съ алчностію смотритъ на нихъ; Россія хочетъ поглотить ихъ; она подвигается въ глубь Азіи; она угрожаетъ Европѣ; она подкапывается подъ Турцію; она ловитъ въ западню Австрію; она злоумышляетъ противъ Аѳинъ; она раздуваетъ огонь въ Бухарестѣ; *весь востокъ она опутываетъ безконечною сѣтью своей политики.* Спасеніе для этихъ народовъ, грековъ и болгаръ, можетъ придти только съ запада. И такъ, если они желаютъ сохранить какую либо свободу, если они не желаютъ видѣть свою древнюю церковь лишившеюся своей независимости *подъ управленіемъ драгунскаго полковника, засѣдающаго въ петербургскомъ сѵнодѣ, своихъ епископовъ низведенными въ разрядъ русскихъ мужиковъ*, они должны присоединиться къ Риму, который одинъ довольно силенъ, чтобы покровительствовать имъ; довольно независимъ, чтобы обезпечить имъ свободу; довольно высокъ, чтобы оставить имъ ихъ преимущества и на ихъ привиллегіи смотрѣть безъ всякаго чувства недовѣрія.“ Если бы потомокъ какого нибудь средневѣковаго, — генуэзскаго или венеціанскаго, — банкира съ весьма ограниченнымъ состояніемъ вздумалъ теперь спорить съ Ротшильдомъ и сталъ бы печатать объявленіе, что у него, и только у него, могутъ занять и государства, и частныя компаніи деньги, онъ едва ли былъ бы жалче и смѣшнѣе приведенной нами рекламы, напечатанной въ „Monde“ о могуществѣ современнаго Рима.

Но все таки слова ультрамонтанской газеты стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться и серіозному мыслителю. Ротшильду, конечно, ни мало не опасенъ безвѣстный и ничтожный потомокъ венеціанскаго банкира XIII вѣка; но зависть другихъ банкировъ къ нему и предъубѣжденія противъ него правительствъ и народовъ Европы могутъ воспользоваться ко вреду ему и потомкамъ венеціанскаго банкира. И мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, что въ настоящее время въ Болгаріи французскіе и польскіе агенты чрезвычайно искусно, пользуясь давними стремленіями болгарской церкви къ независимости отъ константинопольскаго патріарха, внушаютъ болгарамъ, что они должны самымъ дѣломъ доказать свою независимость, пославъ, безъ вѣдома и согласія патріар-

ха, представителей на римскій соборъ. Это—одна сторона дѣла. Потомъ „Monde“ съ чрезвычайнымъ искусствомъ въ пользу Рима эксплуатируетъ недовѣріе западныхъ правительствъ и народовъ къ Россіи, и мы основательно опасаемся, что эта безобразная реклама далеко не столь безобразною показалась западнымъ читателямъ. Но и здѣсь еще не все достойное вниманіе. Газета „Le Nord“ справедливо поэтому поводу замѣчаетъ: „Россія и пресловутый „*драгунскій полковникъ*“ въ русскомъ сүнодѣ рѣдко не приплетаются газетою „Monde“ къ концу рѣчи. Это резервъ, это тяжелая кавалерія ультрамонтанскихъ листковъ въ ихъ кампаніяхъ для покоренія восточныхъ христіанъ римской церкви. Хотя давно уже повторяется этотъ аргументъ, онъ еще не пріобрѣлъ ни одного прозелита между христіанами въ Турціи, что мало говоритъ въ пользу его убѣдительной силы.“ Съ удовольствіемъ съ своей стороны можемъ замѣтить, что не всѣ римско-католическія газеты считаютъ долгомъ пугать восточныхъ христіанъ *драгунскимъ полковникомъ*. Въ газетѣ „Temps“ находимъ, напримѣръ слѣдующія соображенія: „Россійскій святѣйшій сүнодъ часто былъ пародируемъ въ повѣствованіяхъ и разсказахъ католическихъ писателей. Кто не слыхалъ объ императорѣ русскомъ, который будто бы послѣ смотра своихъ войскъ сряду опредѣляетъ члены вѣры? Кто не слыхалъ объ этомъ артиллерійскомъ или гусарскомъ полковникѣ, который будто бы установляетъ обряды? Это дѣтскія выходки того рода писателей, которыхъ можно было бы назвать „духовными шутами.“ Кривлянія ихъ не очень даже и забавны. Святѣйшій сүнодъ есть замѣна личности коллегіею, индивидуальной папской власти постоянною консисторіею. Но авторитетъ его существенно религіозный. Верховный государственный надзоръ, представляемый въ лицѣ оберъ-прокурора, въ дѣйствительности ограничивается лишь дѣлами смѣшанными и административными. Для того, кто изслѣдуетъ это учрежденіе безъ предвзятыхъ взглядовъ, оно представится собраніемъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ (это было по регламенту?!), купно управляющихъ церковію съ нѣкоторымъ парламентарисмомъ (?), поставленнымъ на мѣсто прежней единичной власти. Наконецъ, неоспоримо, что этотъ маленькій парламентъ (?), введенный въ кругъ гражданскаго управленія, засѣдающій въ столицѣ государства, вблизи императора, сдѣлавшійся однимъ изъ государствен-

ныхъ учрежденій, имѣющій въ себѣ свѣтскаго представителя, осуществляетъ идеалъ, совершенно противоположный римскому идеалу. Нельзя сказать, будто соединеніе свѣтской власти и духовной въ рукахъ царя сдѣлало русскую церковь игрушкою кавалерійскихъ полковниковъ,—это ложь, это нелѣпость, но то вѣрно, что оно сдѣлало изъ нея нѣчто такое, что не можетъ стать въ сильное противорѣчіе съ государственнымъ движеніемъ."

Въ существѣ дѣла и послѣдняя газета, взявшая себѣ задачею защитить русскую церковь противъ лживыхъ, но общепринятыхъ на западѣ, обвиненій, судитъ несовсѣмъ вѣрно. Но это извинительно, потому что ей пришлось, какъ и намъ приходится, судить объ управленіи русской церкви главнымъ образомъ по регламенту, между тѣмъ какъ полтора вѣка, слѣдовавшіе за составленіемъ его, многое въ немъ измѣнили или сдѣлали одною формою, такъ что ошибочныя сужденія о центральномъ управленіи нашей церкви неизбѣжны не только для иностранцевъ, но и для насъ. Въ этомъ случаѣ отъ ошибочныхъ представленій могло бы спасти только болѣе опредѣленное и болѣе сообразное съ современнымъ положеніемъ законоположеніе о правахъ и обязанностяхъ центральнаго управленія русской церкви и объ отношеніи къ оному верховной государственной власти: тогда у ультрамонтановъ отнятъ былъ бы одинъ изъ пунктовъ обвиненія нашей церкви предъ нашими соплеменниками и единовѣрцами. Впрочемъ, это мимоходомъ. Главное, что бросается намъ въ глаза въ разсужденіяхъ газеты „Monde," это іезуитская ловкость, съ какою она въ пользу Рима направляетъ противъ Россіи уже существующія въ западныхъ государствахъ политическія подозрѣнія и народное недовѣріе и старается подобныя же чувства посѣять и возбудить въ единовѣрныхъ намъ племенахъ Турціи и Австріи. Отъ прежнихъ разнообразныхъ и могущественныхъ средствъ, никакими нѣкогда располагала римская церковь, у нея остались теперь немногія и въ томъ числѣ во всей силѣ еще дѣйствуютъ: упорство въ достиженіи своихъ цѣлей, несмотря на перемѣну духа времени и обстоятельствъ, и изумительная ловкость интриги. Банкротъ въ вѣрѣ по прежнему держитъ себя съ высокомѣрнымъ достоинствомъ и можетъ еще, при своемъ многими вѣками пріобрѣтенномъ искусствѣ, найдти и нѣкоторое довѣріе на народныхъ биржахъ и въ правительственныхъ сферахъ и воспользоваться простодушіемъ не-

вѣжественныхъ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, а главное, что опаснѣе всего, можетъ сдѣлаться ловкимъ агентомъ въ рукахъ другихъ банкировъ.

(Санкт. Вѣд.)

ЕЩЕ О ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ *).

Въ международно-политическомъ смыслѣ польскій вопросъ сводится собственно къ вопросу о возстановленіи самостоятельнаго польскаго государства. Фанатики возстановленія Польши воображаютъ ее въ предѣлахъ, которые она имѣла до 1772 года; иные даже—но ужъ это не только фанатики, а просто-на-просто сумасброды—не довольствуются этими предѣлами и требуютъ прирѣзки къ возстановленному польскому государству болѣе или менѣе обширныхъ пространствъ вдоль береговъ Балтійскаго и Чернаго морей. Сумасбродовъ мы оставимъ покуда въ сторонѣ и обратимся къ фанатикамъ. Они приводятъ мысль о возстановленіи Польши преимущественно четырьмя путями: на основаніи историческаго права, международнаго права, начала національностей и мнимо-реальнаго соображенія о политической необходимости для западныхъ государствъ Европы создать твердый оплотъ противъ Россіи.

Разсмотримъ эти доводы по порядку.

Свое историческое право на самобытное государственное существованіе польскіе патріоты опираютъ на томъ историческомъ фактѣ, что ихъ страна нѣкогда была самобытнымъ, и даже могущественнымъ государствомъ, что она перестала быть имъ вслѣдствіе преступныхъ дѣйствій внѣшнихъ враговъ, ея сосѣдей, раздѣлившихъ ее между собою. Черезъ сто или двѣсти лѣтъ не будетъ благоразумнаго человѣка, который счелъ бы подобные историко-юрисдическіе доводы заслуживающими вниманія; но наше время еще не дошло до этого, и даже отъ людей съ политическимъ тактомъ нерѣдко можно слышать о „великомъ историческомъ преступленіи“, которое Россія, Пруссія и Австрія совершили, уничтоживъ самостоятельный бытъ польскаго государства и раздѣливъ между собою ея территорію. Но при этомъ забываютъ, что

---

*) См. 8 Кн. Вѣст. Зап. Россіи.

даже бѣглый взглядъ на политическій строй древней Польши долженъ убѣдить каждаго, что въ эпоху паденія этого государства ничто не могло уже спасти его отъ политической смерти. Эту истину исторія доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ. Присмотримся къ политическому устройству польскаго государства, рекомендуя интересующимся научною стороной польскаго вопроса сочиненіе Зигфрида Гюппе: „Verfassung, der Republik Polen" (Berlin, Ferdinand Schneider, 1867). Нѣкоторыя части этого труда неполны, нѣкоторые вопросы не совсѣмъ вѣрно поняты авторомъ; при всемъ томъ мы считаемъ сочиненіе г. Гюппе необходимымъ руководствомъ для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ государственнымъ правомъ древней Польши, и неимѣющихъ возможности пользоваться подлинными источниками. Жаль только, что изложеніе автора чрезвычайно своеобразно и тяжело.

Экономическая и соціальная организація польскаго общества въ главныхъ чертахъ не измѣнялась съ самаго начала XI столѣтія. Общественная жизнь никогда не сосредоточивалась въ городахъ: земледѣліе считалось „лучшею школой государственныхъ людей", и единственнымъ занятіемъ, достойнымъ польскаго гражданина. Исключительнымъ мѣриломъ общественныхъ различій признавалось землевладѣніе; только владѣвшіе землей на правахъ полной собственности были свободными, равноправными членами государства; кто же собственной земли не имѣлъ—эта категорія съ самыхъ раннихъ временъ составляла огромное большинство населенія—тотъ издавна подвергался гнету и всякаго рода тягостямъ, ибо, по недостатку въ движимомъ богатствѣ, бѣдный классъ былъ вынужденъ исполнять свои обязательства личною службой и натуральными повинностями, то есть вступать въ положеніе несвободныхъ людей. Соціальное неравенство въ Польшѣ обусловливалось исключительнымъ производствомъ сырыхъ продуктовъ и отсутствіемъ денегъ. Когда эти общественныя условія, сложившіяся сами собою и вошедшія въ обычай, получили государственную санкцію то стремленіе класса, съ самаго начала господствовавшаго посредствомъ землевладѣнія, было направлено къ тому, чтобъ не допустить никакихъ измѣненій въ существующемъ порядкѣ вещей. Развитіе торговли и промышленности затруднялось; умноженіе производства искусственныхъ цѣнностей было невозможно, потому что оно казалось господствовавшему классу опаснымъ для су-

ществующаго общественнаго строя. „Какъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣверной Америки, такъ и въ Польшѣ, властолюбіе аристократіи одержало верхъ надъ стремленіемъ къ экономическимъ улучшеніямъ, и государственное право узаконило въ общественномъ строѣ Польши застой: среди меркантильной Европы громадный анахронизмъ“ (Гюппе).

Какъ господствующій классъ, съ одной стороны, производилъ давленіе внизъ и сплошною стѣной преграждалъ пути экономическому и соціальному развитію страны, такъ онъ, съ другой стороны, дѣйствовалъ разлагательно вверхъ и не давалъ установиться твердой государственной власти даже тогда, когда она была въ состояніи спасти государство. Въ этомъ отношеніи нельзя даже сказать, что въ политическомъ строѣ польскаго государства былъ застой; тутъ мы видимъ непрерывное, постепенное разложеніе. По своему составу, государственная власть, впродолженіе всей исторіи Польши, оставалась неизмѣнною; но въ средѣ учрежденій, изъ которыхъ она состояла, произошло значительное перемѣщеніе относительно могущества. Вообще же государственной строй Польши былъ такъ своеобразенъ, такъ непохожъ на устройство котораго-нибудь изъ древнѣйшихъ или новѣйшихъ государствъ, что обыкновенные термины политическаго языка не могутъ быть примѣнены къ нему безъ объясненій и оговорокъ. Это, кстати сказать, составляетъ одинъ изъ источниковъ ошибочныхъ понятій, распространенныхъ относительно Польши въ публикѣ и въ печати; этимъ объясняется то странное явленіе, что большая часть демократическихъ органовъ печати въ Западной Европѣ держитъ сторону Польши. Д-ръ Гюппе, желая, посредствомъ обыкновенной терминологіи, опредѣлить политическій строй польскаго государства, говоритъ, что „Польша до самаго конца представляла демократію съ военною организаціей.“

Здѣсь слово „демократія“, очевидно, не слѣдуетъ понимать въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ въ понятіяхъ современнаго европейскаго общества, даже не въ томъ, которое ему принадлежитъ по этимологіи. Чтобъ понять и найдти справедливымъ опредѣленіе д-ра Грюппе, нужно помнить, что „демосъ“, народъ, политически не существовалъ въ Польшѣ. Самое слово „naród“ въ польскомъ языкѣ не синонимъ русскаго слова „народъ“; и если даже въ наше время польскій авторъ или ораторъ говоритъ отъ

имени „цѣлаго народа"—замашка общая всѣмъ польскимъ ораторамъ и писателямъ—то не слѣдуетъ полагать, что онъ самъ подъ этимъ словомъ понимаетъ „весь польскій народъ." Въ польскомъ языкѣ есть два слова: „naród" и „lud"; послѣднее означаетъ народныя массы, простонародье, тѣ слои населенія, которые въ польскомъ государствѣ составляли переходъ отъ обывателя, отъ полноправнаго гражданина, къ скоту и другимъ предметамъ хозяйственнаго инвентаря; и только часть націи, жившая политическою жизнію, обозначалась и до-сихъ-поръ обозначается словомъ „naród". Затѣмъ, такъ какъ масса народа, „lud", считалась политически несуществующею, а съ другой стороны всѣ лица, составлявшія политическую націю, „naród", были не только полноправны, но и равноправны, то польскіе глашатаи, указывая на это широкое примѣненіе новѣйшихъ демократическихъ принциповъ, успѣли увѣрить западныхъ публицистовъ въ томъ, будто основу политическаго строя польскаго государства составляли начала, называемыя теперь демократическими, напримѣръ, во Франціи или Германіи. Недоразумѣніе съ одной стороны, и подлогъ съ другой тутъ очевидны.

За совершеннымъ исключеніемъ „ludu," будто бы въ числѣ человѣческихъ обитателей Польши его вовсе не было,—„naród" дѣйствительно представлялъ политическое общество съ демократическимъ и въ то же время военнымъ устройствомъ.

Первоначально управленіе общественными дѣлами было сосредоточено въ рукахъ верховнаго вождя вооруженной силы, короля. Затѣмъ, кромѣ верховнаго вождя, еще и начальники частей, на которыя войско раздѣлялось, пріобрѣтаютъ значеніе; а такъ какъ въ польскомъ войскѣ, какъ во всякомъ ополченіи, дѣленіе на части было территоріяльное, то и частные военачальники сдѣлались въ тоже время гражданскими начальниками территоріальныхъ округовъ, воеводствъ, которыхъ свободные жители (szlachta) составляли начальствуемую ими военную часть. Но уже со времени Ягеллоновъ не одни воеводы, а войско въ полномъ составѣ своихъ членовъ начинаетъ ограничивать вліяніе верховнаго вождя, и съ 1573 года оно вторгается во всѣ части администраціи, законодательства, и судопроизводства. Съ этого времени все дворянство представляетъ государственную власть, но власть неспособную къ прогрессивному развитію.

По мѣрѣ того, какъ политическое значенie дворянскаго сословiя, или точнѣе каждаго дворянина, отдѣльно взятаго, возрастало, и онъ сознавалъ себя политически равнымъ не только всѣмъ остальнымъ членамъ своего сословiя, но и самому королю, который въ понятiяхъ своихъ подданныхъ былъ „выборное должностное лицо,"—вооруженная сила страны постепенно теряла необходимѣйшее качество хорошаго войска—военную дисциплину; если, по словамъ д-ра Гюппе, „польское дворянство въ 17-мъ столѣтiи на своихъ сеймахъ имѣло видъ нравственно распущеннаго войска," если съ этого времени его „безпорядочныя совѣщанiя, голосованiя и заговоры напоминаютъ бунты безначальной армiи,"—то съ другой стороны, по свидѣтельству того же автора, польскiе дворяне, подобно кондотьерамъ средневѣковой Италiи и необузданнымъ полчищамъ тридцатилѣтней войны, уклонялись отъ дѣйствительнаго исполненiя воинскихъ обязанностей.

Въ послѣднiе годы политическаго бытiя Польши, сеймы обратили вниманiе на недостаточность государственной обороны. Были приняты постановленiя объ увеличенiи числительности постояннаго войска, но эти постановленiя были неудобоисполнимы, и осуществленiе ихъ разбивалось о совершенную нищету польской государственной казны. Древнее „jus polonicum" предоставляло королю право безъ ограниченiя требовать отъ подданныхъ всякаго рода подати и повинности. Легко себѣ представить, какъ это право было ненавистно шляхтѣ. Оно совершенно угасаетъ еще въ 14-мъ вѣкѣ. Мы видѣли причины, по которымъ экономическое положенiе значительнѣйшаго большинства населенiя не могло улучшаться. Источники государственныхъ доходовъ не шли, слѣдовательно, въ уровень съ постоянно возраставшими потребностями казны. Кромѣ того, послѣ отмѣны „juris polonici" подати, поступавшiя прежде прямо къ королю, какъ представителю государства, каждый землевладѣлецъ требовалъ и взималъ для своихъ частныхъ цѣлей, и все, что онъ приносилъ въ жертву государству изъ повинностей крестьянъ, поселенныхъ на его землѣ, онъ считалъ личною тратой для себя. Такимъ образомъ сумма государственныхъ податей уменьшилась до самыхъ незначительныхъ размѣровъ, и поступленiе ихъ въ казну сдѣлалось неправильнымъ и недоимочнымъ. Словомъ, въ народномъ хозяйствѣ застой, бѣдность, въ государственной казнѣ пустота, отсутствiе постоянныхъ и вѣрныхъ доходовъ,—

вотъ экономическое и финансовое положеніе Польши въ послѣдній періодъ ея самобытнаго существованія, положеніе, въ которое она пришла не по винѣ какого-либо внѣшняго вліянія, а напротивъ, вопреки грознымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, путемъ внутренняго, органическаго, неудержимаго разложенія.

И такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Польша не имѣла ни сильной государственной власти, ни правильно и крѣпко организованной администраціи, ни надежной и достаточно вооруженной силы, ни, наконецъ, постоянныхъ и соразмѣрныхъ потребностямъ государства финансовъ,—словомъ она не представляла ни одного изъ условій, необходимыхъ для государственнаго быта, и тѣмъ болѣе необходимыхъ для Польши въ ея географическомъ положеніи и при разнородномъ этнографическомъ складѣ ея составныхъ частей. Если нѣкогда, напримѣръ при Болеславѣ Смѣломъ, потомъ отъ Ягеллы до Стефана Баторія, и даже еще въ началѣ 17-го столѣтія, Польша была первенствующею державой въ восточной Европѣ, то этимъ политическимъ значеніемъ она была обязана не своему абсолютному, соразмѣрному своей государственной территоріи, могуществу, а исключительно безсилію сосѣдей.

Еслибъ Польша, вмѣсто своихъ „мексиканскихъ" экспедицій въ Москву во время самозванцевъ, приняла дѣятельное участіе въ тридцати-лѣтней войнѣ, еслибъ имя ея, въ числѣ другихъ европейскихъ государствъ, стояло подъ вестфальскимъ договоромъ и она стала одною изъ поручительницъ этого договора, установившаго вплоть до семилѣтней войны, и даже до французской революціи европейское международное право, то вся Европа была бы заинтересована въ самобытномъ существованіи польскаго государства. Но Польша, неучастіемъ своимъ въ этомъ громадномъ кризисѣ, заявила себя ненужнымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ государствъ, и исчезла не только безъ всеобщаго переворота, но почти нечувствительнымъ для Европы образомъ. Въ то самое время, когда процессъ внутренняго разложенія польскаго государства уже охватывалъ весь организмъ его, сосѣднія государства шли быстрыми шагами къ національному единству и политическому могуществу. Въ нихъ выяснились территоріальныя условія государственнаго величія, къ которому они стремились. На пути къ достиженію своей цѣли они встрѣтили преграду,—разлагающееся государство; они устранили эту преграду, и Польши не стало.

Д-ръ Гюппе полагаетъ, что еще при Августѣ II Польша могла бы быть спасена введеніемъ единовластія. Да, еслибъ первымъ дѣйствіемъ полновластнаго короля была кровавая борьба съ польскимъ дворянствомъ, которое никогда добровольно не поступилось бы своими вѣковыми правами. Но даже и самъ Неронъ едва ли рѣшился бы на такую радикальную мѣру, и потому трудно согласиться въ этомъ случаѣ съ почтеннымъ нѣмецкимъ ученымъ. Для органическихъ преобразованій, для призванія массы народа къ соціальнымъ правамъ и политической жизни, для воодушевленія ея патріотическими чувствами, уже было слишкомъ поздно; больной Польшѣ не оставалось уже столько жить, чтобъ лекарство могло подѣйствовать. Опыты, сдѣланные въ послѣднюю минуту для спасенія польскаго государства, и выразившіеся въ конституціи 3-го мая 1791 года всѣмъ извѣстны.

(*С. Петер. Вѣд.*)

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Корреспондентъ *Современныхъ Извѣстій* сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія интересныя свѣденія изъ своихъ бесѣдъ съ мировымъ посредникомъ Вилен. губ. «Въ Виленскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Свенцянскимъ есть село Маньковичи. Это, во время оно, было имѣніе Жабы—помѣщика, воеводы дисненскаго, знаменитаго тирана. Часть зданій тамъ стоитъ теперь не занятою. Мрачны и суровы онѣ, какъ все ихъ прошедшее. Прибывши въ Маньковичи, нашъ собесѣдникъ остановился на мызѣ. Ему дали обширную квартиру, угрюмо встрѣтившую новаго гостя. Въ квартирѣ стояла громадная желѣзная, складная кровать. Вошедши въ назначенную квартиру, онъ сейчасъ почувствовалъ, что вѣроятно, эта квартира давно не видала живаго жильца; главное его страшно обдало какимъ то лазаретнымъ запахомъ съ примѣсью аптекарскихъ медикаментовъ. Нечего было думать. Уставши отъ продолжительнаго пути, онъ требовалъ отдыха, и радъ былъ, что нашелъ и такой пріютъ. Вставши на другой день, онъ началъ присматриваться къ окружающей обстановкѣ. Скоро явил-

ся къ нему управляющій имѣніемъ. Знаете ли, спросилъ послѣдній, въ какой комнатѣ вы проводили ночь? Здѣсь былъ нѣкоторое время лазаретъ французовъ, когда они пришли было на Россію; а вотъ на этой самой кровати спалъ ихній генералъ (была названа фамилія: я забылъ); послѣ битвы при Студянкѣ (Борисовскаго уѣзда, Минск. губ.), которая рѣшила судьбу французовъ, здѣсь происходило новое побоище, очистившее окончательно отъ нихъ это мѣсто. Съ тѣхъ поръ эта квартира такъ остается; говорятъ, прибавилъ онъ, что каждую ночь здѣсь слышатся какіе-то стоны могильные. Посредникъ замѣтилъ ему, что стоновъ никакихъ онъ не слышалъ, хотя очень чувствуетъ больничный запахъ. Слишкомъ полвѣка прошло съ той памятной для насъ поры, а тамъ многое продолжаетъ жить еще тою жизнію; самая атмосфера еще остается тамъ какъ бы 1812 г.; дѣйствительно, нельзя не назвать подобныхъ мѣстъ глушью, страшною глушью.

Когда потомъ нашъ собесѣдникъ пошелъ въ сопровожденіи крестьянъ осматривать зданія мызы, то здѣсь ему, между прочимъ, указали подземелье, въ которое бывшій помѣщикъ Жаба бросалъ людей и морилъ ихъ тамъ. Вотъ остатки того видимо-золотаго вѣка польской анархіи, въ которой одной многіе видѣли благоденствіе народа, спасеніе края. И какъ бы вы думали, о комъ сохранилась здѣсь благодарная память? О блаженной памяти Павлѣ Петровичѣ. Говорятъ, что когда онъ былъ здѣсь проѣздомъ въ Минскъ, то крестьянамъ какъ-то удалось довести до его свѣденія о страшныхъ безобразіяхъ, мучителствахъ Жабы. Не долго задумываясь, Павелъ Петровичъ велѣлъ явиться ему въ Петербургъ и тамъ яко бы распорядился высѣчь его розгами. Сильнѣе прежнаго закипѣлъ гнѣвъ гордаго пана. Онъ еще жесточе сталъ обращаться съ своими крестьянами. Выведенные въ свою очередь изъ терпѣнія, они порѣшили его убить.

Образецъ такого же звѣрства, если еще не большаго, указывали ему въ другомъ мѣстѣ Виленскаго уѣзда въ м. Мадріолахъ. До сихъ поръ сохраняются тамъ гробы Кощицовъ помѣщиковъ, бывшихъ фундаторовъ самаго мѣстечка. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ довольно многочисленное семейство и все дочери; а

ему непремѣнно хотѣлось имѣть сына. Наконецъ, явился у него сынъ; но случилось такъ, что мамка заспала его. Тогда этотъ помѣщикъ приказалъ строить каменный столбъ и внутри его заключить несчастную, живую кормилицу. Воля всемогущаго тогда пана была исполнена, и скоро явился отстроенный столбъ съ заключеннымъ навсегда внутри его живымъ человѣкомъ. Чтобы никто не могъ помочь какимъ бы то ни было образомъ несчастной жертвѣ, самъ Кощицъ, говорятъ, нѣсколько дней сряду сторожилъ ее изъ окопъ своего дома съ заряженнымъ ружьемъ. Этотъ столбъ красуется и до сихъ поръ, и конечно, очень краснорѣчиво говоритъ о счастливыхъ временахъ бывшаго польскяго владычества.

(*Мин. Губ. Вѣд.*)

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ИЗЪ ЛАТИНСТВА.

Побѣдоносное вліяніе православной церкви, въ особенно поразительномъ свѣтѣ, обнаружилось въ многочисленныхъ присоединеніяхъ къ ней изъ латинства, начавшихся еще въ 1865 году въ Западномъ краѣ, преимущественно въ епархіяхъ литовской, минской и отчасти полоцкой. Здѣсь присоединялись цѣлыя семейства, даже цѣлые католическіе приходы. Такъ, въ мѣстечкѣ Николаевщинѣ минской епархіи, приняли православіе прихожане римско-католическаго исповѣданія, числомъ до 700, не считая дѣтей. Тоже было въ мм. Вѣницѣ и Воложинѣ, Ошмянскаго уѣзда. Многіе костелы остались вовсе безъ прихожанъ. Въ одномъ Воложинѣ новообращенные составили съ древле-православными большой приходъ, свыше 6,000 душъ. Общее число лицъ, оставившихъ латинство, простирается въ литовской епархіи, въ 1866 году, до 25,194, не включая сюда 4,254 человѣкъ принятыхъ въ лоно церкви въ 1865 году; а въ минской до 20 тысячъ. Не одни простолюдины переходили въ православіе, но и лица образованныхъ классовъ: въ Кіевѣ подполковникъ Сѣмашко съ своимъ семействомъ; въ литовской епархіи князь Радзивилъ, князь Любецкій, помѣщики: Лопацинскій, Деспотъ-Зеновичъ, Бѣлинскій, Велнингъ, многіе чиновники, дворяне и нѣсколько ксендзовъ.

Присоединенія въ большомъ числѣ начались почти непосредственно за подавленіемъ тамъ польскаго мятежа и по всемилостивѣйшемъ дарованіи населеніямъ западныхъ губерній разныхъ гражданскихъ правъ. Предоставленіе ихъ, усиленіе въ краѣ чисто русскаго элемента и принятіе другихъ мѣръ неминуемо повлекли за собою ослабленіе прежняго вліянія на народъ со стороны польщизны и ксендзовъ, довѣріе къ которымъ и безъ того уже сильно поколебалось вслѣдствіе преступнаго ихъ повѣденія во время послѣдняго мятежа. Къ тому же значительное число присоединившихся были русскаго происхожденія, совращенные нѣкогда въ латинство изъ православія или изъ уніи, а нынѣ добровольно оставившіе то, къ чему предки ихъ принуждены были силою. Такъ присоединенные къ православной церкви 573 человѣка крестьянъ въ мѣстечкѣ Шумскѣ, Виленскаго уѣзда, всѣ русскіе,—отцы и дѣды которыхъ совращены въ латинство доминиканами. Тоже должно сказать о новоприсоединенныхъ крестьянахъ къ Рудоминѣ и Рукойняхъ, Виленскаго уѣзда, и въ Крѣвѣ Ошмянскаго уѣзда, князь Александръ Друцкой-Любецкій принадлежитъ къ потомкамъ того князя Павла Друцкого-Любецкаго, который еще въ 1617 году былъ въ числѣ учредителей луцкаго братства, основаннаго для отпора нападкамъ римско-католицизма и уніи. Благотворное также вліяніе имѣлъ переходъ въ православіе самихъ ксендзовъ, и въ особенности ксендза подбережскаго прихода, Іоанна Стрѣлецкаго, принятаго въ число членовъ литовской православной паствы съ оставленіемъ въ санѣ священства. Путемъ изученія духовной литературы, дойдя до убѣжденія въ истинности восточной церкви, Стрѣлецкій своими наставленіями и примѣромъ содѣйствовалъ обращенію въ православіе болѣе 1,500 прежнихъ своихъ прихожанъ. Въ новомъ званіи настоятеля православнаго прихода, Стрѣлецкій выказалъ замѣчательное безкорыстіе. Онъ добровольно отказался отъ вознагражденія за требы, и вся сумма получаемаго имъ нынѣ содержанія не превышаетъ 600 руб. въ годъ, тогда какъ прежде, въ бытность ксендзомъ, онъ получалъ 400 р. жалованья и до 1,000 р. дохода съ прихожанъ.

Умноженіе православной паствы десятками тысячъ присоеди-

нившихся изъ латинства, вызвало усиленную дѣятельность со стороны мѣстнаго духовенства и епархіальныхъ начальствъ. Скоро являлась потребность въ образованіи новыхъ православныхъ приходовъ и въ сооруженіи храмовъ. По одной литовской епархіи въ послѣдніе два года учреждено, съ разрѣшенія святѣйшаго сvнода, 19 новыхъ приходовъ, на Высочайше ассигнованные 500 т. руб. въ теченіе пяти лѣтъ, на средства, указанныя мѣстною администраціею, и на способы, доставленные прихожанами работою, матеріалами и деньгами, построено 57 новыхъ церквей, въ томъ числѣ 40 каменныхъ, при полномъ содѣйствіи къ тому со стороны гражданскихъ властей, устроившихъ для этой цѣли губернскіе, уѣздные и мѣстные комитеты, въ которыхъ отъ духовенства были депутаты.

Въ самомъ центрѣ сѣверо-западнаго края, въ Вильнѣ, дѣятельно производилось возстановленіе древнихъ памятниковъ русской святыни. Согласно Высочайше утвержденному представленію бывшаго начальника края, графа Муравьева, обновлена уже древняя Николаевская приходская церковь; возстановлена еще древнѣйшая ея церковь Пятницкая, великолѣпно обновлены соборы каѳедральный Николаевскій и митрополичій Пречистенскій. Такимъ образомъ древняя столица литовскихъ князей съ своими десятью православными храмами снова принимаетъ, послѣ вѣковыхъ невзгодъ, видъ вполнѣ русскаго города.

Въ то же время въ западныхъ епархіяхъ продолжается постоянное развитіе чисто православныхъ учрежденій, которыя должны служить разсадниками вѣры, благочестія и русскихъ началъ въ тамошнемъ православномъ населеніи. Еще въ концѣ 1864 г. въ сихъ именно видахъ, былъ основанъ въ Вильнѣ первоклассный женскій Маріинскій монастырь, съ пріютомъ при немъ для воспитанія сиротъ духовенства и дочерей недостаточныхъ русскихъ чиновниковъ. Въ 1866 г. монастырь этотъ, по ходатайству бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанта Кауфмана и согласно Высочайше утвержденному Государемъ Императоромъ опредѣленію Святѣйшаго Сvнода, переименованъ въ общежительный, съ цѣлію освобожденія инокинь

отъ личныхъ заботъ о собственномъ содержаніи и предоставленія имъ полной возможности все-цѣло посвятить себя на дѣло своего служенія. Игуменья и монахини для него вызваны изъ Москвы. Теперь онъ имѣетъ до 45 сестеръ и устраивается въ матеріальномъ отношеніи. Пастырская дѣятельность епархіальныхъ начальствъ и приходскаго духовенства въ западномъ краѣ, во всѣхъ потребныхъ случаяхъ, всегда находила себѣ поддежку со стороны святѣйшаго Сvнода. По его распоряженію и въ 1866 году, въ видахъ уничтоженія книгъ уніятскаго типа, безмездно отпускаемы были церковно-богослужебныя книги, изданія сvнодальной типографіи, для церквей епархій: подольской 965 экз., минской 246 и волынской 34. Сверхъ того, снабжены книгами многія вновь устроенныя церкви въ литовской, минской и могилевской епархіяхъ. Расходъ на этотъ предметъ составилъ сумму въ 20,691 р. 93 к.

(Волынск. Еп. Вѣд.)

РЕФОРМЫ, ПРИНЯТЫЯ ПОСЛѢ МЯТЕЖА 1813 ГОДА, ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛОЖЕНІЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ.

Послѣ мятежа 1831 года, вслѣдствіе дѣятельнаго участія принятаго въ немъ римско-католическимъ духовонствомъ, русское правительство предприняло рядъ органическихъ мѣръ относительно положенія католической церкви въ Россіи. Но эти мѣры были задуманы при совершенномъ незнакомствѣ съ католическимъ вопросомъ не только русскаго общества, но и большинства администраціи. Послѣ мятежа 1863 года мы видимъ иное. Русская печать разъяснила необходимость многихъ серіозныхъ реформъ по католическому вопросу въ Россіи, пробудила живое участіе къ нему общества. Тѣмъ не менѣе однакожъ мѣры тридцатыхъ годовъ, упраздненныя на практикѣ въ пятидесятыхъ, далеко оставляютъ за собою все что мы успѣли исполнить на дѣлѣ послѣ 1863 года.

Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о самыхъ важныхъ реформахъ, введенныхъ послѣ 1831 года по католическому вопросу. Андрей Венедиктъ Клонгевичъ, виленскій епископъ съ 1831 по

1841 иг., былъ для императора Николая своего рода Сестренцевичемъ.

Въ Польшѣ, какъ и въ другихъ католилескихъ странахъ, издревле существовалъ законъ каноническій, въ силу коего епископы обязаны назначать извѣстные сборники проповѣдей въ руководство священникамъ. Польскіе епископы строго наблюдали за тѣмъ, чтобы ксендзы, руководствуясь одобренными сборниками, не проводили въ проповѣдяхъ ничего несогласнаго съ разумомъ Евангелія и съ ихъ духовно-пастырскими обязанностями*).

Послѣ паденія Польши, подъ нашимъ правительствомъ, ксендзы обратили проповѣди въ провозвѣстники мятежа и ненависти къ Россіи, особенно во время возстанія 1831 года **).

Виленскій епископъ Андрей Венедиктъ Клонгевичъ, человѣкъ весьма ученый, человѣколюбивый и добросовѣсный ***), не могъ не обратить вниманія на грубое злоупотребленіе ксендзовъ въ дѣлѣ проповѣдей; онъ твердо настоялъ на томъ ****), чтобы ксендзы произносили проповѣди не иначе какъ по руководствамъ, или же представляли проповѣди своего сочиненія, прежде произнесенія ихъ, ксендзамъ-цензорамъ, назначеннымъ для этого по два въ каждомъ благочиніи. Въ руководство ксендзовъ Клонгевичъ назначилъ проповѣди извѣстныхъ польскихъ проповѣдниковъ, ксендзовъ Бѣлобресскаго и Филипецкяго. Распоряженіе виленскаго епископа, основанное на долгой практикѣ римской церкви и утвержденное другими епископами и мѣстными собраніями священниковъ, русское правительство одобрило и велѣло исполнять во всѣхъ епархіяхъ западнаго края. Ежегодно въ церковныхъ календаряхъ (рубрицелахъ) означалось, кто изъ числа священниковъ назначается въ цензоры проповѣдей, въ настоящее время, послѣ 1863 года, перестали обращать вниманіе на эту формальность, и по рубрицел-

*) Постановленіе гнезненскихъ синодовъ съ 1561, 1579 и 1628 годовъ. Rituale romanum Царства Польскаго. Краковъ 1647 г.

**) Лелевель: Polska odradzająca się, Брюссель 1836 г.

***) Encyklopedya powszechna, т. XIX.

****) Примѣненіе сего закона весьма не нравилось полякамъ нашего времени. См. Zasady Kaznodziejstwa, соч. кс. Литницкаго. Вильна 1860 г.

ламъ виленской и минской епархій мы уже не видимъ назначенныхъ цензоровъ. Самый же законъ о проповѣдяхъ исполнялся лишь до выѣзда изъ Вильны И. Г. Бибкова, въ 1855 году. Съ тѣхъ поръ по настоящее время, ксендзы чаще произносятъ проповѣди своего произведенія, не только безъ предварительнаго одобренія, но и безъ изложенія ихъ на бумагѣ; это дѣлается для того, чтобы не было поличнаго въ случаѣ противоправительственныхъ проповѣдей.

Въ наше время, при разработкѣ вопроса о введеніи русскаго языка въ добавочное католическое богослуженіе, стало общеизвѣстно, что еще въ 1832 году состоялось высочайшее повелѣніе совершать молебствіе за Августѣйшій Домъ на мѣстномъ языкѣ большинства населенія, т. е. на русскомъ; но лишь въ нынѣшнемъ году нѣкоторые священники начинаютъ исполнять это распоряженіе, напримѣръ ксендзъ Сморчевскій. Въ слѣдующемъ 1833 году высочайше повелѣно обучать воспитанниковъ католическихъ семинарій произношенію проповѣдей на мѣстномъ, т. е. русскомъ языкѣ. Что въ этомъ высочайшимъ повелѣніи слово *мѣстный* означаетъ русскій языкъ видно изъ тогоже Высочайшаго повелѣнія, въ которомъ повелѣно *всѣ науки въ католическихъ семинаріяхъ западнаго края преподавать не иначе какъ по латыни или по-русски;* и поэтому, кеѳедра польскаго языка тогда же упразднена. Ксендзы тридцатыхъ годовъ сознавали, что народный языкъ здѣшняго края русскій, и названное высочайшее повелѣніе отъ 1833 года понимали въ вышеизложенномъ нами смыслѣ. Въ Вильнѣ изданъ католическій катихизисъ *на русскомъ языкѣ*, одобренный профессоромъ богословія виленскаго университета священникомъ Антономъ Фіалковскимъ (онъ же въ послѣдствіи епископъ) и напечатанный въ типографіи виленской католической епархіи. Но въ этомъ катихизисѣ о римскомъ папѣ не говорится ни слова, и потому катихизисъ, одобренный Фіалковскимъ, не былъ въ строгомъ смыслѣ католическимъ катихизисомъ на русскомъ языкѣ. Въ 1818 году, въ Петербургѣ, священникъ Даміанъ Іодзевичъ издалъ другой русскій католическій катихизисъ, а въ 1822 году, въ Вильнѣ напечатанъ и третій, составленный священникомъ Ксаверіемъ Рап-

чинским *). Изданіе трехъ выше названныхъ русскихъ католическихъ катихизисовъ указываетъ на то всѣмъ извѣстное обстоятельство, что не только въ 20 и 30 годахъ, но и до настоящаго времени, въ большинствѣ здѣшнихъ католическихъ приходовъ, ксендзы принуждены употреблять русскій языкъ, или, точнѣе, бѣлорусское и малорусское нарѣчія, въ бесѣдахъ съ прихожанами, и даже дѣло обрусенія католицизма продолжалось послѣ 1831 года усердно и шло недурно. Послѣ мятежа 1831 года, ни для кого не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что императоръ Николай рѣшительно стремится къ окончательному изгнанію польскаго языка и всякой польщизны изъ западнаго края. Для противодѣйствія императору и для воспрепятствованія уніатамъ возсоединиться съ православною церковью, поляки прибѣгли, какъ къ вѣрнѣйшему средству, къ стараніямъ ввести польскій языкъ въ уніатское употребленіе. Бывшимъ іезуитомъ ксендзомъ Шантыремъ переведены литургическія и другія церковныя книги уніатовъ на польскій языкъ, но эта попытка ввести между уніатами польскія литургическія книги не удалась.

Здѣсь кстати замѣтить, что И. Г. Бибиковъ, виленскій генералъ-губернаторъ, онъ же и попечитель виленскаго учебнаго округа, около 1852 года, усиленно хлопоталъ объ изгнаніи польскаго языка изъ религіозной практики католиковъ и о замѣнѣ его русскимъ. Вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ по этому вопросу, Бибиковъ представилъ въ Петербургъ одинъ экземпляръ выше названнаго католическаго катихизиса, писаннаго священникомъ Рапчинскимъ **). По всей вѣроятности, отсюда возникъ католическій катихизисъ,

*) Jocher: „Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce" т. 3, стр. 203 и 204, № 2,851 и 2,854. Въ виленской публичной библіотекѣ находится рукопись четвертаго католическаго катихизиса, написаннаго какимъ-то ксендзомъ, по всей вѣроятности въ 30 или въ началѣ 40 годовъ.

**) Гарасевичъ: Annales Ecclesiae Ruthenae, Львовъ 1863 г.

**) Я получилъ эти свѣдѣнія отъ двухъ человѣкъ принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ; даже одинъ изъ нихъ, священникъ православный, предложилъ свой собственный экземпляръ католическаго катихизиса И. Г. Бибикову для отсылки въ Петербургъ.

написанный священникомъ Стацевичемъ, одобренный митрополитомъ, извѣстнымъ польскимъ писателемъ, И. Головинскимъ, въ 1853 году, и введенъ тогда же въ военно-учебныя заведенія, а въ 1865 году въ гражданскія учебныя заведенія.

По распоряженію виленскаго епископа Клонгевича, издано въ Вильнѣ, впервые въ 1832 году, извѣстное *Толкованіе четвертой заповѣди Господней касательно свѣтскаго правительства.* Толкованіе это одобрено не однимъ Клонгевичемъ, но и другими здѣшними католическими епископами,—и введено во всѣ учебныя заведенія здѣшняго края; оно перестало употребляться въ училищахъ лишь въ концѣ 54-хъ годовъ, то-есть, когда предоставлено учителямъ право самимъ избирать руководства. Намъ кажется, что названное *Толкованіе* слѣдовало бы издавать не особою книжечкой и не въ видѣ приложенія къ катихизису, какъ это дѣлалось прежде, напротивъ, весьма полезно помѣстить оное въ самомъ катихизисѣ, въ видѣ особой главы. Приведемъ здѣсь самый текстъ въ русскомъ переводѣ.

«*В.* Къ чему наша вѣра (религія) обязываетъ насъ, въ отношеніи къ единоражному всероссійскому императору?

«*О.* Обязываетъ уважать и любить императора, ему повиноваться, желать всякаго добра и молить Бога о немъ.

«*В.* Обязаны ли мы уважать не тольво императора, но и правительственныя власти и имъ повиноваться?

«*О.* Конечно, обязаны; ибо онѣ представляютъ извѣстную часть правительства, порученную имъ императоромъ; онѣ установлены закономъ и необходимы для государственнаго порядка.

«*В.* Обязаны ли мы любить наше отчество Россію?

«*О.* Дѣйсувительно мы обязаны любить наше отчество Россію, желать всякаго добра и служить ей вѣрно и съ самопожертвованіемъ, т.-е. какъ требуютъ законы и воля императора.

«*В.* Въ самомъ ли дѣлѣ это требуется отъ насъ вѣрой?

«*О*, Требуется, какъ видно изъ Св. Евангелія и другихъ книгъ Священнаго Писанія *).

*) Евангеліе отъ Матѳея гл. XXII.—1, посланіе апостола Петра гл. II.— Посланіе апостола Павла къ римлянамъ гл. XIII; къ ефесеямъ гл. VI; къ Тимоѳею гл. II.—Псаломъ XIX.

«*В*. Какимъ образомъ это требуется вѣрою.

«*О*. Христіанская вѣра наставляетъ и учитъ насъ, что всякая власть, по преимуществу же высочайшая власть государя, установлена Самимъ Богомъ, установлена потому, что безъ нея нѣтъ ни мира, ни безопасности, ни благоденствія въ государствѣ, а слѣдодовательно нѣтъ и вѣчнаго спасенія души.

«*В*. Считается ли грѣхомъ неуваженіе, невѣрность, мятежъ и измѣна государю?

«*О*. Считается, и притомъ смертнымъ грѣхомъ; ибо говорится въ священномъ Писаніи, что тѣ, кто сопротивляются правительству, противятся Самому Богу и будутъ лишены вѣчнаго спасенія души.

«*В*. Нѣтъ ли въ костелѣ католическомъ обычая совершать всенародныя молебствія за государя и за всѣ сословія отчества?

«*О*. есть; этотъ обычай существуетъ въ католическомъ костелѣ съ первыхъ дней христіанства и существовать не перестанетъ до конца міра, какъ доказательство истиннаго доброжелательства монарху и общему благу и для снисканія Господней благодати, ибо говорится въ Священномъ Писаніи, что сіи молебствія угодны Богу.»

(Сов. Лѣт.)

ПОДЛОЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ФАЛЬШИВЫЕ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ (*).

Первыя свѣдѣнія о поддѣлкѣ дворянскихъ документовъ относятся еще къ концу двадцатыхъ годовъ, нашего столѣтія, когда правительство, получивъ опредѣленныя свѣдѣнія объ означенныхъ подлогахъ, стало обращать вниманіе на это государственной важности дѣло. Еще въ двадцатыхъ годахъ департаментъ герольдіи правительствующаго сената, при производствѣ дѣлъ объ утвержденіи разныхъ лицъ въ дворянствѣ, отвергнулъ весьма много свидѣтелствъ, представленныхъ ему депутатскими собраніями, на

(*) Приводимъ изъ весьма интересныхъ статей по этому предмету газеты «Кіевлянинъ» сводъ извлеченныхъ изъ полнаго собранія законовъ распоряженій правительства, касательно подложныхъ документовъ дворянъ зап. губерній.

основаніи, кончено, ихъ сомнительности или подложности. Эта мѣра со стороны департамента герольдіи, мѣра, выраженная въ категорической и рѣшительной формѣ, не могла остановить шляхты, стремившейся изо всѣхъ силъ попасть въ россійское дворянство: она нашла себѣ поддержку въ уѣздныхъ и губернскихъ маршалахъ, которые осмѣлились входить къ высшимъ правительственнымъ властямъ съ различными домогательствами относительно признанія представленныхъ депутатскими собраніями свидѣтельствъ дѣйствительными и законными. Протесты могилевскаго и виленскаго губернскаго маршала противъ дѣйствій департамента герольдіи были, между прочимъ, разсмотрѣны въ 1828 г. по высочайшему повелѣнію въ государственномъ совѣтѣ, который мнѣніемъ положилъ: „Внушить претендующимъ маршаламъ чрезъ губернскія правленія, дабы состоящія въ вѣдомствѣ ихъ депутатскія собранія слѣдовали точному изложенныхъ правилъ разуму, и чтобы сами сіи маршалы впредь отнюдь не отваживались входить съ подобными недѣльными протестами, въ напрасное обремененіе высшихъ правительствъ; но какъ примѣчены уже многія злоупотребленія по депутатскимъ собраніямъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, то, для усиленія мѣръ къ удержанію отъ того на будущее время, постановить закономъ, что буде и за симъ подтвержденіемъ допущены будутъ ими произвольныя дѣйствія, неослабно подвергать виновныхъ той самой отвѣтственности, какая на подобные случаи изображена въ конституціяхъ, тому краю изданныхъ“ и проч. (II. с. з. № 1773).

За тѣмъ, въ видахъ пресѣченія злоупотребленій депутатскихъ собраній по перечисленію разныхъ лицъ въ дворянское достоинство, комитетъ министровъ, положеніемъ отъ 18 ноября 1830 г., установилъ особыя правила удостовѣренія въ происхожденіи дворянскихъ фамилій въ губерніяхъ остзейскихъ и присоединенныхъ отъ Польши (II. с. з. № 4104).

Между тѣмъ правительство, принявъ во вниманіе многочисленность сословія шляхты, неопредѣленность правъ и повинностей ея и смѣшеніе подъ именемъ шляхты дѣйствительныхъ дворянъ съ лицами, ничемъ не доказавшими своихъ правъ на дворянство, постановило: „положивъ рѣшительный предѣлъ дальнѣйшему присвоенію себѣ дворянскихъ правъ лицами, непричастными къ дворянству, ни по ихъ происхожденію, ни по общимъ правамъ службы,

основать положеніе ихъ на началахъ болѣе прочныхъ". Вслѣдствіе чего, именнымъ указомъ отъ 19 октября 1831 г. повелѣно: установить различіе между дѣйствительными шляхтичами, т. е., доказавшими установленнымъ порядкомъ свое дворянство и признанными въ ономъ герольдіею, и между лицами, считающими себя шляхтичами безъ утвержденія присвоеннаго ими себѣ достоинства законными доказательствами. Первымъ—сохранить всѣ права и преимущества, дарованныя дворянамъ Россійской Имперіи, и именоваться имъ уже не „шляхтами", а „дворянами". Что же касается шляхты, не доказавшей дворянства, то она раздѣляется впредь, по мѣсту ея жительства, на сельскую и городскую: сельскимъ шляхтичамъ присвояется названіе „однодворцевъ", водворенные же въ городахъ именуются „гражданами". Какъ тѣ, такъ и другіе должны быть немедленно приведены въ точную извѣстность, съ составленіемъ имъ посемейныхъ списковъ. Вся шляхта, недоказавшая дворянства, должна приписаться въ одинъ изъ этихъ разрядовъ въ теченіе года, со дня обнародованія указа; съ тѣми же, которые по истеченіи этого срока окажутся никуда не приписанными, поступать какъ съ бродягами, на основаніи общихъ узаконеній. Со всѣхъ однодворцевъ и гражданъ, именовавшихся до сихъ поръ шляхтою, устанавливаются денежные сборы въ общіе государственные доходы и отправленіе воинской повинности, взамѣнъ прежняго посполитаго рушенья, составлявшаго обязаность шляхты. Что касается этой повинности, то въ указѣ сказано: „Во уваженіе долговременной льготы, коею отъ самаго возвращенія западныхъ областей къ Россіи люди сіи пользовались въ означенной повинности, прежними установленіями, положительно на нихъ возложенной, и для нѣкотораго уравненія сего сословія съ другими, по послѣднимъ обстоятельствамъ сугубую тягость понесшими,—со всѣхъ недоказавшихъ дворянства, безъ различія именованій и мѣстъ приписки, кромѣ почетныхъ гражданъ, имѣетъ быть обращено въ военную службу на первый разъ единовременно съ 500 душъ по 10. (П. с. з. № 4868).

Не прошло и двухъ лѣтъ съ изданія этого послѣдняго указа, какъ до свѣдѣнія государя доведено было объ открытыхъ въ западныхъ губерніяхъ подѣлкахъ фальшивыхъ документовъ. Собственно виновные открыты были въ Вильнѣ и въ бывшихъ са-

могитскихъ уѣздахъ, но послѣдствія этого открытія были распространены на всѣ нынѣшнія западныя губерніи. По Высочайшему повелѣнію произведено было разысканіе, по которому оказалось всего девять человѣкъ главныхъ дѣятелей по поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ. Въ 1833 г. состоялся именной указъ которымъ повелѣно: 1) Виновныхъ судить по всей строгости закона. 2) Для предупрежденія дальнѣйшихъ подлоговъ въ метрическихъ и актовыхъ книгахъ прошедшаго времени, оныя скрѣпить и, перечертя пробѣлы, прошнуровать и запечатать, возложивъ сіе на *особыя коммиссіи*, кои состоятъ изъ чиновниковъ министерства внутр. дѣлъ, юстиціи и корпуса жандармовъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ каждой губерніи губернскаго стряпчаго. Этихъ коммисій было три: одна для губерній Виленской, Гродненской и Бѣлостокской области, другая—для Кіевской, Волынской и Подольской, третья—для Могилевской, Витебской и Минской губерній. 3, Возложить на духовенство губерній, отъ Польши возвращенныхъ, обязанность доставлять ежегдно въ уѣздные суды, чрезъ декановъ ихъ и мѣстнаго настоятеля, вѣрныя и точныя копіи метрикъ, какія представляются епархіальному начальству, и чтобы заглавія подлинныхъ шнуровыхъ и метрическихъ книгъ были неписьменныя, а печатныя. 4, Строжайше подтвердить дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, дабы, при производствѣ дѣлъ о дворянскомъ происхожденіи, обращали они тщательнѣйшее вниманіе на всѣ документы, особенно же на патенты, стараясь, всемѣрно открыть, не писаны ли оные въ позднѣйшее время на королевскихъ бланкахъ. 5) Королевскіе бланкеты, находящіеся у частныхъ лицъ, должны быть истребованы главными мѣстными начальствами, назначивъ для представленія оныхъ шестимѣсячный срокъ, съ тѣмъ, что лица, у которыхъ таковые впослѣдствіи окажутся, будутъ подвергнуты строгому взысканію по законамъ. (П. с. з. № 6644).

По этому высочайшему повелѣнію, въ 1833 году учреждены были особыя коммиссіи для разсмотрѣнія метрическихъ и актовыхъ книгъ западныхъ губерній; онѣ обязаны были прошнуровать и припечатать книги, перечеркнуть находящіеся въ нихъ пробѣлы и сдѣлать свои замѣчанія, въ случаѣ могущаго встрѣтиться сомнѣнія въ подлинности акта. Какъ вели дѣло эти коммиссіи, видно изъ того, что онѣ не дали себѣ даже труда скрѣпить и

припечатать всѣ актовыя книги и поперечеркивать встрѣчающіеся въ нихъ пробѣлы, чѣмъ доставили позднѣйшимъ поддѣльщикамъ возможность прикрывать свои подлоги авторитетомъ самихъ этихъ коммиссій.

Высшее правительство энергично, но безуспѣшно старалось пресѣчь всѣ эти злоупотребленія. Полагая, что ревизіонныя коммиссіи сдѣлали свое дѣло вполнѣ добросовѣстно, указъ 7 апрѣля 1836 года обязываетъ присутственныя мѣста западныхъ губерній, при выдачѣ копій съ находящихся въ актовыхъ книгахъ документовъ, означить и всѣ сдѣланныя коммиссіями замѣчанія къ этимъ документамъ. Но и это даже, вѣроятно, исполнялось плохо: уже черезъ три года (16 октябрѣ 1839 г.) встрѣчаемъ новое *подтвержденіе* по этому предмету. Скоро послѣ того 4 января 1846 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета по дѣламъ западныхъ губерній, повелѣно ревизіоннымъ коммиссіямъ и депутатскимъ собраніямъ, въ предупрежденіе всякаго подлога въ документахъ, служащихъ основаніемъ дворянства, о каждой выпискѣ изъ судебныхъ актовъ, долженствующей имѣть значеніе законнаго доказательства, требовать чрезъ уѣздныхъ стряпчихъ справки и удостовѣренія въ вѣроятности съ подлинными актовыми книгами,—конечно, на основаніи тѣхъ отмѣтокъ, которыя должны были быть сдѣланы ревизіонными коммиссіями на документахъ, признанныхъ ими сомнительными. Эти отмѣтки, сверхъ общихъ распоряженій, должны быть надлежащимъ образомъ опубликованы, и объ уничтоженныхъ документахъ должно быть также напечатано въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (П. с. з. № 13048). Изъ этого видно, что до вышеозначеннаго распоряженія подобныя справки и сличенія не требовались, и документы принимались депутатскими собраніями почти что на вѣру.

Но какъ бы правительство ни было убѣждено въ томъ, что вышеупомянутыя ревизіонныя коммиссіи сдѣлали свое дѣло добросовѣстно, оно скоро убѣдилось въ совершенно противномъ; 3 ноября 1842 г. состоялось высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, объявленное министромъ юстиціи, о производствѣ новой повѣрки актовыхъ книгъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ этомъ положеніи, между прочимъ, говорится слѣдующее: „коммиссіи, 1833 г. окончили свои занятія въ 1835 г. и объ открытыхъ ими въ актовыхъ книгахъ безпорядкахъ въ то же время со-

общено герольдіи, для надлежащаго со стороны ея въ нужныхъ случаяхъ соображенія. Но затѣмъ опять обнаружены безпорядки по актовымъ книгамъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ Гродненской губерніи—въ нумераціи листовъ, въ описяхъ, въ перемѣнѣ печатей и внесеніи въ книги подложныхъ документовъ. Постановлено; возобновить повѣрку актовыхъ и метрическихъ книгъ для отклоненія безпорядковъ и злоупотребленій на будущее время. Обязанности сіи вложить на коммиссію изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, судей, стряпчихъ и военныхъ начальниковъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ по каждой губерніи одного изъ губерскихъ стряпчихъ, неучаствовавшихъ въ дѣйствіяхъ прежнихъ коммиссій, съ тѣмъ, чтобы коммиссіи сіи, пересмотрѣвъ со всею тщательностію актовыя книги въ подлежащихъ мѣстахъ, составили для каждой особыя описи, съ объясненіемъ нумера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда оный состоялся, а также, когда явленъ, и съ отмѣткою въ особой графѣ: признается ли оный несомнѣннымъ или подлежащимъ сомнѣнію, и почему именно“ (П с. з. № 1916).

Въ виду всѣхъ этихъ правительственныхъ мѣръ интересны вообще тѣ увертки депутатскихъ собраній, которыми онѣ хотѣли избавиться отъ отвѣтственности за незаконныя свои дѣйствія по дѣламъ о подложныхъ дворянскихъ документахъ. Такъ между прочимъ, въ 1838 г. послѣдовало распоряженіе болѣе общее, преимущественно вслѣдствіе явно незаконнаго образа дѣйствій виленскаго депутатскаго собранія, для ревизіи котораго предъ тѣмъ назначена была особая коммиссія,—назначена, и ничего не могла сдѣлать. Дворянское собраніе, отъ котораго было потребовано представленіе въ коммиссію всѣхъ документовъ о дворянствѣ родовъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу по 1829 годъ, отторговалось тѣмъ, что всѣ эти документы, по миновеніи въ нихъ надобности, возвращены ихъ владѣльцамъ, а между тѣмъ многими родами отъ несчастныхъ случаевъ и военныхъ дѣйствій 1812 и 1813 годовъ оные истреблены или затеряны. О документахъ же, представленныхъ послѣ 1831 года, собраніе отозвалось, что они взяты обратно владѣльцами для перевода ихъ на русскій языкъ и другихъ частныхъ надобностей. Вслѣдствіе этого, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 5 іюля 1838 г., всѣмъ утвержденнымъ въ дворянствѣ по 1831 г. лицамъ быть

назначенъ трехлѣтній срокъ для представленія въ депутатскія собранія документовъ, служащихъ доказательствомъ ихъ дворянства, а въ случаѣ утраты этихъ документовъ, другихъ неопровержимыхъ доказательствъ. Лица, которыя затѣмъ не представятъ въ означенный срокъ требуемыхъ документовъ, раздѣлены на двѣ категоріи: владѣющихъ или владѣвшихъ прежде недвижимыми имѣніями велѣно внести въ особые подробные списки, которые депутатскія собранія должны были представлять вмѣстѣ съ своими протоколами, генералъ-губернаторамъ, а эти, со своими опять замѣчаніями, въ сенатъ, для окончательнаго постановленія; всѣхъ же лицъ, хотя бы и признанныхъ раньше депутатскими собраніями, въ дворянствѣ, но не представившихъ требуемыхъ документовъ и имѣніями не владѣвшихъ, велѣно обратить немедленно въ однодворцы (П. с. с. з. № 11387). Срокъ представленія документовъ былъ потомъ подложенъ до 1 января 1844 г.

Такимъ образомъ, это распоряженіе потребовало переповѣрки въ самомъ основаніи, правъ на дворянское достоинство лицъ изъ бывшей польской шляхты. Дѣйствіе его въ средѣ фальшиваго дворянства оказалось тѣмъ, что все оно кинулось обезпечивать себя отъ предстоящей ревизіи представленіемъ документовъ, конечно, фальшивыхъ. А чтобы придать имъ какой нибудь видъ законности, нужно было поддѣлывать ихъ въ самомъ источникѣ, въ актовыхъ книгахъ, и поддѣлывать по возможности искуснѣе. Такимъ образомъ началась по всему западному краю оживленная работа по этому дѣлу, работа тѣмъ болѣе серьезная, что для выполненія ея нужно было употребить отчасти и археографическое знаніе,—гдѣ слѣдовало написать подложно старинный актъ, и химическое,—гдѣ нужно было вымыть въ книгѣ документъ, чтобъ очистить мѣсто для поддѣлки.

(Вил. Вѣст.)

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНАГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

Въ № 232-мъ *Русскаго Инвалида* было помѣщено извлеченіе изъ конфирмаціи командующаго войсками виленскаго военнаго округа и главнаго начальника сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанта Потапова, состоявшейся по дѣлу о повѣшенной мятежниками, въ 1863 году, крестьянкѣ Дауджисовой, разслѣдо-

ванному въ бывшей, въ г. Ковно, слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммисіи.—Въ извлеченіи этомъ, между прочими преступниками, участвовавшими въ настоящемъ преступленіи, упоминается о нѣкоемъ Бернатовичѣ, какъ о главномъ участникѣ.

Занимавшись года полтора, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ ковенской слѣдственной коммисіи, и именно въ то время, когда слѣдствіе по дѣлу о повѣшеніи крестьянки Дауджисовой оканчивалось, я имѣлъ случай хорошо ознакомиться со всѣми обнаруженными по этому дѣлу обстоятельствами, послужившими къ открытію преступниковъ, особенно по открытію главнаго виновника Бернатовича; а какъ касающіяся его обстоятельства, по моему мнѣнію, имѣютъ особенный интересъ, то не лишнимъ считаю передать ихъ читателямъ *Русскаго Инвалида*.

Начну съ описанія личности Бернатовича. Цезарь Бернатовичъ былъ простой крестьянинъ, занимался хлѣбопашествомъ и въ этомъ честномъ трудѣ снискивалъ себѣ пропитаніе; но во время мятежа, подобно многимъ своимъ собратамъ, увлекшись, съ одной стороны, обольщеніями пановъ—получить всевозможныя земныя блага, а съ другой,—возбуждаемый ксендзами—возстать для освобожденія ойчизны, гдѣ также не обошлось безъ обѣщаній всѣхъ благъ, не только земныхъ, но и небесныхъ,—Бернатовичъ, подъ вліяніемъ этихъ обѣщаній, напутствованный молитвами фанатическаго духовенства, весною 1863 года бросилъ домашній очагъ и отправился грабить и убивать оставшихся вѣрными своему долгу мирныхъ жителей и, такимъ образомъ, сдѣлался отчаяннымъ злодѣемъ.

Исполняя долгое время волю коноводовъ польскаго мятежа, Бернатовичъ, однако, послѣ разбитія русскими войсками шайки Кушлейко, въ которой онъ находился, устрашился попасть въ руки правосудія и потому счелъ лучшимъ для себя явиться съ повинною къ военному начальству, и заявилъ, что онъ былъ захваченъ въ мятежническую шайку насильно; но во все время пребыванія его тамъ, онъ, ни самъ лично, ни въ соучастіи съ другими мятежниками, не совершилъ никакого уголовнаго преступленія; затѣмъ просилъ пощады и обѣщалъ исправиться.

Военное начальство, не имѣя подъ рукою никакихъ доказательствъ о дѣяніяхъ Бернатовича во время пребыванія его въ шайкѣ, должно было основываться на собственныхъ его показаніяхъ, и по Высочайшему повелѣнію, обнародованному въ манифестѣ 31-го

марта 1863 года, о всеобщемъ прощеніи добровольно смирившихся польскихъ мятежниковъ,—Бернатовичъ былъ водворенъ на мѣсто прежняго своего жительства, съ учрежденіемъ надъ нимъ негласнаго полицейскаго надзора. Такимъ-то образомъ, отъявленный злодѣй, обманомъ воспользовавшійся Высочайше дарованною милостію, проживалъ у себя дома года три, какъ говорится, припѣваючи, воображая, что всѣ злодѣянія его останутся безнаказанными. Но часъ насталъ, и заколдованный рыцарь, силою времени, выводится на сцену въ настоящемъ его видѣ.

Но чтобы описать съ послѣдовательностію тѣ обстоятельства, которыя послужили поводомъ къ открытію преступныхъ дѣйствій Бернатовича, необходимо коснуться здѣсь другаго совершеннаго мятежниками убійства, жертвою котораго были двѣ дѣвушки, убитыя при такой обстановкѣ, которая весьма рѣзко характеризуютъ недавнюю эпоху польскаго мятежа. Вотъ достовѣрныя подробности этого ужаснаго злодѣйства, коснувшись котораго нельзя умолчать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, относящихся къ нему.

Около того же времени, недалеко отъ мѣстечка Гринкишекъ, Ковенской губерніи, проживала вдова, дворянка Полянская, католическаго вѣроисповѣданія; у нея, отъ брака съ русскимъ учителемъ, были двѣ дочери; старшей изъ нихъ—Ольгѣ, было тогда отъ роду 17 лѣтъ, а младшей—Софіи 14 лѣтъ. Обѣ сестры, въ день св. Георгія, 23-го апрѣля, отправились къ обѣдни въ приходскую церковь не въ дальнемъ отъ ихъ жительства разстояніи; изъ церкви онѣ намѣревались зайдти, по сосѣдству, къ шляхтичу Симону Валуцкому, у котораго ихъ семейство когда-то жило въ домѣ, чтобы получить съ него небольшой долгъ, и затѣмъ думали въ скоромъ времени возвратиться домой.

Но судьба готовила имъ горькую участь. На пути онѣ были схвачены толпою жандармовъ-вѣшателей, уведены въ лѣсъ и тамъ пришлось имъ, въ дѣтскихъ еще лѣтахъ, ни въ чемъ неповинныкъ, испытать всѣ ужасы варварскихъ насилій злодѣевъ; поруганныя и обезчещенныя—онѣ должны были окончить жизнь свою въ тяжкихъ мученіяхъ

Между тѣмъ, злополучная мать, не дождавшись своихъ дѣтей въ условленное время, стала тревожиться—не случилось ли съ ними какого-нибудь несчастія—и принуждена была оставить на произволъ судьбы другихъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей и отправиться

отыскивать старшихъ дочерей. Нѣсколько дней она отыскивала ихъ по ближайшимъ деревнямъ и ничего не могла узнать; но, наконецъ, зашла къ одному шляхтичу Германовичу, и отчаяніе Полянской, на этотъ разъ, тронуло его сердце, который сказалъ ей: «Иди ты къ этому злодѣю Валуцкому, онъ твоихъ дочерей выдалъ мятежникамъ на повѣшеніе.» Пораженная, какъ громомъ, этимъ зловѣщимъ предсказаніемъ, Полянская, не помня себя, едва живая, бросилась бѣжать къ Валуцкому; съ надрывающимъ сердце рыданіемъ валялась у его ногъ и молила пощадить дѣтей: идти къ мятежникамъ и выручить ихъ; но девятидесяти-лѣтній старецъ, какимъ онъ себя выдавалъ, отказался и отъ взведеннаго на него обвиненія, и отъ просимой Полянскою защиты.

Выбившись изъ силъ и не отыскавъ дочерей своихъ, Полянская принуждена была вернуться домой и въ душѣ своей скрыть вѣчную и глубокую печаль о погибшихъ дѣтяхъ.

Когда случай, произшедшій съ дѣвицами Полянскими, сдѣлался извѣстнымъ мѣстному военному начальству, то оно тотчасъ распорядилось произвести слѣдствіе, которое, однако, на первыхъ порахъ, не привело ни къ какому открытію. Германовичъ, какъ и нужно было ожидать, отъ словъ своихъ, сказанныхъ Полянской, на первомъ же допросѣ отказался, а Симонъ Валуцкій не только отвергалъ указанное на него участіе въ повѣшеніи дѣвицъ Ольги и Софіи, но имѣлъ еще дерзость увѣрять, что онъ самъ тяжко скорбитъ о постигшей ихъ участи, такъ какъ онѣ родныя его племянницы, ибо первый мужъ вдовы Полянской, Іосифъ Валуцкій, былъ родной его братъ. Какъ ни уличала вдова Полянская Германовича и какъ ни отвергала всякія родственныя отношенія Симона Валуцкаго съ первымъ ея мужемъ, Іосифомъ Валуцкимъ, привести ихъ обоихъ къ сознанію не было никакой возможности, и коммиссія, въ вѣдѣніе которой поступило о преступленіи этомъ слѣдственное дѣло, сочла нужнымъ собрать секретныя свѣдѣнія чрезъ уѣздныхъ жандармовъ.

Такимъ образомъ, спустя довольно продолжительное время послѣ описаннаго случая, когда польскій терроризмъ былъ уже подавленъ и мѣстные жители избавились отъ паническаго страха, было дознано, что проживавшая ключницею на мызѣ помѣщика Вяллозора, Анна Бакановская, почему-то знала мѣсто, гдѣ были похоронены повѣшанныя мятежниками двѣ сестры Полянскія. По-

этому Бакановская была призвана къ допросу, и на первыхъ же порахъ призналась, что пастухъ шляхтича Германовича, крестьянинъ Блондисъ, сказалъ ей, что въ лѣсу помѣщика Бяллозэра были повѣшены сестры Полянскія и тамъ похоронены, и между прочимъ, объяснила еще, что бывшіе у нихъ въ одно время мятежники разговаривали между собою о повѣшенныхъ ими какихъ-то двухъ дѣвушкахъ, а потомъ призвали служившихъ на мызѣ кучера Пагирскаго и повара Лапиниса и приказали имъ идти въ лѣсъ и похоронить тѣла повѣшенныхъ, что послѣдніе и исполнили.

Пастухъ Блондисъ сначала не подтверждалъ сдѣланный на него Анною Бакановскою оговоръ, но впослѣдствіи подтвердилъ; однако не признался, отъ кого именно и по какому случаю онъ узналъ какъ о случившемся съ Полянскими происшествіи, такъ и о мѣстѣ ихъ погребенія—съ тѣмъ и умеръ, а указаніе это, по служенію Блондиса у Германовича, имѣло бы важное значеніе.

Пагирскій же и Лапинисъ показаніе Бакановской подтвердили и при этомъ объяснили, что одинъ изъ мятежниковъ—Стангвилло, прежде бывшій у нихъ на мызѣ лѣсникомъ, повелъ ихъ въ лѣсъ, чтобы указать имъ то мѣсто, гдѣ были останки повѣшенныхъ дѣвушекъ, и когда они пришли къ мѣсту происшествія, то взорамъ ихъ представилось страшное зрѣлище: обнаженные трупы замученныхъ дѣвушекъ, едва прикрытые окровавленными рубахами, висѣли на молодыхъ березкахъ.

Страхъ и ужасъ овладѣлъ Пагирскимъ и Лапинисомъ до того, что они не въ состояніи были выполнить, выпавшее на ихъ долю, приказаніе мятежниковъ; но бывшій при этомъ Стангвилло, подъ угрозою смертной казни, заставилъ покориться необходимости, и при этомъ, на вопросъ послѣднихъ, «за что ихъ, бѣдняжекъ, такъ безжалостно погубили»—Стангвилло звѣрски отвѣтилъ: «суки были, сукъ и повѣсили» (это значитъ, что онѣ были православныя).

Однако, какъ ни тяжело и больно было Пагирскому и Лапинису, по ихъ объясненію, видѣть безчеловѣчный поступокъ мятежниковъ съ несчастными Полянскими, все-таки, по возвращеніи домой, они никому не заявили о случившемся происшествіи, изъ боязни мщенія мятежниковъ, а признались лишь въ этомъ, спустя болѣе года и то по указанію Бакановской. Подобный случай ясно характеризуетъ, до какой степени силенъ былъ паническій страхъ

въ народѣ, наведенный на нихъ мятежниками, различными своими жестокостями и ужасными злодѣяніями.

Въ то время, когда Пагирскій и Лапинисъ указали на соучастіе Стангвилло въ повѣшеніи дѣвицъ Полянскихъ, послѣдній находился уже въ рукахъ правосудія, и за вербовку людей въ шайки и разныя другія политическія преступленія, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 8 лѣтъ; но слѣдственная коммисія задержала его и затѣмъ приступила къ снятію съ него допроса, по вновь обнаружившемуся объ немъ преступленію.

Это было въ концѣ 1864 года.

Стангвилло, сообразивъ, что отдѣлаться, въ этомъ случаѣ, обыкновеннымъ отрицаніемъ ему будетъ невозможно, — признался, что дѣйствительно онъ съ Пагирскимъ и Лапинисомъ похоронилъ повѣшенныхъ дѣвицъ Полянскихъ, но что къ этому принудили его 6 мятежниковъ, которые будто бы встрѣтили его тогда не далеко отъ мызы, и именно въ то время, когда онъ бѣжалъ изъ шайки и, послѣ долгаго укрывательства отъ ихъ поисковъ, рѣшился вернуться домой; причемъ назвалъ по-именно всѣхъ 6 мятежниковъ, и въ числѣ ихъ—извѣстнаго по своимъ изувѣрскимъ поступкамъ во всей Ковенской губерніи, разбойника Мортышуса. По снятіи съ Стангвилло показанія, коммисія приступила къ розыску остальныхъ преступниковъ, но всѣ усилія, употребленныя ею къ отысканію ихъ, не привели къ желаемому результату.

Дознано было только то, что указанные Стангвиллою преступники дѣйствительно были виновниками въ повѣшаніи дѣвицъ Полянскихъ, что подтвердилось еще и слѣдующимъ случаемъ. Одинъ отставной солдатъ Н. при розыскахъ показалъ: что встрѣтившись случайно съ мятежникомъ Мортышусомъ въ лѣсу, гдѣ онъ скитался послѣ уничтоженія шайки, бывшей подъ предводительствомъ Кушлейко, Мортышусъ, въ разговорѣ, сообщилъ ему, что онъ, въ соучастіи съ другими мятежниками, повѣсилъ дѣвицъ Полянскихъ, и подробно передалъ о всѣхъ тѣхъ мученіяхъ, которымъ онѣ были обречены до смерти, и самый послѣдній процессъ ихъ насильственной кончины, о которой онъ разсказалъ такъ: «Когда я сталъ вѣшать старшую Полянскую, то младшая стала на колѣни, скрестила руки на груди, подняла глаза къ небу и сказала: Господи, Господи! молодость наша ничего еще не видѣла, а мы погибаемъ безъ всякой вины. «Господи! прости на-

ши грѣхи». Тогда по мнѣ пробѣжала дрожь и я оторопѣлъ, но послѣ нѣсколькихъ минутъ я опять пришелъ въ себя, повѣсилъ и младшую Полянскую».

При всей важности совершеннаго этимъ звѣремъ преступленія, онъ все-таки не могъ быть отысканъ; а между тѣмъ, вначалѣ 1866 года настоятельно требовалось скорѣйшаго закрытія дѣйствій слѣдственной коммисіи и, въ виду этого, приступлено было къ окончанію слѣдственнаго дѣла о повѣшаніи дѣвицъ Полянскихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно тогда находилось.

По разсмотрѣніи этого дѣла вновь, оказалось нужнымъ передопросить Стангвилло, и онъ былъ вызванъ для этого въ коммисію.

Нужно было видѣть, какимъ святошею представился этотъ негодяй. Вся шея была у него унизана различными образками, въ рукѣ онъ держалъ какой-то пузырекъ, внутри котораго находилась бѣлая крупинка, и наклеенная бумажка съ изображеніемъ лика Божіей Матери; ни одного слова, ни одного шага онъ не дѣлалъ безъ крестнаго знаменія и молитвы; отвѣты онъ произносилъ какимъ-то вкрадчивымъ голосомъ и не иначе какъ стоя на колѣняхъ, не смотря на всѣ предложенія встать на ноги или сѣсть на стулъ, и вообще принималъ на себя видъ человѣка, то проникнутаго самыми глубокими религіозными убѣжденіями, то не выдерживалъ и притворялся помѣшаннымъ. Но замѣчательно, что при этомъ ловкомъ наружномъ притворствѣ, онъ все-таки путался въ своихъ показаніяхъ на очныхъ ставкахъ.

Во-первыхъ, онъ счелъ лучшимъ противу прежняго показать, что когда мятежники приказали ему похоронить Полянскихъ, то онъ былъ дома и въ то время даже изволилъ опочивать въ постели; что онъ никогда не сочувствовалъ возстанію (хотя и былъ уже приговоренъ къ 8-ми лѣтней каторжной работѣ за доказанную вербовку людей въ мятежъ), не совершилъ никакихъ политическихъ и уголовныхъ преступленій, и что его обвиняютъ и обвиняли по злобѣ.—И хотя всѣ улики были противъ него, онъ все таки упорствовалъ въ показаніяхъ, не оставляя при этомъ принятую имъ на себя роль—юродиваго. Такъ, во время спора на очныхъ ставкахъ съ женою, за неимѣніемъ словъ возражать на улики послѣдней, Стангвилло вдругъ подходилъ къ ней, ласково заговаривалъ, совѣтовалъ не бояться коммисіи, потому что

члены ея всѣ добрые, — находилъ, что она блѣдна, похудѣла, предлагалъ ей цѣлебную крупинку изъ своего пузырька и проч.; но его благовѣрная, за всѣ изъявленія супружескихъ нѣжностей, настоящую цѣну которымъ она вѣроятно хорошо знала,—обыкновенно посылала его къ чорту.—Случалось и то, что Стангвилло проговаривался, высказывалъ какой нибудь интересный фактъ, и когда его спрашивали, откуда онъ знаетъ только-что сказанное имъ, Стангвилло нисколько не смущался, подходилъ къ окну, прикладывалъ ухо и отвѣчалъ, а вотъ, мнѣ все съ неба сказали, и при этомъ всегда крестился и корчилъ таинственную физіономію.

Такимъ образомъ, Стангвилло, своими выходками, измучивъ всѣхъ слѣдователей, запуталъ всѣ показанія, и коммисія готова была признать его дѣйствительно за сумасшедшаго; а между тѣмъ ему было заявлено, что его вызвали къ допросу для того, чтобы дать возможность раскаяться въ преступленіяхъ, и только въ такомъ случаѣ онъ могъ бы надѣяться на нѣкоторое облегченіе ожидавшей его участи,—а что запирательство, ложныя и разнорѣчивыя показанія поведутъ къ болѣе строгому взысканію.

Стангвилло, на всѣ такія увѣщанія, всегда отвѣчалъ, что онъ говоритъ сущую правду, и разъ, какъ-то, проговорился: «да вотъ спросите француза, котораго я видѣлъ при входѣ въ коммисію, онъ меня бралъ въ мятежъ». Страннымъ было бы еще сомнѣваться въ умственномъ помѣшательствѣ Стангвилло, когда онъ сказалъ, что при входѣ въ коммисію видѣлъ какого-то француза; однако, тѣмъ не менѣе, сочли необходимымъ повести его въ прихожую и показать собравшихся въ тотъ день крестьянъ, бывшихъ въ шайкѣ Кушлейко и вытребованныхъ въ коммисію изъ разныхъ деревень, для спроса ихъ, въ качествѣ свидѣтелей, по дѣлу о двухъ братьяхъ Кушлейко, обвинявшихся въ посѣщеніи начальника банды.

По предъявленіи Стангвилло этихъ крестьянъ, онъ, повидимому, кого то отыскивалъ, но не находилъ; а потомъ вдругъ бросился къ двери и за нею увидѣлъ спрятавшагося крестьянина и радостно вскрикнулъ: «вотъ онъ, а мнѣ все не вѣрятъ». Знаменитый, по своимъ дѣяніямъ, французъ, былъ никто иной, какъ скромный на видъ, крестьянинъ Цезарь Вернатовичъ.

По этому указанію приступлено было къ составленію акта, а потомъ къ допросу Бернатовича, и онъ на первыхъ же порахъ показалъ, что во время пребыванія его въ шайкѣ, его дѣйстви-

телью называли французомъ, потому что у него дѣдъ былъ французъ и другаго француза въ шайкѣ Кушлейко не было.

Послѣ такого открытія, коммисія пришла къ тому предположенію, что показанія этого француза должны будутъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ о повѣшенной крестьянкѣ Дауджисовой, такъ какъ тамъ было указаніе, что въ числѣ вѣшателей находился и какой-то французъ, въ дѣлѣ о повѣшенныхъ Полянскихъ также упоминался французъ, а потому Бернатовичъ и былъ зарестованъ.

Начались допросы, очныя ставки Бернатовичу съ разными лицами, но онъ ни въ чемъ не признавался. Былъ приглашенъ ксендзъ для увѣщанія его, но и это не помогло; да послѣдняя мѣра едва-ли въ такихъ случаяхъ и могла оказать какую-нибудь помощь.—Ксендзы, при подобнаго рода обрядахъ, далеко не отличались пылкостію своего краснорѣчія, какимъ они себя зарекомендовали во время оно.—Впрочемъ, одинъ ксендзъ, разъ какъ-то, увлекшись желаніемъ порисоваться предъ русскими своею преданностью правительству, сталъ дѣйствительно укорять одного преступника за его запирательство въ показаніяхъ, но послѣдній, не долго думавши, отвѣтилъ своему духовному отцу: «Э! теперь вы же заставляете насъ правду говорить, а чрезъ кого мы въ мятежъ пошли; да если бы васъ на свѣтѣ не было, то и никакого мятежа бы не было».

Послѣ неудавшагося пастырскаго увѣщанія, коммисія опять сама принялась за дѣло; разными убѣжденіями, продолжавшимися сряду дня три, Бернатовичъ былъ приведенъ до слезъ; горько плакалъ, но ничего не говорилъ—и наконецъ признался, что дѣйствительно онъ, съ Стангвиллою и еще двумя мятежниками, повѣсилъ крестьянку Дауджисову и одного отставнаго солдата, который былъ приведенъ въ шайку 4-мя крестьянами и выданъ за русскаго шпіона.

Тогда-то свели обоихъ сотоварищей по мятежу, Стангвиллу и Бернатовича, они схватились въ коммисіи какъ цѣпныя собаки, и польскій схимникъ, видя, что его притворству нѣтъ больше мѣста, снялъ съ себя маску и вполнѣ выказалъ, что онъ достоинъ былъ довѣрія жонда народоваго и не даромъ носилъ почетное званіе «жандарма-вѣшателя».

Въ то же время было дознано, что братъ перваго мужа По-

лянской, Симонъ Валуцкій, давнымъ давно умеръ, и что назвавшій себя этимъ именемъ, на котораго пало подозрѣніе въ выдачѣ мятежникамъ дѣвицъ Полянскихъ и который назвалъ себя ихъ дядей,—былъ бродяга, досталъ фальшивый паспортъ на имя умершаго шляхтича Симона Валуцкаго и съ этимъ видомъ проживалъ десятки лѣтъ.

П. Коваль.

(Рус. Инв.)

ОБЪ ОСВЯЩЕНІИ ГРЕКО-УНІЯТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПИЩАЦѢ.

Въ *Сѣдлец. Губ. Вѣд.* пишутъ: 21 ноября въ м. Пищацѣ, Бѣльскаго уѣзда, присходило торжество освященія новопостроенной греко-уніятской церкви, произведеннаго преосвященнымъ Михаиломъ Куземскимъ, епископомъ холмскимъ. Положеніе уніятскихъ церквей въ здѣшнемъ краѣ было до сихъ поръ самое бѣдственное. Посторойка и починка ихъ, до недавняго времени, лежала на обязанности мѣстныхъ помѣщиковъ, колаторовъ, которые принадлежа сами къ латинскому обряду, мало заботились о духовныхъ нуждахъ уніятскаго населенія. Вслѣдствіе того, мало по малу, уніятскія храмы запущены были до того, что со стороны жалко было смотрѣть на нихъ. Въ 1867 году правительство, обративъ вниманіе на положеніе уніятскяго населенія, ассигновало 275,000 руб. сер. на постройку новыхъ и на починку старыхъ уніятскихъ церквей. Работы начались въ Люблинской губерніи отъ границъ Галиціи, и должны были постепенно подвигаться на сѣверъ, въ Подлясье (Сѣдлецкая губернія). Въ Люблинской губерніи работы эти доселѣ еще не окончены, и очередь построекъ не дошла еще до Подлясья. Но въ прошломъ году, по ходайству г. сѣдлецкаго губернатора, сдѣлано исключеніе изъ этой системы для м. Пищаца, гдѣ требовалось устроить новую церковь, и для г. Янова, гдѣ необходимо было передѣлать костелъ подоминиканскаго монастыря въ уніятскую церковь. Въ м. Пищацѣ уніятская церковь сгорѣла еще въ 1837 году, и съ тѣхъ поръ доселѣ многочисленный уніятскій приходъ не имѣлъ для своихъ богослуженій не только храма, но даже часовни; уніятскій священникъ службы свои отбывалъ въ мѣстномъ

католическомъ костелѣ, чередуясь въ немъ съ католическимъ ксендзомъ. Построенная нынѣ, по распоряженію правительства, первая на Подляськи церковь, удобствомъ и изяществомъ своимъ превосходитъ все, чего только могли желать для себя уніяты въ своемъ положеніи. Она каменная, крестообразная, объ одномъ куполѣ, съ колокольнею надъ входною частію, вмѣстимостью на 600 душъ. Церковная усадьба обнесена изящною каменною оградою. Внутреннее устройство ея во всемъ согласно съ восточнымъ обрядомъ. Преосвященный Михаилъ прибылъ въ Пищацъ наканунѣ освященія, и самъ совершалъ вечерню, а на другой день освященіе церкви и литургію. По пути отъ Холма до Пищаца (около 100 верстъ), въ каждой деревнѣ народъ выходилъ на встрѣчу преосвященнаго на дорогу съ церковными хоругвями и съ хлѣбомъ-солью. Дѣтямъ, особенно ученикамъ сельскихъ училищъ, онъ раздавалъ иконки. Въ присутствіи его, подляскіе священники говорили между собою только по русски, что дѣлало чрезвычайно радостное впечатлѣніе на присутствовавшихъ здѣсь русскихъ чиновниковъ, никогда прежде того не слыхавшихъ, чтобы подляскіе уніятскіе священники говорили между собою иначе какъ по польски. Въ дружеской бесѣдѣ съ священниками за столомъ, преосвященный разсказывалъ разные эпизоды изъ своей практики по обязанностямъ предсѣдателя народнаго дома въ Галиціи, направленные къ возбужденію русскаго духа въ мѣстныхъ уніятахъ, и давалъ совѣтъ, дабы тщательно собираемо было все относящееся къ русской старинѣ въ Холомщинѣ и Подлясьѣ. Посѣщеніе Подлясья преосвященнымъ Михаиломъ, не смотря на свою кратковременность, будетъ имѣть огромное значеніе въ жизни уніатовъ. Около ста лѣтъ холмскіе епископы не появлялись на Подлясьѣ, тогда какъ епископы римско-католическіе, имѣвшіе (до 1867 года) свою каѳедру въ самомъ центрѣ Подлясья—въ г. Яновѣ, ежегодно объѣзжали его, собирая вокругъ себя и латинниковъ и уніятовъ. Преосвященный Михаилъ самъ освятилъ первую на Подлясьѣ церковь, устроенную во всемъ согласно обрядамъ восточнымъ. При служеніи его не слышно было польскаго слова, ни одна часть литургіи восточной не опущена, проповѣдь сказана была по русски, притомъ однимъ изъ мѣстныхъ священниковъ, въ молитвахъ и поминаніяхъ уніаты назывались православными, а не право-

вѣрными, хоръ пѣвчихъ преосвященнаго пѣлъ тѣмъ же напѣвомъ, какимъ поютъ пѣвчіе всѣхъ церквей Россіи, а не такъ называемымъ здѣсь уніятскимъ напѣвомъ, въ которомъ старый кіевскій напѣвъ рѣшительно подавленъ напѣвомъ костельныхъ органистовъ. Многочисленный сонмъ мѣстныхъ священниковъ сослужилъ своему архіерею, покорно и съ рвеніемъ слѣдуя за нимъ всѣмъ предписаніямъ церковнаго устава. Народъ во множествѣ собрался на торжествѣ архіерейскаго служенія изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ при этомъ торжествѣ, разнесется по всему Подлясью, и дастъ самые вожделѣнные плоды. При торжествѣ освященія присутствовали нарочно прибывшіе въ Пищацъ по этому случаю: сѣдлецкій вице-губернаторъ, начальникъ сѣдлецкой учебной дирекціи, сѣдлецкій губернскій жандармскій штабъ-офицеръ и мѣстныя уѣздныя власти. Г. сѣдлецкій губернаторъ не могъ присутствовать при этомъ торжествѣ, не оправившись еще къ тому времени послѣ сильной болѣзни. За обѣдомъ прозозглашены были тосты за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы, его сіятельства графа намѣстника, епископа Михаила, сѣдлецкаго губернатора и др., при чемъ его сіятельству намѣстнику и г. губернатору тотчасъ отправлены были привѣтственныя депеши съ благодарностью за содѣйствіе къ возстановленію изъ развалинъ уніятскихъ храмовъ.

ПИСЬМО СУЛТАНА КЪ ПАПѢ.

Года два назадъ, когда возстаніе въ Кандіи только что началось, когда вслѣдъ затѣмъ обнаружилось движеніе и между славянскими племенами, подвластными Турціи, когда западные кабинеты были встревожены возникновеніемъ опять восточнаго вопроса, и русское правительство прервало съ Римомъ сношенія, листокъ, издававшійся въ Вѣнѣ на русско-галицкомъ нарѣчіи, подъ названіемъ *Страхопудъ*, напечаталъ слѣдующее письмо султана къ папѣ, сопровождая оное такого рода примѣчаніемъ: «Одному изъ дипломатическихъ агентовъ «Страхопуда» удалось подкупить на московскіе рубли турецкаго куріера и перехватить собственноручное письмо султана къ папѣ, которое мы и печатаемъ». Вотъ это письмо: «Ваше святѣйшество, любезный мой братъ, пишетъ

преемникъ Мохамеда, несомнѣнно, что я и ваше святѣйшество подвергаемся большой опасности. Общій нашъ врагъ греко-славянскій міръ возстаетъ противъ насъ со всею діавольскою силою. Достаточно взглянуть на наши отношенія къ этому проклятому христіанскому греко-славянскому схизматическому міру, чтобы убѣдиться, что наши съ вами интересы вполнѣ солидарны. Католицизмъ и мохамеданизмъ должны идти рука объ руку въ борьбѣ противъ схизматическаго востока. Это до того ясно, что и доказывать не нужно. Подумайте, ваше святѣйшество, что тогда будетъ, если удастся схизматикамъ водрузить трехсоставный (православный) схизматическій крестъ на бывшемъ софійскомъ соборѣ! Мохамеданизмъ тогда пропадаетъ совсѣмъ, а на югѣвостокѣ воцарится греко-славянское православіе, которое до самой Адріи поставитъ непреодолимую стѣну вашей католической пропагандѣ. На основаніи этихъ соображеній могу сказать, что мохамеданизмъ есть столпъ католицизма, и вамъ слѣдуетъ поддержать меня всѣми своими средствами и всѣмъ своимъ вліяніемъ. Полагая, что вы не совсѣмъ еще потеряли вліяніе на исповѣдующихъ васъ западныхъ народовъ, прошу васъ, чтобы ваше святѣйшество благоволили призвать всѣхъ католиковъ къ крестовому походу въ защиту вѣры и царства великаго пророка Мохамеда».

Не считаемъ нужнымъ замѣчать, что письмо это скрываетъ истины, вполнѣ вѣрныя, какъ въ психологическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Папа и весь римско-католическій міръ такъ смотрѣли и смотрятъ на мохамеданство и на его пользу для католицизма болѣе трехъ съ половиною вѣковъ. Послѣднія войны, веденныя западными народами противъ мохамеданъ по принципамъ религіознымъ, принадлежатъ XV вѣку. Когда Фердинандъ и Изабелла въ концѣ этаго вѣка изгнали мавровъ изъ Испаніи, и съ торжествомъ вступили въ Гранаду, религіозный антагонисмъ между западно-христіанскимъ и мохамеданскимъ міромъ окончился, и многіе папы были искренними друзьями многихъ турецкихъ султановъ и оказывали и сами получали немаловажныя услуги. Съ этихъ поръ всѣ послѣдующія войны западныхъ народовъ съ турками происходили по чисто политическимъ причинамъ. Съ религіозной точки зрѣнія турки представлялись сознанію западныхъ католиковъ орудіями Провидѣнія, пославшаго ихъ въ наказаніе восточнымъ христіанамъ за ихъ схизматическое возстаніе

противъ власти верховнаго римскаго первосвященника и для вразумленія и обращенія ихъ на истинный путь. Нельзя съ точностію опредѣлить, когда турецкое правительство сознало свою солидарность съ западнымъ христіанствомъ, но это сознаніе должно было уясняться и укрѣпляться по мѣрѣ того, какъ Турція дѣлалась слабѣе, и все живѣе и глубже чувствовала, что силы ее покидаютъ и что ей не выдержать уже борьбы не только съ христіанскимъ міромъ вообще, но въ частности и съ восточнымъ христіанскимъ міромъ, включая Россію, и даже, можетъ быть, съ своими собственными, христіанскими подданными, при полномъ бездѣйствіи Россіи. На этой степени развитія и находится въ настоящее время сознаніе турецкаго правительства касательно солидарности мохамеданскихъ интересовъ и интересовъ западныхъ державъ.

Разсуждая такъ, мы ни мало не преувеличиваемъ важности и прочности противонравственнаго и противоцивилизаціоннаго союза, какой исторія создала между западномъ христіанской Европы и между мохамеданскимъ востокомъ. Для западныхъ христіанскихъ народовъ—восточные христіане: это вообще особое племя *«илотовъ», обреченныхъ на рабство*, которыхъ возстанія всегда должны быть подавляемы, и которые много-много за покорность и хорошее поведеніе могутъ быть возводимы въ званіе *«вольноотпущенныхъ»*, но съ тѣмъ, чтобы и послѣ этого они лишены были самостоятельности дѣйствій и правъ христіанскаго гражданства. Въ положеніи такихъ «вольноотпущенныхъ» находятся Сербія, Румынія и Греція. Тѣмъ болѣе восточные христіане должны быть удерживаемы въ рабскомъ положеніи, что одинъ изъ такихъ «илотскихъ» народовъ пріобрѣлъ голосъ въ европейскомъ ареопагѣ, это—народъ русскій. Вотъ грунтъ картины восточнаго вопроса, какъ этотъ вопросъ представляется взорамъ западныхъ народовъ. Мы не отрицаемъ этимъ, что въ этомъ вопросѣ западные народы руководствуются и другими соображеніями, политическими, международными, финансовыми, торговыми, даже соображеніями ложнопрогрессивными: но основа вопроса остается чисто религіозною.

Существуетъ и не рѣдко высказывается странное воззрѣніе, по которому будто бы и можно, и должно въ жизни государствъ совершенно отдѣлить всѣ элементы неполитическіе, и особенно элементъ вѣры. «Но вѣра, какъ бытовое начало, проникающее со-

бою, подобно воздуху, всю жизнь народа, даетъ частію вѣдомо, частію невѣдомо для него самого, характеръ и направленіе его историческимъ судьбамъ и всѣмъ отправленіямъ его жизни.» А между тѣмъ недавно еще слышались и доселѣ слышатся въ кое какихъ уголкахъ нашей литературы, голоса, утверждающіе, что нѣтъ различія между русскимъ-латиняниномъ и русскимъ-православнымъ. Неотразимое, неистребимое сочувствіе русскаго православнаго общества къ православнымъ грекамъ, тѣснимымъ въ настоящее время всѣми, блистательно опровергаетъ подобное воззрѣніе. Западныя общества на этотъ разъ еще послѣдовательнѣе: тамъ характеръ вѣроисповѣданія отражается еще яснѣе на политической дѣятельности государствъ. И именно теперь, по отношенію къ восточному вопросу, ярко выдается особенный образъ дѣйствій римско-католическаго міра—въ политикѣ главныхъ его представительницъ—Франціи и Австріи. Латинское общество является поразительно равнодушнымъ къ страданіямъ православныхъ народовъ; мало того, оно выражаетъ къ нимъ или презрѣніе или непріязнь и своими чувствами ободряетъ и поддерживаетъ политику своихъ правительствъ Враждебное отношеніе латинства и презрительное протестанства къ восточному христіанству сказывается одинаково, какъ въ искренно вѣрующихъ, такъ и въ невѣрующихъ протестантахъ и католикахъ. Въ этомъ отношеніи особенно откровенны печатные органы латинской клерикальной партіи. Они обвиняли и обвиняютъ грековъ, какъ участниковъ въ всесвѣтной революціи, хотя еще недавно защищали революціонныя попытки и дѣйствія поляковъ. Христіанинъ-грекъ, возстающій противъ мохамеданскаго султана, революціонеръ, и недостоинъ ни сочувствія, ни сожалѣнія; полякъ, возстающій противъ православнаго государя, не революціонеръ, а праведный герой и подвижникъ. Кавуръ, явно помогающій и подстрекающій Гарибальди, великій государственный человѣкъ въ сознаніи западныхъ публицистовъ: греческій министръ Булгарисъ, выражающій свое сочувствіе къ кандіотамъ-единоплеменникамъ, флибустіеръ, нарушающій основные законы международнаго права. Источникъ этихъ противорѣчій тотъ, что поляки—католики, и торжество ихъ есть торжество католицизма, что Кавуръ и Гарибальди дѣйствовали ко благу западнаго же государства; а греки—православные, и торжество ихъ возвѣщаетъ торжество православія. Пій IX и парижскій архіепископъ Сибуръ въ восточную войну

благословляли знамена латинянъ, подвизавшихся въ союзѣ съ мусульманами, т. е. молили Бога, чтобы Онъ продлилъ мохамеданское иго надъ православными христіанами. И такою же тайною или явною, большею частію даже безотчетною, ненавистію ко всѣмъ народамъ, исповѣдующимъ восточное христіанство, одушевленъ весь римскій западъ, на какой бы степени силы или упадка не стояла въ различныхъ его обществахъ религіозность. Поэтому восточный вопросъ есть прежде всего вопросъ объ отношеніяхъ латинства къ греческой церкви, латинскаго міра къ православному. Такъ становятъ этотъ вопросъ сами католики. Есть только два рѣшенія восточнаго вопроса, говоритъ органъ ультрамонтановъ, „Le Monde“, одно посредствомъ католицизма, другое посредствомъ греческой схизмы. «Поспѣшимъ обратить турецкихъ славянъ въ латинство, усилимъ дѣятельность нашихъ миссіонеровъ, тогда востокъ примкнетъ неразрывно къ міру латинской цивилизаціи, будетъ намъ не опасенъ, будетъ намъ свой»,—восклицалъ редакторъ Opinion National, Геру, котораго папство считаетъ между тѣмъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ своихъ противниковъ. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и государственные люди латинскаго запада; тѣми же убѣжденіями руководится и ихъ политика.

Это душевное настроеніе латинскаго запада начинаютъ понимать болѣе развитые и образованные изъ восточныхъ христіанъ. Такъ, въ 1866 году одинъ болгаринъ издалъ брошюру на французскомъ языкѣ: «*Болгарія предъ лицомъ Европы*, гдѣ онъ, вразумленный опытомъ, съ горечью исповѣдуетъ, что «Наполеонъ III является мессіею, освобождающимъ національности только тамъ, гдѣ есть мѣсто для славы и интересовъ Франціи, славы и интересовъ католицизма и латинскаго міра; что западъ, убѣдившись, что христіане въ Турціи никогда не станутъ ни французами, ни англичанами по національности, стремится пересоздать ихъ въ свою національность посредствомъ религіи. Мы поняли, продолжаетъ онъ, что на одномъ только этомъ условіи онъ согласенъ даровать намъ свое покровительство. Если бы Сербія была вѣроисповѣданія и происхожденія латинскаго, давнымъ давно были бы отданы ей ея крѣпости, удерживаемыя турками, и не однѣ только крѣпости! Если бы герцоговинцы были католики, давно бы добилась для нихъ Франція той же автономіи, какъ и для Ливана. Если бы черногорцы были латинскаго племени, границы ихъ тѣсныхъ владѣній были

бы расширены уже давно. Если бы кандіоты не были православные, другія рѣчи держалъ бы маркизъ Мутье въ Аѳинахъ. Если бы болгары были въ церковномъ подчиненіи Риму, мы не казались бы Европѣ народомъ самымъ неспособнымъ для политическаго существованія. Западъ желалъ бы, прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу освобожденія христіанъ въ Турціи отъ невыносимаго и чуждаго ига, сначала заручиться ими въ религіозномъ смыслѣ, т. е. поработить себѣ ихъ совѣсть.»—Но большинство восточныхъ христіанъ далеко не такъ ясно понимаетъ всю глубину того застарѣлаго нерасположенія къ нимъ, которое питаютъ западные народы и государства. Въ простотѣ своей они вѣрятъ западнымъ агентамъ, вѣрятъ ихъ увѣреніямъ, что западные народы освободятъ ихъ, или, по меньшей мѣрѣ, не будутъ препятствовать, когда они сами примутся за дѣло освобожденія. Имъ такъ много и сладко толкуютъ о великодушіи и либерализмѣ западныхъ правительствъ, они возстаютъ, но ихъ останавливаютъ эти «великодушные либералы,» и вотъ тогда-то они чувствуютъ страшное недоумѣніе и обращаютъ полные ожиданія взоры къ дальнему сѣверу, туда, гдѣ Россія....

Мы далеки отъ того, чтобы приписывать всѣмъ западнымъ христіанамъ подобное сильное озлобленіе, еще болѣе далеки отъ того, чтобы приписывать подобное озлобленіе протестантамъ. «У послѣднихъ ненависть смѣнилась презрѣніемъ, чувствомъ менѣе кровожаднымъ, хотя все таки враждебнымъ, и способнымъ, при малѣйшей борьбѣ или соперничествѣ съ презираемымъ, распалиться до свирѣпости.» Такое высокомѣрное презрѣніе недавно, какъ разсказываютъ, обнаружилъ англійскій посланникъ въ Аѳинахъ въ разговорѣ съ греческимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ заявленія со стороны англійскаго посланника о правѣ на вмѣшательство Англіи, въ качествѣ державы-покровительницы, греческій министръ, говорятъ, счелъ нужнымъ заявить съ своей стороны, что Греція признаетъ державъ-покровительницъ только въ томъ смыслѣ, что она признаетъ за ними особыя права на благодарность съ своей стороны, но что она никогда не позволитъ въ слѣдствіе этого касаться ея независимости. «Ну, хорошо, отвѣчалъ на это посланникъ; если Греція не слушается *державы-покровительницы,* которая *желаетъ* мира, то заговоритъ *великая держава,* которая *потребуетъ* мира.» Въ № 260, разбирая рѣчь

лорда Стэнли, статьи „Times“ и „Liberté,“ мы показывали, какъ презрительно и господственно относятся авторы ихъ къ восточнымъ христіанамъ даже тогда, когда показываютъ къ нимъ какъ будто нѣкоторое сочувствіе. Съ презрѣніемъ и сожалѣніемъ трактуютъ восточныхъ христіане-западные либералы и прогрессисты, равно холодные и къ протестанству, и къ католичеству. Во имя цивилизаціи и прогресса, во имя гражданскаго порядка они оправдываютъ настоящее жалкое положеніе восточныхъ христіанъ, говоря, что они неспособны къ независимой жизни, что съ уничтоженіемъ власти турокъ въ Турецкой Имперіи, вмѣсто хотя плохаго порядка, воцарится анархія, что имъ нужно пріобрѣсти гораздо больше ума чѣмъ сколько они имѣютъ и показываютъ его теперь, что для нихъ совершенно достаточно пока турецкой свободы, что, напримѣръ, Греція—это не болѣе, какъ мертвое порожденіе нелѣпыхъ мечтаній, проба дипломатіи, не оправдавшая ожиданій и способная убѣдить, что больше не слѣдуетъ дѣлать опытовъ освобожденія восточныхъ христіанъ. Соображая все сказанное, мы находимъ, что если восточные христіане для латинства суть непокорные и ненавистные «*илоты*«, то для протестантства и либерализма западнаго они—«презрѣнные рабы» и «*жалкіе недоросли*«, неспособные къ самостоятельной жизни; въ частности же «*московскіе христіане*»—это въ существѣ рабское, по происхожденію монгольское, но по многочисленности опасное рабское племя, и не будь *Москва* такъ сильна, западный либерализмъ, можетъ быть, и согласился бы еще дѣлать кой-какія льготы несчастнымъ восточнымъ христіанамъ 1).

---

1) Мы потому помѣщаемъ въ Вѣстникѣ эту прекрасную статью, что она совпадаетъ съ истинами, которыя много разъ въ немъ были высказаны, которыя усвояютъ принципу религіозному то мѣсто и значеніе, какія принадлежатъ ему по праву, и которыя, не смотря на то, были или отрицаемы, или непонимаемы нѣкоторыми нашими публицистами. *Ред.*

О ЗАПИСКѢ ПОКОЙНАГО МИТРОПОЛИТА IОСИФА 5-ГО НОЯБРЯ 1867 ГОДА.

Извѣстно, въ какомъ печальномъ состоянiи находилась унiатская церковь въ концѣ 18-го и началѣ настоящаго столѣтiя. Главною причиною униженiя унiятской церкви были виновники ея появленiя—латиняне. Видя въ ней какъ бы переходную ступень къ латинству, латиняне постоянно силились дать унiи такое значенiе и въ глазахъ другихъ. Съ этою цѣлью они постоянно набрасывали унiи свои разнаго рода обряды и церемонiи, фактически удаляя ее отъ православiя и становя какъ бы на одну почву съ латинствомъ. Искаженная такимъ образомъ, первоначальная унiя въ концѣ 18-го в. представляла собою Богъ вѣсть что, а императоръ Павелъ справедливо отзывался о ней, что это—ни рыба, ни мясо. Унiи грозило уже совершенное поглощенiе латинствомъ, когда она съ началомъ 19-го в. по своему верховному управленiю отдана была въ полное распоряженiе римскихъ-католиковъ (посредствомъ духовной коллегiи). Къ счастiю, къ этому времени и въ самой унiи созрѣло нѣсколько личностей, которыя своимъ свѣтлымъ и здравымъ смысломъ понимали всю ненормальность такого теченiя унiатской жизни и съ *личною опасностiю* рѣшились воротить ее къ ея первоначальному источнику. Возможность такой реформы внушило имъ привильное пониманiе западно-русской жизни, западно-русскаго народа и духовенства (низшаго), правильное пониманiе унiи и православiя, вѣра въ святость своего дѣла, надежда на равительство, его проницательность, его желанiе блага своимъ подданнымъ. Однимъ изъ главныхъ, если не первыхъ, дѣятелей въ такомъ великомъ дѣлѣ является покойный митрополитъ. Избранный въ 1822 г. въ ассесоры духовной коллегiи, онъ рѣшился посвятить себя дорогому своему отечеству и съ тѣмъ вмѣстѣ душевной пользѣ ввѣренныхъ ему лицъ. Съ этихъ поръ онъ началъ свое великое дѣло, которому съ примѣрнымъ гражданскимъ самоотверженiемъ служилъ до послѣднихъ дней. Мы намѣрены здѣсь указать только начало этой дѣятельности; здѣсь, однако, какъ въ фокусѣ, отразилась уже вся великая будущая задача покойнаго святителя.

Присутствiе въ духовной коллегiи окончательно познакомило покойнаго митрополита съ жалкимъ положенiемъ той церкви, къ

которой самъ онъ принадлежалъ. Если оставить дѣло въ такомъ положеніи, то будущее обѣщало еще болѣе неутѣшительныя явленія. Къ счастію, тогдашнее правительство начинало принимать нѣкоторыя мѣры «къ огражденію цѣлости грекоунитскаго исповѣданія и сохраненію свойственнаго сему обряду богослуженія. «Это вызвало у покойнаго послѣднюю рѣшимость—представить правительству истинное положеніе уніятской церкви и указать средство къ возстановленію ея чистоты. Въ такой мысли была представлена правительству покойнымъ митрополитомъ записка отъ 5 ноября 1827 года.

Болѣе двухъ сотъ лѣтъ, излагается въ этой запискѣ, какъ западно-русскій народъ безпрепятственно сохранялъ креко-восточную вѣру и священные обряды богослуженія на природномъ славянскомъ языкѣ, не смотря на то, что подчиненъ былъ сначала Литвѣ, потомъ Польшѣ. Но польское правительство, желая въ народѣ единодушія, главнаго основанія государственнаго могущества, нечувствительными мѣрами, заблаговременно приготовило унію, возникшую въ царствованіе Сигизмунда III, извѣстнаго своею ревностію къ католичеству. Съ появленіемъ уніи, русскіе князья, потомки св. Владиміра, и прочіе единоплеменные имъ литовскіе князья и другіе вельможи, «увлеченные обнадеживаніемъ двора и пронырствами іезуитовъ, оставивъ вѣру своихъ предковъ, оставили съ презрѣніемъ и самую унію, дабы въ нѣдрахъ господствующей церкви латинской удовлетворить свое любочестіе.« Но съ переходомъ въ унію, и потомъ въ латинство, высшихъ сословій, народъ и низшее духовевство остались вѣрны своему долгу. Вмѣстѣ они противоборствовали всѣмъ нововведеніямъ въ свою церковь, и преемники Сигизмунда дорого заплатили за опытъ насильственно повелѣвать совѣстію народа, который составлялъ большую половину государства. Но польское правительство не думало отказываться отъ своей цѣли. Нужно было придумать какія нибудь мѣры. И вотъ, при горячемъ содѣйствіи невобращенныхъ вельможъ, русская земля прикрылась іезуитскими и другими римскими орденскими монастырями. Училища при этихъ монастыряхъ составляли единственный пріютъ, гдѣ могло получать кой какое образованіе уніятское юношество, но съ тѣмъ вмѣстѣ оное нечувствительно привыкало къ чуждому для него римскому обряду—»и вскорѣ въ уніятскомъ исповѣданіи остался только простой народъ и его священники.« Оставляя

народъ, латиняне подумали совратить духовенство—низшихъ священниковъ, безъ которыхъ не возможно дѣйствовать на умы простого народа.

»Папы римскіе торжественно утвердили и обезпечили для уніятовъ образъ богослуженія и права греческой церкви. Вообще думаютъ, что это поведеніе было искреннимъ, и приводятъ благовидную тому пуичину, дудто они могли надѣяться таковымъ снисхожденіемъ подчинить своему скиперту и всю Россію. Токое мнѣніе не согласно съ поступками римскаго престола во все время существованія уніи....Всѣ перемѣны по уніятскому или лучше греческому обряду приводились въ дѣйствіе на глазахъ папскаго въ Варшавѣ нунція, часто съ его вѣдома, а иногда съ соизволенія ихъ папъ—и развѣ гласныя неудовольствія и нареканія исторгагали у нихъ отъ времени до времени ничтожное опредѣленіе, обужывающее частныя своевовльства».

Уже самый актъ объ уніи былъ причиною измѣненія въ оной и образа управленія и обрядовъ богослуженія греческой церкви. Но выше всякаго сомнѣнія, что унія должна была измѣниться съ допущеніемъ лицъ римскаго исповѣданія къ уніятскому монашеству, и тѣмъ самымъ и ко всѣмъ высшимъ достоинствамъ. Богатые фундуши монастырей, епископій и архіепископій немедленно привлекли въ уніятскій обрядъ достаточное количество знаменитѣйшихъ особъ римско-католическихъ фамилій. Новые пришельцы скоро исходатайствовали у правительства привиллегію,чтобы на архимандріи и епископіи никто кромѣ дворянъ не могъ быть возведеннымъ, и всѣ высшія іерархическія мѣста въ уніи поставили отъ себя въ полную зивисимость.

Прибравъ къ своимъ рукамъ первѣйшія мѣста и фундуши уніятскіе, манахи уніятскіе (базиліяне) успѣшно пошли къ своей цѣли. Духъ и направленіе уніятскаго монашества измѣнились уже по одному тому, что въ среду его допускались римляне. Но это еще не все. Сначала на Литвѣ, а потомъ и въ коронѣ монастири (уніятскіе) исторгнуты изъ подъ власти епископовъ и составлено общество базиліянъ. Базиліяне, съ протоархимандритомъ или генераломъ во главѣ, сначала были подчинены митрополитамъ, а потомъ стали имъ противодѣйствовать, измѣнили совершенно свое образованіе (въ пользу латинства) и, кромѣ употребленія славянскаго языка при богослуженіи, ничего почти но оставили изъ древ-

няго греческаго обряда. «Такимъ образомъ уніятскіе монахи изъ защитниковъ обряда и правъ своей церкви стали виновниками преступнаго на оныя посягательства и, подобно другимъ монашескимъ римскимъ орденамъ, орудіями польской власти, посредствомъ нунціевъ и пребывающихъ въ Римѣ орденскихъ вмѣстѣ съ генералами избранныхъ прокураторовъ удобно дѣйствовавшей.»

Преобразованіе монаховъ считали достаточнымъ средствомъ къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ въ уніи. «Бѣлое духовенство думали принудить силою власти: отняли у него знатнѣйшіе фундуши, изъ которыхъ воздвигали новые монастыри; ставили надъ онымъ изъ монаховъ не только первѣйшихъ епархіальныхъ начальниковъ, но даже часто и декановъ, и бѣлое духовенство возстенало подъ тяжестію, но уже не внѣшняго, а внутренняго, отъ своихъ братій, угнетенія. Сіи однако средства, кромѣ взаимной до нынѣ продолжающейся между монашествомъ и свѣтскимъ духовенствомъ ненависти, никакого не имѣли дѣйствія: презрѣнные и угнетенные священники тѣмъ болѣе держались обрядовъ, своимъ гонителямъ ненавистныхъ.»

Видя неуспѣшность однихъ мѣръ, поспѣшили принять другія. Съ появленіямъ уніи стали открывать папы училища для русскаго духовнаго юношества. Вѣдѣніе ихъ поручалось іезуитамъ, а по упраздненіи послѣднихъ, папскимъ нунціямъ. Но плодами этихъ училищъ пользовались только монашествующіе (Понятно, какой вкусъ и ароматъ былъ въ этихъ плодахъ). Чтобы поставить какъ нибудь на этомъ пути и свѣтское духовенство, распорядились отдавать дѣтей его въ папскіе алюмнаты—римскій и виленскій. Но опять, чтобы образованные молодые люди изъ свѣтскаго духовенства не поступили въ монашество (а туда ихъ привлекало все: но цѣли Рима тогда не были бы достигнуты), то постановлено было, чтобы новиціуши при своемъ вступленіи въ алюмнатъ давали присягу, что они не поступятъ ни въ какой изъ монашескихъ орденовъ. Образовавшіеся здѣсь бѣлые священники, имѣя къ себѣ довѣріе своего духовенства, сдѣлавшись его начальниками, болѣе всего содѣйствовали распространенію нововведеній въ уніятской церкви, тѣмъ болѣе, что почва для такихъ нововведеній была подготовлена базиліянскими и іезуитскими воспитанниками. Вторая половина истекшаго столѣтія и была главнымъ театромъ всевозможныхъ нововведеній. Тутъ волею неволею обрили свя-

щенникамъ бороды, сняли прежнія ихъ рясы; тутъ ввели нѣкоторые римскіе обряды и праздники, тутъ учрежденъ папою крестъ для ревностныхъ въ уніи бѣлыхъ священниковъ; тутъ составлены на подобіе римскихъ уніятскіе капитулы..... Но всѣ эти нововведенія не могли окрѣпнуть и распространиться. Звукъ оружія Екатерины II далъ знать угнетеннымъ, что можно вздохнуть свободнѣе и большая половина уніятскаго народа поспѣшила обратиться къ греко-россійской церкви.

Съ возсоединеніемъ западной Россіи съ Великороссіей не исчезли совсѣмъ причины, которыя постоянно выдвигались злыми людьми съ тою цѣлію, чтобы разорвать связь между частями нашего древняго, обширнаго отечества. Причины эти слѣдующія. Въ возсоединенныхъ губерніяхъ существуетъ патріотизмъ (шляхты) къ своему прежнему отечеству. «Безъ сомнѣнія, чувства, съ младенчества вліянныя и привычкою вкоренившіяся, не могутъ называться преступленіемъ, но поддерживающіе и распространяющіе оныя посредствомъ направленія, даннаго публичному воспитанію, или другими тайными, еще ненавистнѣйшими способами, должны считаться врагами общаго спокойствія. Съ другой стороны, духовенство въ глуши монастырей, или въ епархіальныхъ семинаріяхъ, отъ мѣстныхъ архіереевъ совершенно зависящихъ, и по книгамъ, въ среднихъ вѣкахъ сочиненнымъ, или же злоупотребленіями сихъ вѣковъ, предразсудками и сумасбродствами наполненнымъ, воспитываемое, не можетъ смотрѣть пріятнымъ окомъ на народъ съ вѣрою, въ теченіи толикихъ вѣковъ ненавистною,—народъ, невсегда дозволяющій пользоваться мнимыми его правами и препятствующій неугасимой его жаждѣ къ прозелитизму. Сіи двѣ дружины, ежели ихъ такъ назвать, польскій патріотизмъ и ложный католицизмъ, хотя не однимъ образомъ, постоянно однако дѣйствуютъ къ вящшему удаленію сердецъ обитателей присоединенныхъ губерній отъ нынѣшняго своего отечества».

Такимъ образомъ выходило, что и юношество въ указанныхъ училищахъ—съ тенденціознымъ направленіемъ отзывалось о Россіи съ презрѣніемъ, не зная въ тоже время ни самой Россіи, ни ея исторіи, ея обычаевъ, языка, литературы. Русскихъ оно считало варварами и названіе «москаль» было обыкновеннымъ изъявленіемъ презрѣнія. Духовенство съ своей стороны, хотя осторожнѣе, нещадило однако презрительныхъ сарказмовъ въ отношеніи «ерети-

ковъ»... «схизматиковъ». За панами и пастырями нерѣдко слѣдовалъ и самъ народъ. Вмѣстѣ съ римлянами почти въ одинаковой мѣрѣ начинали участвовать и уніяты «въ преступномъ направленіи умовъ.» Уніятское духовенство въ послѣднее время объединялось съ римлянами взаимностію пользы: воспитывалось оно въ римскихъ, или, что тоже, базиліянскихъ училищахъ, и потомъ въ главной семинаріи; руководствовалось одними законами, одними учебными сочиненіями; въ полученіи приходовъ зависѣло отъ римскихъ помѣщиковъ; отъ совокупности богослуженія получало значительные доходы; часто римскихъ въ костелахъ занимало многія мѣста въ званіи викарныхъ, коммендаріевъ, альтаристовъ, капеляновъ; нѣкоторые считаютъ себѣ за честь — видѣть дѣтей своихъ въ средѣ римскаго духовенства, «ежели не именемъ, то силою мнѣнія и своимъ богатствомъ въ странѣ истинно-господствующаго.» Выходило, стало быть, что уніятское духовенство нужно было считать уже какъ бы служилымъ сословіемъ римскаго Къ этой мысли приводило и то обстоятельство, что уніятское духовенство также служило въ костелахъ, носило одинаковую съ ксендзами одежду и въ тоже время силилось подражать имъ: вмѣсто древнихъ греческихъ обрядовъ вводило у себя латинскіе, вмѣсто внятнаго богослуженія—читанныя мши; во многихъ церквахъ исчезли иконостасы и въ нихъ явились органы вмѣсто пѣнія, много говорящаго уму и сердцу. Самый языкъ славянскій— единственное пока отличіе православнаго богослуженія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе искажался и отчасти даже не охотно употреблялся, какъ природными уніатами, такъ особенно поставленными изъ римлянъ священниками. Во многихъ мѣстахъ начинали уже учить народъ на польскомъ языкѣ и предлагать на немъ поученія.

Исчезало, такимъ образомъ, совершенное различіе между уніей и латинствомъ, и уніяты отличались отъ латинянъ только названіемъ. Цѣль латинства достигалась: самую унію можно было объявить латинствомъ, и дѣйствительно, при пропагандистическомъ духѣ въ другой, совращенія уніятовъ были самыя крупныя: въ одной Виленской епархіи, при трехъ стахъ церквахъ, совращенныхъ насчитывалось около 20,000.

Чтобы остановить такое зло, нужно обязать уніятское духовенство воспитывать своихъ дѣтей въ училищахъ, устроенныхъ для него русскимъ правительствомъ: «а дабы не дать причины къ уклю-

нению отъ сего правила, или же къ неудовольствіямъ, духовное юношество должно найти въ сихъ училищахъ, а равно и семинаріяхъ всѣ удобства и способы къ просвѣщенію, какимъ нынѣ пользуется.» Духовныя училища требовалось устроить въ достаточномъ количествѣ: въ нихъ должны были преподаваться, кромѣ славянскаго языка и обрядовъ богослуженія, всѣ тѣ предметы, которые преподавались и въ свѣтскихъ училищахъ; требовалось устроить въ нихъ достаточное количество казенныхъ фундушей, которыми по своему усмотрѣнію могли бы распоряжаться епархіальные архіереи.

Такъ какъ «ничто болѣе не сближаетъ людей между собою, какъ употребленіе въ общежитіи одного языка, то потому слѣдовало бы завести во всѣхъ духовныхъ училищахъ преподаваніе вмѣсто польскаго на русскомъ языкѣ—вдругъ или постепенно.» За недостатками бѣлаго духовенства и для избѣжанія смѣшенія при враждебномъ расположеніи умовъ между монашествомъ и бѣлымъ уніятскимъ духовенствомъ—школы эти требовалось оставить въ вѣдѣніи пока монаховъ. Но семинаріи должны были быть совершенно свободными отъ всякаго вліянія базиліянъ. Чтобы даже въ низшихъ училищахъ юношество не напиталось ихъ вреднымъ духомъ, требовалось ограничить эти училища только тремя низшими классами. Продолженіе дальнѣйшаго воспитанія должно было совершаться въ епархіяхъ подъ вліяніемъ здравыхъ правилъ и бдительнаго присмотра.

Базиліянскій орденъ въ уніи былъ самый вредный и по своему составу и по своему направленію. Между тѣмъ онъ былъ многочисленный и по своему богатству и положенію вліятельный. Требовалось сократить число базиліянскихъ монастырей (съ 80 на 20), тогда можно бы имѣть на нихъ большее вліяніе и лучшій за ними надзоръ. Самые базиліянскіе фундуши изъ 11,435 человѣкъ муж. пола и 858,152 руб. с. капитала на содержаніе 680 монаховъ требовалось обратить на болѣе пригодное употребленіе и для государства и для греко-унитской церкви. Такъ какъ предполагалось оставить базиліянъ учителями въ низшихъ училищахъ, то нужно было размѣстить ихъ по тѣмъ монастырямъ, гдѣ находятся училища; отдѣльное монашеское начальство (генералы, или протоархимандриты...) требовалось уничтожить, какъ вредное, и поставить ихъ въ зависимость отъ мѣстныхъ архіереевъ. Требовалось воспретить вступать въ монашество малолѣтнимъ. и наполнить, если

можно будетъ, кончившими ученіе въ училищахъ; въ монастыри, наполненные римско-базиліянами совершенно воспретить принимать новиціушовъ. Базиліяне, такимъ образомъ, ослаблялись въ своемъ значеніи, ихъ исключительное направленіе и положеніе исчезало, они входили въ колею общегосударственной жизни, и начальство легче могло бы слѣдить за ними и направлять ихъ къ законной цѣли: «молодые люди не произносили бы безразсудныхъ обѣтовъ, и вступая въ монашество, знали бы уже предварительно обязанности человѣка—гражданина и священника, тогда какъ дѣти въ новиціатахъ образуются единственно на монаховъ, своихъ родныхъ, свое отечество, своего царя, свое небо въ одномъ монастырѣ заключающихъ.»

Чтобы болѣе содѣйствовать возстановленію въ бѣломъ уніятскомъ духовенствѣ его истиннаго духа и значенія, требовалось удалить резиденцію его епархіальныхъ начальствъ отъ римскихъ каѳедръ и вообще отъ такихъ мѣстъ, гдѣ замѣтно было сильное вліяніе латинянъ. Удаленное отъ послѣднихъ, уніятское духовенство скорѣе способно было принять реформу. Указывалось новое разграниченіе уніятскихъ епархій и обозначались пункты, выгодные для пребыванія уніятскихъ архіереевъ. Особенно выгодными представлялись Полоцкъ и Жировицы (Гродн. губ,), древніе пункты русской жизни, кругомъ которыхъ было много русскаго элемента, и которые, слѣдовательно, могли благотворно повліять на уніатовъ и даже ихъ епаріальныя власти, если назначить для нихъ пребываніе въ этихъ пунктахъ. Вильну, кругомъ которой уніятовъ почти не было, можно было оставить. Самое управленіе уніятовъ во второмъ департаментѣ духовной коллегіи требовалось отдѣлить отъ управленія римлянами.

Мы говорили уже, что уніяты стали заводить у себя капитулы по образцу латинянъ. Для противудѣйствія этому можно было образовать каѳедральные штаты. Капитулы рушились бы, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ одного супрасльскаго, всѣ они не имѣли законнаго основанія. Главная причина существованія каноников въ уніятской церкви—это—кресты, установленные папою въ 1784 г. для 30 ревностныхъ въ уніи священниковъ и совершенно сходные съ римскими. «Сіи кресты, властію митрополита раздаваемые, едва ли въ самой Россіи не превышаютъ уже вдвойнѣ узаконеннаго количества, говоритъ записка, и всѣ носящіе оные именуются ка-

юниками. Какъ вѣрноподданные изъ рукъ своего только государя награжденія заслугъ своихъ ожидать должны,—то и слѣдовало бы воспретить уніятскимъ митрополитамъ раздачу оныхъ крестовъ.» Предполагалось гораздо лучшимъ—установить въ уніи санъ протоіерея съ награжденіемъ крестомъ, какой дается въ господствующемъ исповѣданіи, и установить какіе нибудь пенсіоны изъ общаго церковнаго достоянія.

Въ заключеніе указывалось, что надзоръ за успѣшнымъ выполненіемъ всѣхъ предначертаній правительства относительно уніятовъ долженъ быть возложенъ не только на архіереевъ, но и на мѣстныя консисторіи и коллегію, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности самихъ мѣстъ.

Мы изложили ходъ главныхъ мыслей «записки» покойнаго митрополита. Здѣсь виденъ глубокій политическій смысль и самоотверженная ревность о благѣ отечества вѣрноподданнаго гражданина. Въ остальномъ предоставляемъ судить самому читателю. Эта «записка». представленная императору Николаю Павловичу, пріобрѣла покойному іерарху полное довѣріе и уваженіе великаго государя. Нужно помнить при этомъ, что она писана 40 слишкомъ лѣтъ назадъ.... *К.*

(*Лит. Еп. Вѣд*).

СЛАВЯНИНЪ.

Читатели наши вѣроятно уже довольно ознакомлены съ симпатическимъ направленіемъ львовскаго журнала „Славянинъ,“ посвященнаго интересамъ славянства. — Тѣмъ не менѣе, мы предоставляемъ себѣ отъ времени до времени давать отчетъ о содержаніи нѣкоторыхъ болѣе рельефныхъ выпусковъ, въ которыхъ явственнѣе выражается воззрѣніе этого органа на нѣкоторые, наиболѣе намъ близкіе, вопросы славянства.

Во всѣхъ доселѣ вышедшихъ №№ Славянина въ номъ неуклонно и съ замѣчательною логическою послѣдовательностію проведена благородная задача сближенія и духовнаго объединенія славянскихъ племенъ между собою. Съ одинаковымъ усердіемъ онъ занимается и русскими, и поляками, чехами, сербами и болгарами, съ полнымъ знаніемъ исторической жизни

этихъ славянскихъ племенъ, обрисовываетъ бытовыя ихъ особенности, и вѣрно представляетъ уровень духовнаго ихъ развитія въ настоящую минуту.

Что же касается взгляда на отношенія поляковъ къ русскимъ, то признаемся, что этотъ совершенно независимый органъ, издающійся въ пунктѣ, гдѣ кипятъ политическія страсти, гдѣ существуютъ анти-славянскія партіи „Народовки“ и Львовскаго Дневника“, — поистинѣ возбуждаетъ удивленіе своимъ рыцарскимъ подвигомъ во имя истины, своимъ объективнымъ безстрастіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ № 9 „Славянина“, въ которомъ находимъ нѣкоторыя указанія на тотъ способъ примиренія русскихъ съ поляками, который, судя по нѣкоторымъ даннымъ, „Славянинъ“ признаетъ естественнымъ и найболѣе достигающимъ цѣли.

Правда, прямыхъ разсужденій редакціи на эту тему въ „Славянинѣ“ нѣтъ, но уже одно воспроизведеніе на его столбцахъ знаменитаго меморіала Карамзина, представленнаго этимъ патріотомъ въ 1819 г. императору Александру I, показываетъ, что почтенный органъ славянства раздѣляетъ мнѣнія, высказанныя въ упомянутомъ документѣ. Онъ переведенъ на польскій языкъ съ недавно вышедшаго въ Петербургѣ изданія кореспонденціи Карамзина, подъ названіемъ „Мнѣніе русскаго гражданина.“

Читатели наши, надѣемся, раздѣлятъ высказанное нами заключеніе объ образѣ понятій „Славянина“ по предмету примиренія, если припомнятъ содержаніе Карамзинскаго меморіала. По поводу проявляшагося одно время у императора Александра I намѣренія воскресить Польшу въ ея древнихъ предѣлахъ, вотъ что, между прочимъ, писалъ Крамзинъ къ освободителю Европы: „Вы думаете возстановить древнее королевство польское? Но сіе возстановленіе согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовью къ Россіи и къ самой справедливости? Во первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія одастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ священнаго союза, объявить ей войну, которая противна не только христіанству, но и государственной справедливости? Потому что Вы сами признали Галицію законнымъ достояніемъ австійскимъ. Во вторыхъ, можете ли

Вы, съ мирною совѣстью, отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынь и Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣнцъ Мономаха, Петра, Екатарины, которую вы сами называли Великою,—скажутъ ли что она беззаконно раздѣлила Польшу? но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣствуетъ Богу, отвѣствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято. Для васъ Польша есть законное россійское наслѣдіе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ; иначе, мы долженствовали бы возстановить казанское и астраханское царства, новгородскую республику, великое княжество рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ, Бѣлоруссія, Волынь и Подолія вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ; или все, или ничего! До нынѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: „ни пяди ни врагу, ни другу!" Наполеонъ могъ завоевать Россію, но вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной русской хижины; таковъ характеръ и духъ государственный. Вы любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безмолвной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части, и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, государь, безмолвна предъ вами, но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани) и произвела нѣкогда историка достойнаго, то онъ, государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества— доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить поляки. Извиняемъ ихъ, но васъ бы русскіе не извинили, если бы вы для ихъ рукоплесканій ввергнули насъ въ отчаяніе, государь нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую вамъ головою за сіе

неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши! Я слышу русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душею къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустелъ бы конечно вашъ дворецъ; вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечетву, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы. А вы государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

„Однимъ словомъ... и Господь серцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину, однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровью землю польскую, и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

„Нѣтъ, государь! никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны. Слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ. Когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи. Конечно не въ ваше царствованіе, но вы государь, смотрите далѣе своего вѣка; если вы смертны тѣломъ, то безсмертны славою. Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны, а назависимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ.

„Литва и Волынь желаютъ королевства польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской; чей голосъ долженъ быть слышнѣе для вашего сердца? Они въ случаѣ войны, впрочемъ нимало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ; право всегда имѣетъ особую силу, а бунтъ какъ беззаконіе отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державного народа, для насъ опаснѣе поляковъ-россіянъ. Государь! Богъ далъ вамъ такую славу и такую державу, что безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, вамъ нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, что

бы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый, безкорыстнымъ великодушнымъ посредничествомъ, второе—хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя Великаго, пріобрѣтите имя отца нашего. Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство польское, какъ оно есть нынѣ, но да существуетъ и благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена вамъ Екатериною!.. Екатерина любила васъ нѣжно и любила наше отечество.— Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю!"

И такъ предположивъ, что воспроизведеніемъ этого документа безъ коментарій, редакція признаетъ вѣрность высказанныхъ въ немъ сужденій, мы вправѣ заключить, что уважаемый органъ понимаетъ примиреніе ближайшихъ между собою родственныхъ племенъ совсѣмъ не въ духѣ „Новаго Времени" или „Вѣсти", отличающихся крайнимъ верхоглядствомъ по руско-польскому вопросу. Мы въ правѣ заключить, что любя польскій народъ, „Славянинъ" желаетъ ему, подобно намъ, умиротворенія прочнаго, при которомъ политическія потрясенія оказались бы невозможными, для взаимнаго благосостоянія двухъ родственныхъ племенъ. Полагаемъ, что столь благородная роль слишкомъ убѣдительно говаритъ сама за себя, и опредѣляетъ то серьезное значеніе, которое придается этому органу славянства, его посредническою, такъ сказать, международною миссіей.

Въ статьѣ, подъ названіемъ *Болгарія*, „Славянинъ," сообщивъ интересныя данныя о болгарскомъ народѣ—историческія, статистическія и этнографическія, порицаетъ соболѣзнованіе французскаго туриста Кипріана Робера, по поводу отсутствія у болгаръ политическаго энтузіазма, ихъ неподвижности и флегматическаго характера. Почтенный органъ полагаетъ, что благодаря этой чертѣ народнаго характера, болгары не ловятся въ силки такъ легко, какъ ловятся поляки, слушаясь подущеній западной Европы. Роберъ полагаетъ даже, что болгаринъ есть только ославянившійся татаринъ. Въ такомъ случаѣ, дѣльно замѣчаетъ „Славянинъ," слѣдуетъ признать за славянствомъ великую силу, и должно радоваться ея успѣхамъ вездѣ, гдѣ только она проявляется, наперекоръ педантическимъ, быть можетъ, весьма ученымъ, но во всякомъ случаѣ, сухимъ выводамъ

Духинскаго, направленнымъ, какъ думаетъ редакція, естественно къ пагубѣ лехитскаго народа. „Татары и болгары, говорится въ статьѣ, стригутъ и брѣютъ голову, оставляя только длинный пукъ волосъ, подъ названіемъ „оселедца.“ Но вѣдь и поляки, еще не въ столь далекія времена, придерживались той же моды. Спрашивается: мы ли, поляки, а также другіе славяне ходили въ татарскую школу, или татары въ славянскую?“

Доказавъ затѣмъ этнографическимъ путемъ кровное славянство болгаръ, „Славянинъ“ заключаетъ эту статью такъ: „Станемъ глубже, усерднѣе изучать славянщину, и несомнѣнно убѣдимся, что всѣ мы, происходя отъ одного и того же корня, живемъ и одухотворяемся однимъ и тѣмъ же духомъ, наперекоръ всевозможнымъ цивилизаціямъ—греческой и латинской, и даже систематической германской. Будемъ же сами собой, не вредя никому.“

Подъ общимъ заглавіемъ: *Что дѣлаетъ эмиграція?*—напечатаны двѣ корреспонденціи изъ Цюриха, въ которыхъ разсказывается о разныхъ шутовствахъ польскихъ выходцевъ съ тономъ ироніи и укоризны. Такой здравомыслящій органъ, какъ „Славянинъ,“ и не могъ иначе отнестись къ нравственнымъ уродливостямъ польскаго кружка, отрѣзаннаго отъ общаго потока нормальной гражданской жизни. Въ статьѣ: *Статистическое сравненіе восточной и западной Галиціи,* приведены цифровыя данныя, касательно географическаго пространства и народонаселенія по національностямъ, вѣроисповѣданію, полу и возрасту. Въ очеркѣ: *Францъ Палацкій*, обрисована литературная и политическая дѣятельность этого чешскаго представителя.

Девятый выпускъ „Славянина“ отличается преимущественно тѣмъ, что въ немъ, сравнительно съ предшествовавшими выпусками, заключается много свѣдѣній, касающихся Россіи, и такимъ образомъ служащихъ матеріаломъ для ознакомленія другихъ славянъ съ русскимъ народомъ. Здѣсь мы находимъ историческій обзоръ русскаго языка и литературы до времени вступленія на престолъ императора Николая I. Исходя отъ принципа, что интелектуальное сближеніе народовъ всегда сопровождается благодѣтельными для нихъ послѣдствіями, уважаемая редакція намѣрена не ограничиваться одною этой статьей

но довести обзоръ русской литературы до ея современнаго состоянія. Такой трудъ послужитъ фактическимъ опроверженіемъ выходки краковскаго „Часа," который отвергаетъ даже существованіе русской литературы. А между тѣмъ, русская литература, говоритъ „Славянинъ," имѣетъ для насъ великую важность, потому что, непрерывно совершенствуясь, благодаря своимъ живительнымъ силамъ, можетъ быстро окрылить нашу собственную литературу"...

Въ отдѣлѣ смѣси помѣщена библіографическая замѣтка о книгѣ кн. Мещерскаго: *Очерки современной общественной жизни въ Россіи.* Замѣтка эта оканчивается слѣдующими словами: „Тотъ, кто не бывалъ въ Россіи лѣтъ семь, непремѣнно долженъ прочесть книгу кн. Мещерскаго. Изъ нея онъ составитъ себѣ вѣрное понятіе о гигантскомъ и всестороннемъ прогрессѣ, путемъ котораго пошелъ русскій народъ, благодаря великодушію Монарха и скромному, но плодотворному труду передовыхъ русскихъ людей. Бокль подтверждаетъ фактами ту несомнѣнную истину, что по мѣрѣ того, какъ люди ближе познаютъ другъ друга, между ними исчезаетъ взаимное недовѣріе и ненависть... Льстимся надеждой, что сочиненіе кн. Мещерскаго въ состояніи исполнить миссію примиренія съ народомъ русскимъ польскихъ читателей, потому что невозможно, прочитавъ означенное сочиненіе, не полюбить этого терпѣливо работающаго люда, съ его добрымъ не злопамятнымъ сердцемъ,—не возможно не сочувствовать его благимъ надеждамъ въ великую будущность, заря которой давно взошла уже надъ Волгой, и въ естественномъ порядкѣ вещей заблистала и надъ ея сестрой Вислой... Въ той же рубрикѣ помѣщена статейка о засѣданіи императорской академіи наукъ, объ училищахъ въ кіевской губерніи въ 1868 году, о журналистикѣ въ Одессѣ и о сибирской чумѣ въ Радомской губерніи.

Въ заключеніе, не можемъ не выразить нашего желанія, чтобы уважаемый „Славянинъ" нашелъ себѣ свободный доступъ въ польское и русское общество, и снискалъ бы себѣ сколь возможно обширнѣйшій кругъ читателей. Мы вполнѣ увѣрены, что мирная и безкорыстная пропаганда этого симпатичнаго органа не останется безъ добрыхъ нравственныхъ ре-

зультатовъ, и потому не можемъ не сочувствовать правительственному распоряженію, разрѣшившему „Славянину“ безпрепятственный входъ въ наши предѣлы. *И.*

(Варш. Дн.)

Объявленія о газетахъ и журналахъ на 1869 г.

ПОДПИСКА НА „ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ“ 1869 г. (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	На полгода:
безъ доставки и пересылки . .	4 р.	2 р. 50 к.
съ доставкою въ Петербургѣ . .	5 » 50 к.	3 »
съ пересылкою во всѣ города Россіи	7 »	4 »

Кромѣ того, отъ городскихъ подписчиковъ принимается подписка на «ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ» помѣсячно:

Безъ доставки по 40 к. за мѣсяцъ, съ доставкою—по 55 к. за каждый мѣсяцъ.

Для служащихъ въ Петербургѣ, допускается подписка съ разсрочкою, но не иначе, какъ черезъ гг. казначеевъ. При перемѣнѣ адреса, каждый подписчикъ долженъ вносить 10 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ главной конторѣ редакціи (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лѣсникова, надъ Милютиными лавками), въ газетныхъ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ. Иногородные подписчики благоволятъ обращаться, или прямо въ С.-Петербургъ, въ редакцію «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ,» или въ мѣстныя почтовыя конторы, какъ губернскія, такъ и уѣздныя.

Кромѣ мѣстъ, означенныхъ въ этомъ объявленіи, подписка на «Петербургскую Газету,» *для московскихъ подписчиковъ,* принимается въ Охотномъ ряду, въ лавкѣ купца *Живарева.*

Предварительный Комитетъ Высочайше разрѣшеннаго археологическаго съѣзда спѣшитъ извѣстить всѣхъ желающихъ въ немъ участвовать лично или присылкою своихъ трудовъ и находокъ, что съѣздъ положено открыть въ Москвѣ 16-го марта 1869 г., и

проситъ посылать всѣ заявленія и посылки для съѣзда въ Москву, на имя предсѣдателя предварительнаго комитета, графа А. С. Уварова (въ московское археологическое общество), или въ Петербургъ, на имя помощника предсѣдателя предварительнаго комитета В. В. Вельяминова-Зернова (въ Императорское Русское Археологическое Общество). Подробная программа съѣзда будетъ публикована въ непродолжительномъ времени.

---

2) **Внутренное Обозрѣніе**. Отчетъ о событіяхъ русской жизни. Судебная хроника.

3) **Научный Отдѣлъ**. Статьи, замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія и по преимуществу по вопросамъ естествовѣденія, политической экономіи, народнаго образованія и исторіи.

4) **Беллетристика**. Романы, повѣсти, путешествія и т. д.

5) **Критика и библіографія**. Разборъ журналовъ и болѣе или менѣе замѣчательныхъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

6) **Фельетонъ и Смѣсь**.

Въ «ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ЛИСТКѢ»,

кромѣ копій съ лучшихъ произведеній европейскихъ художниковъ, будутъ помѣщены рисунки К. Трутовскаго, сцены и типы изъ губернскихъ очерковъ Щедрина, М. Башилова, и портреты современныхъ писателей.

Газета «НЕДѢЛЯ» выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ, въ объемѣ отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, вмѣстѣ съ «Художественнымъ Листкомъ» **12** руб., полугодовому **6** руб. **50** к., съ пересылкою и доставкою. Безъ «Художественнаго Листка» годовая цѣна **6** руб., полугодовая **3** р. **50** к. съ пересылкою и доставкою. «На Художественный Листокъ» отдѣльно подписка не принимается.

Небольшое количество экземпляровъ «Недѣли и Художественнаго Листка» за 1868 г. имѣются въ запасѣ. Они продаются по тѣмъ же цѣнамъ, какъ за 1869 годъ.

Требованія адрессуются и подписка принимается: въ конторѣ редакціи газеты «НЕДѢЛЯ» въ С.-Петербургѣ, у Пѣвческаго моста, въ д. Утина, кв. № 37. Для московскихъ подписчиковъ: въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загражскаго.

Редакторъ-издатель *В. Е. Генкелъ.*

6) Бесѣды о страданіяхъ Спасителя. Цѣна, 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., вмѣсто 2 р. 80 к.

7) Слова и Бесѣды въ 4 частяхъ. Цѣна, 2 60 коп., съ перес., вмѣсто 3 р. 60 к.

8) Историческое ученіе объ Отцахъ церкви (въ сокращеніи). Цѣна 50 к. съ пер., вмѣсто 1 р. 25 к.

9) Опытъ объясненія на посланія Апостола Павла къ Галатамъ. Цѣна 75 к. съ перес. вмѣсто 1 р.

10) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. вмѣсто 1 р. 50 коп. сер.

11) Лугъ духовный. Цѣна 1 р. съ перес. вмѣсто 1 руб. 50 коп.

12) Описаніе харьковской епархіи въ 5 отдѣленіяхъ. Цѣна 3 р. съ перес. вмѣсто 3 р. 75 к.

13) Общій обзоръ черниговской епархіи. Цѣна 75 к. съ перес. вмѣсто 1 руб.

14) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Цѣна 50 к. съ пер. вмѣсто 75 к.

15) Крупицкій батуринскій монастырь. Цѣна 30 к. съ перес. вмѣсто 40 к.

Выписывающіе на 10 рублей пользуются уступкою по 10% съ рубля.

Выписывающіе обращаются съ своими требованіями *въ гор. Черниговъ, къ наставнику черниговской духовной семинаріи Өеодору Ивановичу Дмитревскому.*

одержаніе 10-ой кн. „Вѣстника западной Россіи“ за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Содержаніе 10-ой кн. „Вѣстника западной Росс
за 1868 годъ.